

Шемин Евгений ©
nov_zem@mail.ru

АРХИПЕЛАГ №6

Прощай школа.

*Этот синий, вечер летний
Закружил ребят.
Я на школьный бал последний
Пригласил тебя.*

Под эту незабываемую песню вокально-инструментального ансамбля «Самоцветы» начался школьный бал для выпускников средней школы №2 города Горнозаводска. Вопреки всем опасениям, он все же состоялся. Районный отдел народного образования (РОНО) категорически запретил его проведение в ресторане. По мнению чиновников от образования, выпускной бал должен был проведен, как и во все предыдущие года, в спортивном зале школы. Но 10 «Б» класс, ранее сформированный из самых самых, во всех отношениях, выпускников трех классов восьмилетней школы №3 того же самого города, не без помощи своих родителей, все же сумел организовать этот бал в ресторане.

Вручение аттестатов проходило в школе. А затем состоялось прощание с директором, завучем и другими учителями школы, которые хотя сами негласно поддерживали проведение бала в ресторане, но не могли решиться присутствовать там из-за запрета РОНО. Только два преподавателя математики, Валерий Михайлович и Борис Николаевич, которых ученики очень любили и от которых были всегда в восторге за их любовь к своей профессии, за дальние совместные походы, да и вообще, за долгую интересную совместную школьную жизнь, плюнули на все и решили присоединиться к своим бывшим ученикам.

Нарядные девушки, в красивых платьях, сделавшие их неузнаваемыми и неотразимыми, ребята, в строгих темных костюмах и галстуках, повзрослевшие прямо на глазах. Они, нарядной толпой, шли по вечернему Горнозаводску в единственный в городе ресторан «Приморье». Многочисленные прохожие провожали их восхищенными взглядами. И в этот вечер казалось, что весь мир у их ног.

Бал был замечательный. Ресторан был полностью в распоряжении выпускников, для них весь вечер играли настоящие профессиональные музыканты. Столы были накрыты белыми скатертями, шампанское в бокалах, внимательные официантки. Было очень весело и очень грустно.

А потом была встреча восхода солнца на берегу Японского моря и прощание с уже бывшими одноклассниками с клятвой, никогда и никого не забывать.

Здравствуй Москва.

Из Южно-Сахалинска до Хабаровска Мирон летел на четырехмоторном турбовинтовом Ил-18. Это был первый в его жизни полет на самолете. Запомнилось, что когда самолет оторвался от взлетной полосы и земля стала быстро удаляться вниз, то от ощущения, что между тобой и землей огромное расстояние и только тонкий пол в самолете не дает тебе ухнуть вниз, стало неприятно сосать под ложечкой и даже сводить ноги. Только когда Мирон перестал смотреть через иллюминатор на землю, эти неприятные ощущения прошли.

Дальше, из Хабаровска до Москвы, без посадки летел Ту-114. Этот восьмивинтовой монстр доживал последние дни на пассажирских авиалиниях. А запомнился он тем, что в полете от этих восьми винтов стоял невообразимый гул в салоне, а вибрация была такая,

что в туалете вода в раковине покрывалась мелкой рябью. У посетителя туалета ноги, из-за вибрирующего пола, не могли твердо стоять на нем и человек самопроизвольно не спешно плыл по этому самому полу. Для принятия устойчивого положения надо было уцепиться за что-нибудь руками.

Полет в таком гудящем и вибрирующем лайнере продолжался больше десяти часов, был утомителен, а удовольствие от него было весьма сомнительное.

Москва поразила бесчисленным количеством многоэтажных домов и суетой, одним словом, человеческий муравейник. Метро оставило двойное впечатление. Старые станции метро поразили красотой, оригинальностью и отделкой, а новые, на окраинах, не радовали глаз своей безликостью и дешевой кафельной облицовкой.

Вид Главного здания МГУ имени Ломоносова и его окрестностей воочию отменил у Мирона всякое сомнение по поводу его будущего альма-матер, только МГУ. Это была любовь с первого взгляда.

Наконец-то представилась возможность исполнить давешнюю мечту, поступить на физфак, на отделение астрономии. Но как стало ясно позднее, выпускникам школ из глухомани, будь они хоть и семи пядей во лбу, очень трудно было конкурировать при поступлении в престижные ВУЗы с выпускниками школ из крупных мегаполисов, а тем более со столичными. Как минимум, сказывается разница в уровне преподавания в школе, отсутствие дополнительных возможностей, в виде подготовительных курсов при ВУЗах, а так же целенаправленного натаскивания будущих абитуриентов на сдачу вступительных экзаменов репетиторами.

Мирону, для поступления, не хватило конкурсных полбала. И так повторялось еще два года подряд. В промежутках между вступительными экзаменами, в очередной раз по ночам готовясь штурмовать МГУ, Мирон успел поработать строителем, а затем и электриком.

В один из таких межсезоний, давний знакомый Мирона по фамилии Ли, выпускник физфака МГУ, пригласил его к себе в гости на встречу с одним интересным человеком. Этим человеком оказался Тадеуш Касьянов, известный ученик и сподвижник знаменитого, в то время, мастера карате Алексея Штурмина.

Тадеуш рассказал свою историю вхождения в мир карате. В свое время он работал водителем такси. Как-то раз к нему в машину сел худощавый молодой человек интеллигентный наружности и попросил отвезти его в центр. При расчете за проезд этот интеллигентик имел неосторожность, как показалось тогда Тадеушу, небрежно швырнуть ему деньги. Оскорбленный Тадеуш осерчал, стал говорить нехорошие слова пассажиру и тут нашла коса на камень. Решили пройти в скверик и выяснить отношения по мужски. Тадеуш был крепким мужиком, раньше он занимался боксом, о чем красноречиво свидетельствовал его сломанный нос, имел звание мастера спорта. Он решил научить этого интеллигента вежливости. Но как только Тадеуш попытался нанести ему хук, тот мгновенно, с разворота сбил пяткой кепку с головы Тадеуша, а затем другой ногой обозначил еще несколько других ударов ему в голову. Тут Тадеуш забыл о своих оскорбленных чувствах, более того, стал извиняться и просить молодого человека взять его в ученики. Так Тадеуш Касьянов нашел своего сенсея Алексея Штурмина.

Сам Штурмин, в свое время, обучился карате у мастера по боевым восточным единоборствам корейца, тоже по фамилии Ли, которого прислали в Москву на учебу из Пхеньяна. С этого времени началось знакомство и сотрудничество Штурмина и Касьянова, основателей Центральной школы карате.

Знакомство с Касьяновым позволило Мирону приобщиться к миру карате. Это было большой удачей. В то время заниматься карате было почти так же трудно достижимо, как полететь в космос. Мирон стал тренироваться у ученика Тадеуша Касьянова, многократного чемпиона СССР по карате Виктора Смекалина. Многолетние занятия в школьные годы спортивной гимнастикой и акробатикой, невероятный энтузиазм и

ежедневные изнурительные тренировки принесли свои плоды. Это было отмечено и Смекалиным, и Касьяновым.

Совсем случайно удалось устроиться на работу в Москве. В то время сделать это иногородним было весьма затруднительно. Существовали жесткие лимиты для немосквичей, как по количеству выделяемых им рабочих мест, так и по специальностям. Эти специальности конечно же были самыми низкооплачиваемыми, неквалифицированными или тяжелыми, на которые коренных москвичей нельзя было затащить ни за какие коврижки. Потому людей, занятых на такого рода работах, москвичи презрительно называли лимитчиками.

Лимитчикам давали временные прописки, выделяли места в рабочих общежитиях, но им запрещалось менять место работы. Если лимитчик увольнялся с работы, то он автоматически лишался московской прописки и был вынужден покинуть пределы Москвы, так как находиться в столице СССР, в режимном городе Москве, без прописки было запрещено. То есть просматривалась полная аналогия с положением крепостных.

Организация, у которой нашелся лимит электрика для Мирона, занималась эксплуатацией знаменитых высотных зданий Москвы. Работа была непыльная, но и платили соответственно, восемьдесят рублей в месяц, что по тем временам были совсем маленькие деньги, еле хватало одному на пропитание. Мужское общежитие находилось на пятом этаже одного из высотных зданий на Новом Арбате. На первом этаже этого здания и по сей день располагается аптека. На шестом этаже размещалось женское общежитие. А вообще квартиры этого дома были заселены людьми заслуженными и номенклатурными.

Но возникла одна проблема. Для того, чтобы получить по лимиту временную московскую прописку, Мирону, как военнообязанному, надо было встать на учет в военкомате. Но военком категорически отказался поставить его на учет, мотивируя это тем, что среди подопечных ему московских призывников куча безработных, а тут понаехали чужаки и занимают вакансии. Скорее всего это была отговорка, просто военком ждал, когда его подмажут.

Старшие товарищи на работе, коммунисты, возмутились этим наглым вымогательством и посоветовали Мирону обратиться за помощью, как члену ВЛКСМ, в Оборонный отдел в ЦК ВЛКСМ. Визит в эту организацию действительно оказался действенным, военкома в приказном порядке заставили поставить Мирона на военный учет.

Но эта история имела и свои последствия. В отместку военком, когда весной Мирону настало время идти в армию, зачислил его в команду, которая отправлялась служить к черту на кулички. И вот после ночи бурных проводов в кругу друзей и подруг, наутро Мирон отправился на службу в армию.

ВЕСНА. ГОД ПЕРВЫЙ.

Архангельск-55. Полет в неизвестность.

После приземления в аэропорту Архангельска, что удалось определить по большим буквам на здании аэропорта, ТУ-134 покатила к дальней части аэродрома к одиноко стоявшему неприметному зданию. Пожилой младший лейтенант, с сильным украинским выговором, и трое сержантов в шинелях, щегольски ушитых брюках и яловых сапогах на высоких каблуках, «купившие» призывников на городском сборном пункте Москвы, быстро выстроили новобранцев на бетонке аэродрома и повели их к этому зданию. Никого не надо было подгонять, так как по-весеннему легко одетые новобранцы мгновенно замерзли на открытом всем ветрам летном поле, местами бликующем ледяной коркой. Было странное ощущение нереальности. Еще полтора часа назад, когда садились в самолет в московском аэропорту Внуково, уже ничто не напоминало о зиме, в то время когда здесь еще стояла настоящая зимняя стужа.

Внутри здания было уже все знакомо. Те же длинные деревянные лавки зеленого цвета, как в городском сборном пункте в Москве, куда привозят новобранцев из районных военкоматов. Последовала команда перекусить из своих запасов или сухим пайком, выданным на сборном пункте, при отправке. Но следовало признаться, что особо никто есть не хотел, так как подавляющее большинство мучалось сильнейшим похмельем и ничего в рот не лезло. Чего-чего, а устраивать проводы в армию в СССР умели, что в Москве, что в самом дальнем захолустье. Видя такое, сержанты презрительно ухмылялись и многозначительно переглядывались между собой. Самое странное было то, что ни переросток младший лейтенант, ни сержанты, всю дорогу вообще старались не разговаривать с призывниками и несмотря на настойчивые попытки некоторых ребят выведать, куда их везут служить и в какие войска, молчали как рыбы.

Последовала команда собраться и строиться. После чего неожиданно для всех призывников, ожидавших, что их повезут куда-то наземным транспортом, ребят опять повели по промерзшей бетонке к тому же самому самолету, на котором они только что прилетели. Кто-то из команды, несмотря на то, что был с бодуна, стал шутить, высказывая предположение, что просто перепутали и их не туда привезли, или вообще служба уже закончилась, наступил дембель и все возвращаются обратно в Москву. Но основная часть команды напряглась, что было заметно по их недоуменным лицам: «Куда же еще лететь дальше из Архангельска, на Северный полюс, что ли?».

Разогнавшись, самолет оторвался от взлетной полосы и стал набирать высоту. Основная часть призывников стала подремывать, как вдруг раздался зычный голос младшего лейтенанта. Стоя на проходе между кресел, громко окая и чеканя каждое слово, он произнес:

- Моя фамилия Васильчук, я буду вашим командиром до принятия Вами присяги. А теперь слушайте меня внимательно: Вашим адресом отныне будет Архангельск-55, и только Архангельск-55. Писать домой или комунибудь о том, где Вы служите, что Вы видите или что-либо еще, кроме жив-здоров, запрещено. Более того, Все Ваши письма обязательно будут вскрываться и проверяться. Всем ясно?

В ответ раздался нестройный хор голосов растерянных новобранцев:

-Ясно...

Если до сих пор некоторых мучили смутные догадки, то после слов лейтенанта ребята вообще перестали что-либо понимать: «Архангельск! Какой Архангельск? Ведь мы только что оттуда улетели. Чертовщина какая-то!». Лица сержантов выражали полное удовлетворение произведенным на новобранцев, словами младшего лейтенанта, эффектом.

А за иллюминаторами стали происходить заметные перемены. Серое тоскливое архангельское небо стало быстро наполняться вечерними сумерками. В то же время, часть неба у горизонта стала постепенно окрашиваться в зловещий багровый цвет, что обычно бывает вечером в непогоду, при закате солнца. Все это было очень непривычно, потому что, судя по часам, было всего лишь два часа дня.

Через полтора часа полета самолет начал снижаться. Простое арифметическое действие, примерная скорость самолета, умноженная на время полета, давало расстояние около полутора тысяч километров. Но даже эта информация не давала однозначного ответа: «Куда же все-таки это мы прилетели?».

Посадка самолета была не для слабонервных. Когда самолет прошел сквозь плотные облака, уже у земли, судя по болтанке, стало ясно, что за бортом метет. Метет, да еще как метет. В иллюминаторы ничего не было видно, кроме летящих горизонтально хлопьев снега. Но несмотря на сильный ветер и плохую видимость, летчик, хотя жестко и как-то немного боком, но все же мастерски, с первого раза, посадил самолет.

То, что увидели призывники из иллюминаторов, заставило их просто онеметь. Еще шесть часов назад они, во дворе городского сборного пункта Москвы, грелись на солнышке, отходя после прошедших проводов, слушая чириканье птичек и шелест молодой листвы. Здесь же, снаружи самолета, одиноко стоявшего у взлетной полосы посреди арктической пустыни, была в разгаре настоящая зима, да такая, что по сравнению с которой зима в Архангельске была просто тропиком.

Багровый закат едва освещал ландшафт. Неподалеку от самолета рядом стояли тентованные зеленные армейские УРАЛы. Около них и самолета ходили военные в не совсем понятных для призывников черных облачениях, как позже выяснилось в спецпошивах, которые при всей своей примитивности и дешевизне, являлись одним из самых практичных и эффективных средств защиты от арктического мороза и пронизывающего ветра.

Спецпошив представляет собой фуфайку из черной плотной хлопчатобумажной ткани снаружи с пропиткой, утепленный ватой, с внутренней байковой прокладкой, достаточно большим и плотным воротником из искусственного меха и капюшоном. В целом, спецпошив отличается от фуфайки, которую носят на зоне зеки, только воротником с капюшоном и отсутствием полосатой простежки. Но, помимо всего прочего, в спецпошиве есть одна деталь, которая делает спецпошив спецпошивом - это сопливчик, противоветровая вставка спереди, где застегиваются пуговицы, заканчивающаяся в верхней части полумаской, прикрывающая подбородок, рот, нос и щеки практически до уровня глаз. Одев спецпошив, затянув поверх него ремень на поясе, чтобы не поддувало снизу, закрыв сопливчиком лицо до глаз, подняв воротник и натянув на шапку капюшон, можно было комфортно, насколько это возможно в Арктике, находиться достаточно длительное время на морозе. Следует отметить, что спецпошив спас не одного солдата от обморожения или даже от гибели. Но спецпошив греет только в течение одного года, так как на второй год пропитка плохо спасает от влаги, а ватная прокладка сваливается и перестает держать тепло. Но все равно спецпошив положен был солдату один на два года службы.

Спецпошивы, предназначенные на крайнем севере в основном для военнослужащих срочной службы, были популярны у стар и млад, у мужчин и женщин, у офицеров и вольнонаемных, обитавших в арктических гарнизонах. И они всеми правдами и неправдами договариваясь со снабженцами, каптерщиками, старшинами в войсковых частях и старались занять его.

Прозвучала команда выходить и строиться. Кошмар начался сразу же за бортом самолета, уже на трапе. Температура была за минус двадцать. Резкий, жесткий, студеной ветер продирался через складки одежды и обжигал каждого, кто выходил из самолета, беспощадно сек лицо снежной крупой, по твердости сравнимой с каменной крошкой. Мало у кого из новобранцев бритые головы прикрывали головные уборы, за исключением нескольких счастливицев в вязаных шапочках. Большинство из прибывших были в легких куртках, ветровках или стареньких демисезонных пальто, одетых на рубашку. На ногах были легкие полуботинки или в кеды. Ветер трепал штанины и у многих в этот момент из под брючин выглядывали голые ноги.

Призывников стали выстраивать у УРАЛов. Вышедшие первыми из самолета были вынуждены присесть и скрючиться в самых невероятных позах, прикрывая уши и щеки воротниками и руками от морозного ветра, пока ждали остальных. Рядом стояло хоть и маленькое, но настоящее здание аэропорта. Но никто из встречавших даже не думал

заводить туда ребят. И тут новобранцы впервые услышали слово «ушан». Это солдаты в спецпошивах, стоявшие у УРАЛов, обращаясь к новобранцам, кричали:

-Ушаны! - и когда не видел младший лейтенант Васильчук, выразительным жестом обводили рукой вокруг шеи и вверх, показывая, что надо вешаться. Всем новобранцам стало ясно, что отныне теперь они ушаны. Хотя почему ушаны, никто из них так и не понял.

На крайнем севере, в отличие от других регионов нашей необъятной Родины, солдат срочной службы, только что призванных в армию, называют не салагами или как-то по другому, а ушанами. В Арктике солдатам положены зимние шапки особого покроя. У этих шапок уши длиннее, чем у обычных солдатских шапок, раза в полтора. Опущенные вниз и завязанные под подбородком, эти уши заворачиваются внахлест и надежно прикрывают в мороз шею, подбородок и щеки от обморожения. Но для закаленных и гордых старослужащих носить такие шапки считалось унижительным и они всеми способами старались приобрести обычные солдатские, а еще лучше офицерские шапки. Вообще солдатская мода - это отдельная большая тема для разговора.

УРАЛы с новобранцами резво взяли старт и поехали прочь от аэродрома. Временами дорога представляла собой снежную траншею, в которой едва могли разминуться две встречные машины и порой с настолько высокими снежными отвалами по сторонам, что тентованные УРАЛы полностью скрывались в них. Колючая снежная пыль, поднятая подпрыгивающими на ухабах автомобилями, забрасывалась внутрь кузова и оседала там на новобранцах, в основном на сидевших у заднего борта, от этого им приходилось особенно туго. Перед взором открывалась мрачная и тоскливая картина: бесконечная снежная пустыня в багровых сумерках и невесь откуда взявшийся посреди этой пустыни заброшенный и искореженный экскаватор. «Д-а-а, влипpli. Если даже такая железная техника здесь не выдерживает, как же мы здесь выживем?» - пронеслось в голове не у одного новобранца. Настроение не улучшали и солдаты, сидевшие за баранками позади идущих машин, которые всеми способами пытались привлечь внимание ушанов и неустанно жестами призывали их повеситься и при этом дико ржали.

После получасовой тряски в промерзшем кузове, ушаны въехали на снежную площадку, окруженную с четырех сторон длинными огромными сугробами, из которых вверх торчали дымящиеся трубы. Судя по аккуратно очищенным от снега крыльечкам в середине каждого сугроба, это все же были какие то строения, под самый конек заметенные снегом. Никому из ушанов в голову не могло прийти, что это есть те самые солдатские казармы, в которых им придется провести два не самых простых и не самых легких года в их жизни. А так же солдатская столовая, в которых им придется принимать то, что только в Советской армии могут называть пищей и штаб войсковой части, обитатели которого на целых два года становились вершителями их судеб.

А завалены эти строения снегом по самые трубы были не только природными силами, но и усилиями солдат. Чтобы спастись от морозов, которые иногда зашкаливали в этих местах за минус пятьдесят градусов, легкие щитовые казармы барачного типа нарочно со всех сторон, для теплоизоляции, забрасывали снегом. Так как в одной казарме располагалась одна рота солдат, то между собой солдаты называли казарму ротой. Обычно в одной войсковой части было три казармы, то есть три роты, что в сумме составляет батальон.

Впавших от длительного нахождения на жутком морозе и от не менее жуткой болтанки в кузове грузовика в анабиозное состояние замерзших ушанов, засыпанных снежной пылью, под крики высыпавших из казарм и столовой солдат:

- Ушаны! Вешайтесь! - повели по снежной площадке, впоследствии оказавшейся плацем, в одну из казарм.

Следует отметить, что в течение последующих нескольких недель в эту часть были доставлены несколько сот ушанов, которые прошли по дороге из аэродрома в часть испытание вышеописанным жутким морозом. Но что удивительно, практически никто из них не заболел. Видимо, всякие там простуда, воспаление легких, пневмония и прочие болезни напрочь капитулировали перед жутким стрессом, мобилизовавшим защитные силы организма каждого ушана, ступившего на эту неласковую землю. Этой мобилизации хватало, в большинстве случаев, на все два года службы. Как бы не мерзли порой солдаты на службе, мало кто из них болел здесь простудными заболеваниями, даже реже, чем на гражданке, в более теплых краях. После прохождения курса молодого бойца и принятия присяги, часть новобранцев оставили в части, а остальных отправили в соседнюю часть и в поселок Северный.

Первый день в части.

В казарме, представлявшей собой барак, разделенный на две части, было тепло и чисто, но никого не было. Левая часть была без перегородок, а потому казалась огромной. Она была разделена на две половины проходом. Потолок держался на деревянных подпорках. По обе стороны прохода ровными рядами стояли двухъярусные металлические койки с идеально заправленными постелями, похожие одна на другую, как клоны. Синие солдатские одеяла не имели ни одной складки, а боковые края этих одеял, заправленные под матрас, имели прямые ребра-стрелки. Одинаково туго затянутые в наволочки подушки ровненько лежали у изголовья, в виде брусочков. Даже полотенца были удивительно единообразно сложены и висели на поручнях спинок коек. Между койками стояли деревянные тумбочки, а по проходу, у спинок коек, стояли деревянные табуретки с непонятными прорезями на сидушке. При этом было заметно, что всем этим пользовалось не одно поколение срочников. Правая часть казармы была разделена проходом, но уже перегородками с дверями. Как выяснилось позже, за дверями находились Красный уголок, каптерка старшины, курилка, умывалка, уборная, сушилка, бытовая комната, канцелярия роты и кочегарка. Это была стандартная казарма барачно-шитового типа.

Усталые ушаны, замерзшие до самых костей и разморенные долгожданным теплом, повалились на заправленные койки прямо в обуви и мгновенно затихли в полузабытьи. И тут неожиданно раздался грозный окрик:

- Ни х...я себя, оборзели совсем! Это кто вам разрешил валяться на койках, а-а-а? А ну ка быстро всем встать!

Испуганно вскочив на ноги, ушаны увидели только что вышедшего из каптерки молодого миловидного прапорщика, очумевшего от увиденного:

- Вы что, на говно захотели? - смысл этого выражения станет понятен ушанам несколько позднее.

- А ну ка, быстро строиться!

Кое-как изобразив что-то наподобие строя вдоль прохода, ушаны испуганно притихли.

- Запомните - сказал грозно прапорщик - никто и никогда, кроме отдыхающих дневальных и второй смены, не должен днем не то что лежать, даже сидеть на койках, Ясно?

- Ясно- раздалось в ответ несколько нестройных голосов.

- Я спросил, ясно или нет?- еще громче и грознее спросил прапорщик.

- Ясно!- хором дружно и четко ответили ушаны, как будто всю жизнь только этим и занимались.

- Тогда быстро привели постели в порядок - скомандовал прапорщик.

Лучше бы он этого не требовал. Полупомятые постели, хоть чем-то напоминавшие те идеально заправленные ранее постели, постепенно, неумелыми стараниями ушанов, стали приобретать совсем nepотpeбный вид. Наверное в конце концов все закончилось бы полным бардаком, если в это время в казарму не вошли младший лейтенант Васильчук и сержанты.

- Встать, смирно!- скомандовал прапорщик.

- Отставить!- дал команду Васильчук - построить всех.

- Становись! Ровняйся! Смирно!- скомандовал прапорщик.

Опять, как и в первый раз, вдоль прохода образовалось что-то наподобие строя.

- Вольно! – дал команду Васильчук

- Вольно! – эхом отозвался прапорщик.

- Так, теперь я могу вам сказать, что вы прибыли служить на Новую Землю, в гарнизон Белушья Губа - громко окая и четко чеканя слова, как в самолете, произнес Васильчук, оглядывая изумленные лица ушанов.

- Теперь несколько слов о дисциплине. Неделю назад один старослужащий решил пройтись до бани, а это всего лишь в ста метрах от части. Когда он выходил из казармы, была ясная погода, но через пару минут так замело, что, как говорят у нас, ломы стали летать. И в этих условиях он просто-напросто заблудился на крошечном пятачке и по всей видимости ушел в тундру, где и замерз. До сих пор его не нашли. Поэтому никому не отлучаться из казармы без разрешения, перемещаться куда-либо только строем и по команде. И еще, хотя в части есть собаки, но если кто-то из Вас понравится белому медведю, а они иногда разгуливают здесь по плацу, то и они не выручат. Ясно?

- Ясно – как-то неуверенно, раздалось в ответ.

Пропавшего солдата, по фамилии Донцов, нашли летом, когда растаял снег. Он крутился в шестидесяти метрах от бани, пока не замерз, а затем его засыпало снегом. Кстати, было проверено, что каким бы ветер не был ураганным, ломы при этом не летают. Да и другое, очень популярное на Севере утверждение о том, что струя по малой нужде в жуткие морозы замерзает на лету, было опровергнуто на практике. Даже под минус шестьдесят градусов этого не происходит и струится она, как ни в чем не бывало. А с белыми медведями, как бы грозно не звучало предупреждение в устах ротного Васильчука, на самом деле все обстояло гораздо серьезнее. Но об этом позже.

- А теперь выкладывайте все из своих карманов, рюкзаков и сумок и положите перед собой.

Сержанты прошли вдоль строя, вороша вещи и продукты, забрали спиртное, одеколоны и ножи, свалили их в мешок и под бдительным присмотром прапорщика все отнесли в штаб. Остальные вещи так и остались лежать на полу.

Ушанов опять вывели из казармы на мороз, построили и под улюлюканье старослужащих, повели к большому двухэтажному кирпичному зданию, в ту самую баню, сразу за казармами. Многие ушаны недоумевали, как здесь, даже в пургу, можно было потеряться?

Баня была очень приличная, ничем не хуже большинства общественных бань в Москве. Этой гарнизонной баней пользовались как военные, так и гражданские. По команде все разделись в предбаннике и вошли в теплую помывочную. Горячая вода, оцинкованные тазики, деревянные лавки. Вот кайф! Но не успели некоторые ушаны как следует намылиться, раздалась команда выходить и получать обмундирование. Оказалось, что прошло уже тридцать минут, а больше мыться было не положено.

В предбаннике уже стояли огромные мешки с обмундированием. Прапорщик опытным глазом окидывал очередного голого новобранца, по одним только ему известным критериям определял размеры одежды и обуви и сообщал об этом сержантам. Последние быстренько извлекали из мешков обмундирование, шапку, сапоги и бросали их ушану. Такой способ экипировки новобранцев имело лишь одно преимущество - за

двадцать минут одели и обули более ста человек. На многочисленные жалобы новобранцев на жмущие сапоги и не застегивающиеся пуговицы на обмундировании, был лишь только один ответ:

- Ищите тех, кому что-то велико или мало и меняйтесь.

При этом, параллельно, сержанты успевали быстренько поворошить в кучке, брошенной новобранцами гражданской одежды и отбирать более или менее стоящую одежду. Как оказалось позднее, это нужно было им для того, чтобы ходить в них в самоволку в гарнизонный магазин и другие интересные места.

К удивлению ушанов, им вместо черных спецпошивов выдали пшеничного цвета бушлаты без мехового воротника, сопливчика и капюшона. Впоследствии оказалось, что вскоре все солдаты на два месяца перейдут на эту летнюю форму одежды. Но и эта экипировка достаточно хорошо защищала от стужи и ушаны чувствовали в них себя комфортно на морозе. Байковые портянки, толстое потрепанное нижнее белье, зеленая хэбешка (брюки и гимнастерка из хлопчатобумажной ткани), та самая пресловутая зимняя шапка с длинными ушами и трехпалые варежки пехоты, хорошо защищали от мороза. Получалось хоть и дешево, но сердито.

В этот момент у подавляющего большинства ушанов зародилось жуткое желание иметь спецпошив, как у старослужащих, и вообще все, как у старослужащих.

Подобные, неподконтрольные разуму желания являются неиссякаемой пищей, подпитывающей и поддерживающей так называемую армейскую моду в течение всего срока службы солдата. Это неистребимая тяга носить шапку, сложенную как пирожок, чудом удерживающуюся на затылке. Если это фуражка, то вначале ей придают заливчатый вид. Один крепко держит за заднюю верхнюю часть фуражки, а другой сильно тянет ее за козырек и при этом бьет ребром ладони по тулье, добиваясь, чтобы эта самая тулья загибалась круто вверх, плюс изогнутая по вертикали кокарда. А белый подворотничок гимнастерки подшивают, вставляя в него кусок изоляции от электрического провода. В результате получается красивая ровная окантовка подворотничка, правда нередко сильно натирающая шею. Это небрежно висящий в районе причинного места распущенный ремень, опять таки с изогнутой и начищенной пастой Гойей до зеркального блеска бляхой, сапоги гармошкой на двойных, в форме стаканчика, каблуках и жесткие вставки в погоны, придающие им своеобразный вид. Гимнастерка должна быть максимально приталена, а брюки ушиты в обтяжку. Мало кому удавалось избежать заболеть этой заразой, по крайней мере хотя бы каким нибудь одним из ее элементов.

Следует отметить, что новобранцы в солдатской форме выглядели достаточно комично. Большинство из них затащили ремни на бушлатах в осиную талию где-то под подмышками, шапки были натянуты прямо на уши, а новые негнущиеся кирзовые сапоги болтались на ногах и гулко стучали при ходьбе.

Построив это несуразное воинство, сержанты повели шагающих не в ногу ушанов обратно в роту. И здесь бедные ушаны увидели, что оставленные ими вещи были аккуратно подвергнуты кем-то ревизии и все более или менее ценные вещи, как-то электробритвы, которые обычно дарят на службу друзья или коллеги по работе, другие нужные вещи и милые безделушки, как память о любимых девушках, исчезли. Причем апеллировать к кому-либо было бесполезно. Прапорщик лишь разводил руками, а сержанты, пряча глаза, играли в незнанку. Самым настойчивым новобранцам они многозначительно намекали на неуместность их активности. Вскоре ушаны

действительно осознали, как это было опрометчиво пытаться вернуть свою собственность назад.

Армейская столовая.

Далее последовала команда взять все, что осталось у новобранцев из привезенных с собой домашних продуктов и следовать в столовую.

Следует отметить, что перемещение солдат куда-либо, в столовую, баню, клуб, на утренний развод на плац, в расположение объекта несения службы или куда-то еще, всегда происходило строем и только строем.

Столовая представляла собой все тот же щитовой барак, заваленный со всех сторон снегом и разделенный на две половины: кухонную часть и зал для приема пищи. В кухонной части находились помещения для обработки продуктов, хлебoreзка и сама кухня, с плитами и огромными котлами из нержавеющей стали. В зале для приема пищи в три ряда стояли длинные столы, по каждому ряду для каждой роты. У каждого стола, с обеих сторон, стояли деревянные лавки на пять человек, то есть за каждым столом размещалось десять человек. Так же непосредственно к кухне примыкало небольшое помещение офицерской столовой, с занавесочками на окнах, в котором стояли обычные столы, накрытые скатертью и столовыми приборами на них.

В столовой за столами сидели всего лишь несколько солдат. Как впоследствии оказалось, это были дневальные из рот и дежурный по штабу, которые обычно принимали пищу позже других солдат. Они с нескрываемым любопытством наблюдали за толпой ушанов, которые, ввалившись толпой в столовую, стали как попало усаживаться за столами, на которых с краю стояли по два больших котелка, с чем-то отдаленно напоминающим суп в одном и рагу в другом котелке, чайник литров на четыре, стопка из десяти помятых мисок и десять погнутых ложек, все это из алюминия, десять покоцанных эмалированных кружек и буханка ржаного хлеба, уже нарезанная на десять кусков.

Между рядами столов метался сержант, который в ярости орал на ушанов:

- Кто разрешил садиться? А ну всем быстро встать! Разместиться по десять человек за столом и стоять, пока я не дам команду!

Когда все-таки сержанту удалось расставить ушанов по десять человек за столами, он скомандовал:

- Головные уборы, снять!

Ушаны сняли шапки.

- Садись!

Эти команды ушанам удалось выполнить без проблем. Но затем начался очередной бардак. Кто-то начал распаковывать свои припасы, другие начали исследовать содержимое котелков.

Но тут в очередной раз вышел из себя сержант:

- Кто разрешил принимать пищу? А ну, быстро всем, встать!

После того, как испуганные ушаны вскочили с лавок, он прокричал:

- Принимать пищу только по команде! Ясно?

- Ясно – нестройно ответили ушаны.

На этот раз повторная процедура со снятием головного убора, посадкой на лавки и началом принятия пищи по команде сержанта, прошла, можно сказать, почти безупречно.

Все это происходило под гогот старослужащих и обидные для сержанта советы и комментарии. Сержант, с побагровевшим лицом, стиснув зубы старательно делал вид, что ничего не слышит.

Оказалось, что сидящие с краю стола, где находилась котелки, должны были раскладывать и раздавать пищу другим за столом. Но лишь немногим показалось, что из солдатской пищи можно что-то съесть. В конце приема пищи практически все осталось на столе, довольствовались только домашними запасами.

Все это вызвало довольно злобную реакцию старослужащих в столовой, которые ели все ту же солдатскую еду, что выдали и ушанам, отчасти из чувства зависти к употреблению ушанами домашней снеди, отчасти из-за пренебрежения последними солдатским рационом.

- Ничего, еще будете чернуху таскать в карманах и жрать его – пророчествовали старики. Как оказалось, чернухой они называли кислый ржаной хлеб.

Для большинства это был единственный день за два года, когда можно было познать вкус домашней еды, так как забирать назад с собой ее остатки было запрещено. Зато позже состоялся маленький праздник живота из этих остатков у солдат, несших службу в столовой.

Минут через двадцать, которые для ушанов пролетели как пять минут и многие не успели поесть вволю, сержант скомандовал:

- Встать! Надеть головные уборы! Выходи строиться!

Следует отметить, что это был в первый и в последний раз, когда процесс поглощения пищи в столовой длился так долго. В последующем на это давалось в среднем минут пятнадцать и многие ушаны не успевали съесть даже половину обеда. А потом, через пару недель, большинству новобранцев стало хватать и десяти минут. И этот порядок, оказывается, действовал для всех без разбору, невзирая на то, ушан ли ты или дед.

Надо сказать, что ни в этот, ни на следующий день мало кто из ушанов ел солдатскую пищу в столовой, кроме масла с хлебом и вареным яйцом с чаем, суррогатным кофе или компотом. Но буквально на третий-четвертый день у всех ушанов проснулся зверский аппетит, отчасти из-за жесткого распорядка дня, отчасти из-за бесконечной строевой муштры на свежем морозном воздухе, когда после этого надо было восполнять расход калорий на потерю тепла и шагистику, отчасти из-за сильнейшего нервного стресса. В столовой со стола сметалось все, до крохи. Остатки хлеба украдкой прятали в карманах, чтобы потом, в промежутках между приемами пищи, потихонечку, когда невыносимо начинало сосать под ложечкой, забивать чувство голода кусочком чернухи.

Вечно голодное состояние ушан испытывал примерно первые полгода службы, затем молодой организм адаптировался. А еще через год, уже не ушан, но старик обходился избирательно лишь более или менее употребительной частью солдатского рациона, а не всем подряд, с пренебрежением глядя на голодных ушанов, как будто-то он им никогда не был, а призывался сразу дедом.

Здесь следует немного остановиться и подробнее рассказать о том, что представляет собою еда, которой кормят солдат, о солдатской кухне и не только о ней. Считается, что тем, кто несет службу за полярным кругом, полагается усиленное питание, хотя бы из-за того, что надо восполнять потери тепла на морозе. Формально нормы усиленного питания соблюдаются. Каждый день солдату на завтрак выдают 25 граммов сливочного масла, по воскресеньям дополнительно сваренное вкрутую яйцо. Если с яйцом было более или менее все в порядке и практически оно всегда было не тухлое и от него нельзя было оторвать кусочек и своровать, как и хлеб, который выдавался целой буханкой, надрезанной на десять кусков, то с маслом было не все так гладко. Во первых, оно время от времени по вкусу и консистенции поразительно напоминал маргарин. Во вторых, порция масла представляла собой шайбу определенного размера, что в расчете, объем умноженный на плотность, должна была давать 25 граммов. Но это в теории.

На практике солдат-хлеборез, он же по совместительству и ответственный за масло, очень уважаемый всеми, в силу своих возможностей, « профессионал», брал специальный дозатор, в виде открытого с одной стороны металлического цилиндра строго

определенного размера и соскребал им с большого брикета масло. При этом его профессионализм заключался именно в том, чтобы внутри шайбы масла обязательно образовывалась небольшая воздушная раковинка, которую, если обнаруживала какая-нибудь проверка, всегда можно было выдать за случайный брак. Но если учесть, что на завтрак изготавливались более четырех сотен этих шайб, то излишки масла измерялись килограммами в день. И это было хорошо известно всем, заведующему столовой, обычно им был гражданский контрактник, чьим ставленником был хлеботорец, а так же разным другим начальникам. Но все они закрывали на это глаза, каждый по разным причинам.

Какие манипуляции производились с другими продуктами, об этом могут знать лишь только профессионалы от общепита, но сами эти манипуляции сказывались не лучшим образом на качестве питания солдат.

И так, завтрак состоял из куска масла, куска белого хлеба, небрежно сваренной и не очень вкусной крупяной каши и кружки чая, плюс по воскресеньям и праздникам куриное яйцо вкрутую.

На обед чаще всего давали различные супы, отдаленно напоминающие щи из кислой, из очень кислой квашеной капусты, которая всегда была в изобилии в силу его способности бесконечно долго храниться в любых условиях. Эти супы готовились из переваренной до отдельных волокон свинины. Зато никому не было обидно, мясо доставалось хотя бы по чуть-чуть, но всем. Надо отдать должное, но свинина всегда была свежая, так как, в отличие от других продуктов, она не завозилась в навигацию, а производилась тут же, в свинарнике при части. И с кормом для них тоже не было проблем, ну очень много оставалось отходов в солдатской столовой. На второе регулярно готовилось блюдо, которое называлось рагу. Брели курицу, превратившуюся в результате многомесячного хранения в морозильнике в сублимированную мумию, опять варили его до состояния отдельных волокон, затем добавляли туда все ту же квашеную капусту, картошку, лук. Первое отличалось от второго тем, что первое было жиже со свининой, а второе бурдой с курицей. Плюс кусок кислого ржаного хлеба и компот, из залежалых сухофруктов.

Ужин тоже не радовал гастрономическими изысками. Это обычно была жаренная рыба. Какой бы породы рыба не была, в силу особенностей ее доставки и хранения, она была всегда ржавая и потому всегда была невкусной. Правда, иногда было исключение, но исключение тоже весьма своеобразное. Оно состояло в том, что вместо замороженной рыбы жарили соленую рыбу, селедку или скумбрию. Кто-нибудь пробовал жаренную соленую селедку? Поэтому деды обычно на ужине довольствовались лишь гарниром к рыбе, например пюре из картошки или макаронами. А потребляли эту рыбу только ушаны, да и то не все. Так же на ужин солдату давали кусок белого хлеба и суррогатное кофе, для приготовления которого в кипящую воду высыпали порошок из пережженного цикория и подслащивали сгущенным молоком, вот тебе и солдатское кофе. По праздникам добавлялась пачка печенья «Юбилейное» на двоих.

Следует признать, что при таком рационе и уровне санитарии в столовой, никто и никогда не слышал о массовых пищевых отравлениях в частях. Более того, никто не страдал от недоедания, от недостатка витаминов, а к концу службы большинство солдат выглядело вполне упитанно и как ни странно, даже лучше, чем в начале службы. Врач части постоянно контролировал кухню столовой, лично снимал пробы с котлов. При этом солдаты-повара подозревали, что он не только снимает пробы, но и добавляет в пищу содержащие бром препараты, для снижения сексуальной активности солдат.

Были и неприятные исключения. Как-то раз так запуржило, что где-то застрял и потерялся дизель-электроход «Обь» с грузом, в том числе и продуктами. Застрял так надолго, что из-за дефицита продуктов стали использовать стратегические запасы, в виде сублимированной картошки, непонятно сколько времени хранившаяся на складе. Оказалась мерзость еще та. Непонятая еда в виде картофельного пюре, совершенно без

вкуса, сколько бы его не приправляли. Более того, будучи отправленным в рот, организм категорически отказывался принимать его, то есть проглотить.

Все вздохнули с облегчением, когда метель прекратилась и блудный сын нашелся. Атомный ледокол «Арктика» привел «Обь» к месту назначения. Но не тут-то было. Оказалось, что «Обь» пропорол себе борт во льдах, морская вода попала в трюмы, где находился цемент. Несколько тысяч мешков с цементом в трюмах судна заколдобились и превратились в огромный монолит. Но это еще полбеды. Оказалось, что к тому же на корабле повредился танк с дизельным топливом, часть топлива попала на продукты, в том числе и на муку. Но командование решило, что его можно использовать для питания солдат. И в течение нескольких недель солдаты ели хлеб со сладковатым привкусом дизельного топлива, впоследствии вызывавшим отрыжку с тем же запахом. Поэтому, пока кормили таким хлебом, по ночам в казармах от спящих солдат стоял стойкий аромат соларки.

Но было и очень приятное исключение. Раз в год каждому военнослужащему срочной службы выдавали вилку, вместо ложки. До этого давали только ложку, которую использовали как для первого, так и для второго. К этой вилке прилагалась котлета с гарниром. Это был праздник живота. А происходило это на Новый год. Так что каждому солдату, за все время службы, полагались две котлеты.

Немного о свинине и вероисповедании. Служили в части несколько человек северокавказских национальностей, совершенно случайно попавшие сюда на Новую Землю, куда набирали в солдаты исключительно из исконно русских регионов. Они были мусульманами и не скрывали этого. Более того, они бравировали этим и демонстративно не ели еду, в которых была свинина. А так как служба в столовой всегда считалась теплым местом, то они, в силу своих способностей, вскоре нашли общий язык с начальством и оказались там на различных должностях.

Так вот, после того как свинина вываривалась в общих котлах, ее остатки, в виде крупных костей с оставшимися на них ошметками мяса, вытаскивали из котлов и они становились трофеями персонала столовой, которые позже с удовольствием обглаживали их. Этим вначале занимались только славяне. Но прошло всего лишь немного времени, как мусульмане стали полноправными участниками этих пиршеств. На изумленные вопросы насчет веры, всегда звучал один ответ:

- Смотри - мусульманин, схватив кость со следами мяса и подняв его перед собой, декларировал - сала нету, значит не свинья, поэтому нам можно его есть.

Голод не тетка, всегда можно найти компромисс с самим собой и с верой.

Следует отметить, что офицеры в части в основном питались той же едой, что и солдаты. Но обстановка в их столовой больше походила на обычную, гражданскую столовую со столовыми приборами, солонками и салфетками. Правда достаточно часто для них, из тех же продуктов, что и для солдат, отдельно готовили порционные блюда, которые уже можно было назвать нормальной едой. С другой стороны, в отличие от солдат, офицеры всегда могли сменить обстановку и позволить себе роскошь сходить в кафе или офицерскую столовую в гарнизоне, а семейные могли побаловать себя домашней едой. Солдатам же практически никогда не давали увольнений в гарнизон, так что максимум, на что они могли рассчитывать – это одна котлетка на Новый год.

В казарме ушанам впервые, за весь день, дали возможность посетить уборную, которая находилась в дальнем ее конце, рядом с умывалкой.

Умывалка представляла собой помещение, в котором вдоль стен размещались длинные короба из жести для стока воды, а над ними проходили трубы с кранами, но только с холодной водой, штук тридцать, над которыми были пристроены полочки из дощечек и облезлые зеркала.

Туалет, в отличие от умывалки, не отапливался. Он оказался большой примитивной уборной с выгребной ямой, состоящей из длинного деревянного подиума, с отверстиями через определенное расстояние. Когда кто-то пристраивался с голой задницей над одним из них, то снизу причиндалы обдавало таким холодом, что казалось, сейчас они превратятся в сосульки и со звоном отвалятся, а посему зависание над точкой сброса всегда было, насколько возможно, недолгим. Внизу же, под каждым отверстием, росли сталагмиты из соответствующих отходов, которые сразу, после бомбометания, не скатывались, а намерзали сверху общей массы. И непонятные слова прапорщика:

- На говно захотели? – означали наряд вне очереди для провинившегося на ликвидацию этих сталагмитов, замерзших до состояния бетона. Чтобы они не выросли выше уровня подиума.

Но при этом и умывалка, и уборная, да и вся казарма были удивительно чистыми, тщательно выдраенными, выкрашенные в ядовитые темно-зеленый и синий цвета. Впоследствии стало ясно, что они такие чистые потому, что их было кому убирать денно и ночью и с превеликим усердием.

Снова объявили построение. Перед ушанами выступил младший лейтенант Васильчук:

- На время прохождения курса молодого бойца в течение двух недель, до принятия Вами присяги, я буду Вашим командиром роты. Еще раз повторяю, никому не выходить без команды из казармы, выполнять команды только присутствующих здесь сержантов и не вступать в контакты со старослужащими. Все ясно?

- Ясно - нестройно раздалось в ответ.

- А теперь вечерняя поверка и спать. Сержант, провести вечернюю поверку.

- Есть.

Сержант взял в руки журнал скомандовал:

- Ровняйся! Смирно! Вольно! Слушай вечернюю поверку! – и стал выкрикивать фамилии ушанов, отмечая в журнале, услышав в ответ очередное:

- Я.

Убедившись, что отсутствующих нет, он прошелся вдоль строя, пристально глядя в лица новобранцев, приказал четверым ушанам отправиться в умывалку и дал команду:

- Не дай бог, кто-то будет болтать или шастать по казарме после отбоя. Рота отбой!

Четверо в умывалке оказались не случайными избранныками сержанта, а те самые активные правдоискатели по поводу пропавших ранее дорогих им вещей.

- Ну что, вещи пропали? – ехидно спросил сержант, предварительно построив и поставив этих четверых по стойке смирно.

- Будем искать их в туалете. Так, взяли ведра, тряпки и вперед в уборную, искать вещи, причем очень тщательно и чисто. Ну не дай бог, обнаружу что-нибудь. Ишь, борзые какие!

Как оказалось слова борзые, борзой, оборзел использовались солдатами и прапорщиками для обозначения высшей степени распушенности кого-либо или несоблюдения кем-то неписанных законов в доблестных вооруженных силах на северных рубежах.

«Искать» вещи в промерзшем туалете четверым бедолагам, плюс к ним присоединились два выявленных позже болтуна, пришлось по полной программе, аж четыре раза в течение часа, так как сержант каждый раз находил к чему придрататься. Зато туалет сиял почти стерильной чистотой. После этих продолжительных «поисков» все глубоко осознали свою неправоту и уныло добредя до кроватей, рухнули на них и заснули мертвым сном.

Так для ушанов закончился первый день в войсках и началась долгая двухлетняя армейская служба за полярным кругом.

Курс молодого бойца. Присяга.

- Рота! Подъем!

Ничего не соображающие ушаны, с трудом продрав глаза, пытались понять, что это происходит? Им казалось, что они вот только что легли спать, отбой-то был буквально пару минут назад. Те же, до которых не дошла команда, продолжали сладко спать. Но оказалось, что было семь часов утра и спали ушаны ровно восемь часов, как и положено в армии.

Между кроватями ходили сержанты не церемонясь, молча сбрасывали не проснувшихся с первых ярусов на пол вместе с матрасами. А спавших на вторых ярусах пинали ногами в сапогах снизу по провисшей под новобранцами сеткам. Было видно, что таким образом им не впервой учить ушанов первому в их жизни утреннему подъему. Следует отметить, что после такого подъема, в последующие дни этого сержантам уже не надо было больше делать. Никому в голову не приходило больше нежиться в постели после команды.

Не успели ушаны окончательно прийти в себя, как раздалась команда:

- Рота! Стройся!

Эта команда привела к полному хаосу. Ушаны, расталкивая друг друга, ринулись занимать место в строю.

- Ровняйся! Смирно! Вольно.

Вид выстроившего войска был неописуем. В разной степени одетые, кто только в одних брюках, кто в одном сапоге, кто в кальсонах и шапке и с остальным обмундированием в руках, стояли ушаны перед бравыми сержантами. Но это ничуть не смутило их. В жизни сержантов это был не первый призыв, в точности повторявший из раза в раз этот путь. Наоборот, их привело бы изумление, если бы все было по-другому, как положено.

- Даю пять минут, чтобы одеться.

Кое-как одевшись, особенно намучавшись с портянками, но все равно накрутив их на ноги самым нелепым образом, ушаны опять построились.

- Напра-во! На выход, за мной, по одному бегом, марш!

При этом, ждавшие своей очереди на выход должны были изображать бег на месте. В казарме стоял неимоверный грохот от стука кирзовых сапог по деревянному полу.

Нестройная цепочка из более чем ста ушанов, рысцой стала наматывать круги по снежному плацу. Было морозно, около минус двадцати пяти градусов и достаточно светло, стояли белые ночи. Оказалось, что ушанов вывели на зарядку. Были они в одних хэбешках без бушлатов, как и сам сержант. На очередном круге, бежавшие впереди почему-то вдруг, без команды, резко остановились, как вкопанные. Они обнаружили на заметенной снегом крыше соседней казармы северного оленя с большими рогами. И хотя до оленя было всего рукой подать, пару десятков метров, он стоял неподвижно, спокойно взирая на солдат. Задние налетели на передних и раздались дикие вопли:

- Не трогай меня!

Оказалось, что на морозе хэбэшки мгновенно промерзли до температуры окружающей среды, но это не чувствовалось, пока между хэбэшкой и телом находилась

тонкая воздушная прослойка. Но стоило кому-то нечаянно или понарошку прижать хэбэшку соседа к его телу, то создавалось ощущение ожога от утюга, правда раскаленного морозом. Как впоследствии оказалось, это была одна из любимых забав вообще всех солдат. Стоило кому-то на морозе прижать соседу его одежду к телу, как тот проделывал то же самое с другим солдатом, а тот уже со следующим и так далее по цепочке. При этом крик над строем стоял неимоверный.

Ушаны столпились у казармы и в изумлении ждали, когда олень наконец сорвется с места и убежит. Но он стоял и стоял на крыше. Оказалось, что какой-то старослужащий привез добытого кем-то северного оленя, задубевшего на морозе в определенной позе и поставил его на крыше казармы. Очень хотелось удивить новобранцев. Что ж, ему это удалось на все сто.

Сержанту, используя ненормативную лексику, удалось вывести новобранцев из состояния ступора и заставить пробежать их еще пару кругов, потом совершить несколько махов руками и ногами. Но на большее ни его, ни ушанов не хватило. Мороз загнал их опять назад в казарму.

Утренняя зарядка была обязательна для всех солдат, она проводилась всегда на свежем воздухе и практически в любую погоду, кроме случаев, когда температура падала ниже сорока градусов или мело так, что нельзя было различить впереди бегущего в строю.

Опять объявили очередное построение в казарме.

- Так, пятнадцать минут на умывание, зубные щетки, порошок и мыло в тумбочках. Разойдись!

Уже опасаящиеся что-либо не успеть ушаны, схватив полотенца, гурьбой устремились в умывалку, где попытались быстренько оккупировать краны, которых явно на всех не хватало. Вода оказалась ледяной, руки и лицо онемели, а при споласкивании рта зубы начинало дико ломить. Зубной порошок, который для большинства новобранцев был в новинку, неприятно прилипал к небу, при вдохе попадал в легкие, вызывая кашель.

Ровно через пятнадцать минут прозвучала команда строиться. Половина ушанов не успела даже умыться, не говоря уже о чистке зубов. Но сержантам это было до лампочки. Как говорится: кто не успел, тот и пролетел.

Постепенно ко всем стало приходить осознание того, что надо все успевать самому и давать успевать другим, или заставить их успевать. Никто никого ждать не будет. Хорошо если ты не успел умыться – это только твои проблемы. Как оказалось в дальнейшем, если ты не успевал сделать что-то, что имело отношение к другим, например, заправить свою постель и в результате в подразделении был беспорядок, то наказывалось все отделение, в котором ты числился. Это вызывало соответствующую нелестную реакцию у сослуживцев, отчего пропадало всякое желание что-либо не успеть. А наказание выражалось, по глубоко научному и любимому выражению старшины роты в виде процесса совмещения пространства со временем, вместо вечернего просмотра информационной программы «Время». Он говорил:

- Так, убрать снег от крыльца и до десяти часов вот в этом направлении – и удалялся в свою каптерку.

При этом он, с высоты своего огромного старшинского опыта, точно знал, сколько должно быть убрано. И не дай бог, чтоб убранное было меньше, чем он представлял себе по своей математике. Самое малое, что в этом в этом случае могло быть, то обеспечить себе второй заход. Поэтому приходилось добровольно себя не жалеть да и следить, чтобы другие не волюнили. Вместо уборки снега могла быть работа по уничтожению рукотворных, то есть не совсем рукотворных сталагмитов в уборных. Но все потому же принципу, совмещения пространства со временем. На самом деле, в большинстве случаев, эти работы приносили определенную пользу, так как все равно кому-то их надо было делать. Но иногда уборка снега не имела никакого смысла, когда направление в пространстве вело в тундру, в никуда. Процесс ради процесса. Зато потом, другим нарядчикам, было что обратно закапывать.

А найти работу всем наказанным, да еще с пользой, было весьма затруднительно, так как для их выполнения, по негласным армейским законам, существовали штатные исполнители - без вины виноватые солдаты, к которым временно прилепилось совсем негордое имя «ушаны». Им приходилось в течение полугода без устали, как рабочим пчелкам, чистить, драить, убирать, стирать, гладить, заправлять, подшивать, подносить и бог еще знает что делать.

- Выходи строиться!

От роты до столовой было всего пятьдесят метров. Эти метры были преодолены уже привычным строем. В столовой, учитывая предыдущий печальный опыт, никто не стал садиться без команды. Все, по десять человек, встали у столов. Повторились вчерашние команды. Большинство не притронулось к тому, что называлось кашей, а лишь попило чай с хлебом и маслом, что вызвало очередное ироничное хмыканье у сержантов. Пятнадцати минут хватило на завтрак уже с головой. Оставив двоих для уборки посуды, новобранцы вернулись в роту.

Опять очередное построение. Поверка. Все на месте.

Появился прапорщик;

- Сейчас сержанты расскажут о распорядке дня, о тех требованиях, которые Вы должны выполнять. Покажут, как нужно надевать форму, как и куда складывать ее перед отбоем, как заправлять постель, как содержать тумбочки. Ясно?

- Ясно - уже привычно хором ответили ушаны.

Распорядок дня для всех был одинаковый, только для новобранцев все на один час позже, чем у старослужащих из других рот, чтобы они не пересекались где-то и как-то в одно и то же время и водной точке, чтобы не создавать скученности и суеты и для безопасности самих ушанов.

Подъем в семь часов утра. Утренняя зарядка, умывание и заправка постелей. Завтрак в восемь часов. В восемь тридцать развод на плацу и затем строевые занятия до обеда. Перед обедом проверка. Обед в четырнадцать часов. Затем с пятнадцати часов теоретический курс молодого бойца в Красном уголке. В оставшееся время строевые занятия до ужина. Ужин в двадцать часов. После ужина уборка казармы, подшивка подворотничков, чистка сапог и вечерний туалет. Для тех, кто прокололся и получил наряд вне очереди, время совмещения пространство со временем. Без пятнадцати одиннадцать вечерняя проверка. В одиннадцать ноль-ноль отбой. И так две недели, до принятия присяги. В субботу до обеда политзанятие, после обеда баня. В воскресенье до обеда кино в клубе, после обеда просмотр телевизора.

- А теперь, всем снять сапоги - скомандовал сержант.

Даже выдавшие виды сержанты не могли сдержать смеха, глядя на то, как большинство ушанов приторочило портянки на своих ногах. Девочки-зенитчицы, из кинофильма «А зори здесь тихие», по сравнению с ними были просто мастерами по наматыванию портянок, хотя тот киношный старшина был крайне недоволен их способностями.

- Если Вы, в таком виде, походите еще полдня, то у Вас на ногах будут кровавые мозоли, а Вам еще две недели заниматься строевыми занятиями – констатировал сержант - Сейчас я покажу и каждый должен будет научиться правильно наматывать портянки.

Он сел на табуретку, снял сапог и продемонстрировал аккуратно запеленатую, как младенец в пеленку заботливой мамашей, ногу в портянке. Затем размотал портянку и медленно, с комментариями, снова намотал его на ногу, с неизменным результатом. И так еще пару раз.

- Все, начали тренироваться – скомандовал сержант.

Через полчаса, с горем пополам, проблема с портянками была решена.

- Теперь смотрим, как надо подшивать подворотнички. У каждого в тумбочке есть иголка с белой ниткой и готовые подворотнички. Про них лучше сразу забыть - слишком

много возни с ними, стирать, гладить. Там же есть кусок белой ткани. Берете и отрываете от него полоску. Его используют только один раз.

Затем сержант согнул один край полоски ткани и зажал его в зубах, точно так же согнул другой край и натянул рукой. Другой рукой он взял иголку и острым концом резко прочертил под сгибом ткани, от руки до рта. Получилась идеальная стрелка на ткани, как будто утюгом прогладил. Подогнув с краю подворотничок, сержант быстро пришил его к верху воротника гимнастерки, затем, подогнув другой край, так же быстро, уже большими стежками, пришил к низу воротника. Получилось очень даже красиво и аккуратно, а самое главное быстро.

- Все видели? Тогда вперед, подшиваться.

На первый взгляд все было просто и у сержанта получилось очень ловко. Но вся беда заключалась в том, что большинство ушанов впервые в жизни держали иголку в руках, и даже продеть нитку в ушко иголки для них было практически неразрешимой задачей. Поэтому на решение вопроса с подворотничком ушло в два раза больше времени, чем с портянками. Кстати, один подворотничок носится один день, максимум два. Помимо придания опрятного вида форме, подворотничок несет незаменимую гигиеническую нагрузку. Гимнастерка стирается редко, а воротник засаливается очень быстро. Если бы не подворотничок, всегда чистый, то не миновать массовых кожных заболеваний на шее у солдат.

- Теперь подъем и отбой – продолжил сержант – когда звучит команда отбой, следует раздеться и сложить форму в определенном порядке на табуретке.

Вначале снимают сапоги и ставят их перед табуреткой, накрыв сверху голенища расправленными портянками, по одному на каждый сапог (можете представить, какое амбре стоит ночью в казарме от сотни пар сапог и портянок, которые меняются раз в неделю, в банный день). На практике, обычно бушлаты, спецпошивы, сапоги, валенки и портянки оставляют в сушилках, на откуп тараканам.

Затем снимают ремень, свободный конец которого вставляют в прорезь в середине сидухи табуретки (так вот для чего оказывается эта прорезь, вопрос, о назначении которой, всегда мучает несведущих людей). Кстати, ремень на солдате всегда должен был подтянут так, чтобы кулак старшины не мог пролезть между бляхой и животом. Иначе опять наряд внеочереди.

Потом снимают брюки, которые складывают следующим образом: подбородком прижимают верх брюк в районе боковых швов к шее, затем двумя руками берут за нижнюю треть сложенных вместе брючин и резким движением кистей, не поднимая рук, закидывают нижнюю треть брюк вверх и сразу, уже движением рук, складывают пополам оставшуюся верхнюю часть. Брюки укладывают на табуретку.

Очередь за гимнастеркой. Рукава укладывают крест накрест на спине гимнастерки, затем саму гимнастерку складывают поперек пополам и укладывают на брюки воротником вверх, чтобы был виден подворотничок. Тогда сразу видно, чистый ли подворотничок или нет, что является предметом особого контроля со стороны старшины.

А затем сверху пристраивают шапку.

По команде «подъем» все одевается в обратном порядке. Да, портянки укладываются сверху голенищ сапог вовсе не для того чтобы запрыгнуть в сапоги сразу вместе с портянками для экономии времени, а для того, чтобы они за ночь успели просохнуть.

Сержанты провели пару подъем-отбоев с укладыванием и вскакиванием с кровати, одеванием и раздеванием. Если отбой проходил достаточно спокойно, то с подъемом было все гораздо сложнее. Спрыгивающие с верхнего яруса падали на нижних. Затем, сбивая друг друга с ног, неслись к табуретам, где начинали совершать неопишуемые кульбиты, заныривая в штаны и сапоги. Каждый раз после выполнения команды «подъем», даже самим ушанам было трудно удержаться от смеха, глядя друг друга. Вкривь и вкось застегнутые пуговицы на гимнастерках, растянутые ширинки, торчащие из сапог

портянки и нахлобученные на головы шапки, ошалелые глаза. Норматив подъем-отбоя сорок пять секунд, считается, что за это время сгорает спичка.

- Будем тренироваться – пришли к неутешительному для ушанов выводу сержанты.

Что интересно, каждодневные подъемы за все время службы приводили к тому, что старослужащие запросто, секунд за тридцать после команды «подъем» успевали одеваться и вставать в строй в самом элегантном виде, как будто и не раздевались.

- А теперь будем учиться заправлять постели – обозначил следующую задачу сержант.

Он снял с ближайшей постели подушку, синее солдатское одеяло, пододеяльник и простыню. Поправил матрас, накрыл его обратно простыней. Аккуратно заправил по очереди со всех сторон края простыни под матрас так, что простыня идеально ровненько натянулась. То же самое он сделал с пододеяльником и одеялом. Только у изголовья их верхнюю часть оставил на уровне края матраса, чтобы затем отвернуть их на ширину ладони. Хиленькую ватную подушку плотно запрессовал в наволочку в виде брусочка, наволочку туго натянул и установил подушку в изголовье. Затем быстренько, двумя ладонями, навел грани по бокам одеяла. Постель выглядела идеально.

- Вопросы есть? Вопросов нет. Тогда вперед, всем учиться заправлять постели.

В этот день все долго учились правильно заправлять постели. После долгих тренировок, к обеду, постели стали выглядеть более или менее единообразно. Но никому не удалось добиться той идеальной заправки постели, как у сержанта.

Самым легким оказалось складывание полотенец. Края белых вафельных полотенец, для лица и для ног, складывались вдоль с обеих сторон до середины, а затем еще раз. Полотенца для лица перекидывали через поручень спинки койки у изголовья, а для ног через поручень спинки у ног.

Опять построение, опять проверка, опять строим в столовую на обед, но уже многие начали ковыряться в тарелках и пытаться что-то проглотить, но получалось не совсем, еще не дозрели.

После обеда все надели бушлаты, рукавицы и вышли на плац. И началось: ровняйся, смирно, шагом марш, раз два, три, нале-во, напра-во, на месте стой, раз-два. Снова и снова. Время тянулось бесконечно долго. К концу дня ноги гудели, руки замерзли, через одного от холода шмыгали носом. Удивляло одно – неумоимость сержантов и их морозостойкость.

В ходе занятий проявились особо необучаемые, одни в силу разболтанности и пофигизма, другие в силу своей природной неспособности. Однако сержантов это сильно не смущало. Как говорится - неспособных нет. Нужно только ключик подобрать. А ключ этот был всегда только один, наряд вне очереди. Бедолагам пришлось после отбоя драить полы в казарме. Как показало время, метод оказался весьма действенным.

Правда нашелся один экземпляр, который при ходьбе вместе с правой ногой поднимал правую руку, а с левой ногой левую руку. Чего только не предпринимали сержанты. Заставляли маршировать его раздельно, на счет раз левую ногу поднять, правую руку согнуть перед собой, левую отвести назад, на счет два все наоборот. Вставали сзади него, брали его руки в свои руки и паровозиком маршировали вместе с ним по плацу. Все получалось как надо, но до тех пор, пока не наступала пора ушану самостоятельно маршировать самому. Уже на четвертом шаге его руки сами, непостижимым образом, начинали размахиваться не в такт. Ничего не помогало. В конце концов, махнули на него рукой и хотя по росту необучаемый должен был стоять в голове строя, его всегда стали ставить последним в строй, чтобы других не сбивал с шага.

Без эксцессов прошел и ужин. После него все дружно сели подшивать подворотнички, чистить сапоги, а затем начался обещанный тренинг по подъему-отбою, который повторялся для всех до тех пор, пока все до одного не стали укладываться в норматив. В роте стоял мат-перемат, укладывающиеся в норматив, в очередной раз

спрыгивая с коек, крыли на чем свет стоит неуспевающих. А сержанты, добиваясь именно этого эффекта, в очередной раз невозмутимо отдавали команду:

- Рота, отбой! Рота, подъем!

Двадцать два сорок пять. Команда:

- Рота, стройся! Слушай вечернюю поверку!

- Иванов!

- Я!

- Петров!

- Я!

- Сидоров!

- Я!

-

А затем прозвучала долгожданная, для одних, и неприятная, для других, команда:

- Кто получил сегодня наряд вне очереди, марш за ведрами и тряпками, а остальным - отбой! И не болтать!

На сегодня болтунов не оказалось. Буквально коснувшись головой подушки, утомленные ушаны мгновенно заснули.

Столь частые поверки были необходимы для того, чтобы никто незаметно не ушел в самоволку или тем более не сбежал до принятия присяги, хотя трудно представить, куда отсюда можно было сбежать. В то время не принявший присягу не считался военным служащим, его нельзя было судить по закону за дезертирство.

Вот и прошел наконец-то такой долгий, долгий день.

Две недели в муштре пролетели быстро. Перемены были заметные, ушаны сумели вписаться в распорядок дня, в столовой сметали все подряд, маршировали молодецки и даже умудрялись при этом выдавать Варшавянку, строевую песни.

Перемены стали заметны и в природе. Прилетели бакланы, которые сидели на коньках крыш казарм и грелись на солнце. Дни стали теплее, недолгое яркое солнце стало местами подтапливать снег и это заметно улучшало настроение, а ведь казалось, что эта жуткая зима никогда не закончится. Но ночи все равно были очень морозные.

Было приказано подготовиться к присяге: побриться, подшить свежие подворотнички, начистить сапоги и бляхи.

Всех построили в Красном уголке перед столом, накрытым красной тканью, с красной папкой с текстом присяги и журналом на ней. Рядом со столом стояло боевое знамя части. Оказалось, что это действительно настоящее боевое знамя, прошедшее с боями до Берлина во время Великой Отечественной войны. Непонятно откуда появился сержант с карабином Симонова. Вошел младший лейтенант Васильчук в парадной офицерской форме:

- Сегодня у вас праздник, сегодня Вы принимаете присягу. Сейчас каждый из Вас, по списку, выходит из строя, берет папку с присягой в левую руку, карабин в правую руку, произносит присягу и ставит свою подпись вот в этом журнале. Ясно?

- Ясно! – раздался дружный четкий ответ.

- Ровняйся! Смирно! Рядовой Иванов!

- Я!

- Выйти из строя!

- Есть!

- Рядовой Иванов, принять присягу!

- Есть!

Взяв папку в левую руку, карабин в правую и, отчего-то запинаясь, дрожащим голосом рядовой Иванов произнес, то есть прочитал присягу, затем поставил свою подпись в журнал.

- Рядовой Иванов присягу принял!

- Рядовой Иванов, встать в строй!

- Есть!

И так все по порядку.

Теперь, после принятия присяги, солдат должен был беспрекословно выполнять приказы командиров и с оружием в руках выполнять свой долг защитника отечества.

После принятия присяги состоялся праздничный обед с борщом, вместо щей. А до этого, в это день, на завтрак было внеочередное яйцо, сваренное вкрутую. Затем был поход в клуб части на просмотр героического фильма «Рядовой Александр Матросов». К ужину добавили пачку печенья «Юбилейное» на двоих, после которого впервые разрешили просмотр телевизионной информационной программы «Время». А кто-то, вместо просмотра, завалился одетым прямо на заправленную постель. Сержанты старательно делали вид, что ничего не замечают и не раздавали, как обычно, нарядов вне очереди. Они знали, что это последний тихий вечер перед грозой. Знали бы ушаны, с чем им придется столкнуться назавтра в ротах.

Но в этот день случился большой казус - на принятии присяги недосчитались одного новобранца. В конце концов его нашли в свинарнике, прячущимся, на солдатском жаргоне шхерившимся, среди мешков с комбикормом. Выяснилось, что он член какой-то религиозной секты, впоследствии к нему прилипла кличка «баптист», которая запрещала ему держать оружие в руках. Тщетные попытки командиров в течение двух лет заставить его присягнуться не увенчались успехом, в последний момент он всегда успевал где-нибудь схорониться. Ведь тогда, как сейчас, не было альтернативной службы, когда можно было не принимать присягу. К тому же, по воскресеньям в течение всей своей службы, баптист шхерился, так как религия не позволяла ему в этот день заниматься делами мирскими. Он всю службу был бельмом на глазу и постоянной головной болью командования, особенно досаждал он своей верой замполитов роты и части.

По ротам. Ушаны, деды и дедовщина.

Молодое весеннее пополнение этого года состояло в основном из призывников Москвы и Московской, Куйбышевской и Свердловской областей.

Наутро ушанов разделили на три группы и каждую группу повели для пополнения рот. Шло увольнение дембелей.

В третьей роте, как и в других, кроме дневальных и прапорщика, старшины роты, никого не было. Прапорщик Войтович, ему на вид было лет сорок, в очках как у Берии, с большим крючковатым носом и шрамом наискосок по правой щеке, построил пополнение, провел уже привычную всем поверку. Затем с характерным украинским говором пояснил:

- Сейчас определяю Вас по взводам. На койках не сидеть, курить только в курилке, из роты без команды не шагу. Чтобы всегда у всех были чистые подворотнички и сапоги. В тумбочках должен быть полный порядок и ничего лишнего, еду там не держать. Ясно?

- Ясно!

Каждому он определил койку и ушел в каптерку. Койки, как и ожидалось, были идеально заправлены, подушки лежали, а тумбочки и табуретки стояли ровненько, как по ниточке.

Не зная чем заняться, ушаны молча сгрудились в курилке в тревожном ожидании. Ни у кого не было желания разговаривать.

Ближе к обеду в роту, строем по одному, стали вбегать солдаты. Увидев новобранцев в курилке, они радостно закричали:

- Ушаны пришли! Курите? Ну-Ну! – и стали быстро снимать спецпошивы.

Появился из каптерки старшина, провел очередную поверку и грозно произнес, обращаясь к старослужащим:

- Чтобы никакой неуставщины. Ясно?

- Ясно! - весело прозвучало в ответ.

Служба в вооруженных силах, в том числе и взаимоотношения между военнослужащими, регламентируются Воинскими уставами. Все, что не соответствует уставу во взаимоотношениях между военнослужащими срочной службы, в том числе так называемая «дедовщина» - это неуставные отношения или «неуставщина».

Надев шинель, прапорщик удалился в штаб.

Надо сказать, что определенные группы солдат явно отличались друг от друга, как по внешнему виду, так и по поведению.

Здесь будет уместно остановиться подробнее на описании солдатской иерархической лестницы, формирующейся в соответствии со сроком их службы.

На самом верху находятся дембеля. Дембелем становится дед со дня опубликования очередного приказа Министра обороны об увольнении его из рядов Вооруженных сил.

Ступенью ниже их находятся деды – это те, кто уже отслужил полтора года. Деды, несмотря на известный очень негативный смысл этого слова - это те три кита, на которых, фактически, держится вся армия.

Еще ступенькой ниже располагаются старики. Срок службы от года до полутора лет. Это солдаты, которые начинают осознавать, что на свете есть такое понятие, как чувство собственного достоинства, что им не надо уже больше прогибаться. Единственное, что не надо делать, то это самое достоинство чересчур сильно выпячивать перед дембелями и дедами.

Следующая ступень – это молодые. От полугода до года. Они все еще зашуганы. Им еще трудно привыкнуть к тому, что есть еще кто-то бесправнее их, которых они обязаны нещадно гонять день и ночь.

И, наконец, ступенью ниже плинтуса, ушаны. До полугода. Это бессловесный скот, у которого нет абсолютно никаких прав, в отличие от чернокожих американских рабов времен конфедерации. А всякое проявление непослушания дружно пресекается объединенными усилиями тех, кто стоит выше их по иерархии, самым жестоким образом.

Все эти дембеля, деды, старики, молодые и ушаны были в восторге от прихода новых ушанов. Для каждого из них это было переходом на более высокую ступень, новый статус и самое главное – это знак того, что заветная гражданка стала ближе еще на полгода.

Дембеля - это особое состояние души. После приказа, дембелей уже мало интересует происходящее в роте, они находятся в расслабленном состоянии, в мечтах о предстоящей гражданской жизни и являются самыми безобидными, по отношению к ушанам, старослужащими, они их мало интересуют. В то же время, все остальные относятся к ним с уважением и нескрываемой завистью. Их не назначают в очередные наряды на кухню, сами они стараются не нарываться на наряды вне очереди, для этого им хватает ума и опыта. Командиры относятся к ним, исключая из них самых отпетых раздолбаев, с уважением. До отъезда из части на гражданку они тихенько занимаются подготовкой дембельской формы и альбома, некоторые выполнением дембельского аккорда, значительно ускоряющим их отъезд из части..

Деды и три кита. Кит первый. В армии вся ответственность за состояние, эксплуатацию и обслуживание техники, оборудования и инфраструктуры ложится на плечи дедов, обычных девятнадцатилетних пацанов. Это не форма их эксплуатации. Просто деды, в силу своего опыта и обученности, знают, что и как должно работать и они умеют заставить это все работать как надо. Но это не значит, что они день и ночь, не покладая рук, ковыряются в технике и не отходят от оборудования, а остальные стоят

вокруг статистами. Совсем не так. Дед – это, в первую очередь, мудрое руководство, а остальные исполнители. Но в случае необходимости, только дед может в авральном порядке, спасая положение и выручая начальство, за один день разобрать три умерших двигателя от УРАЛа на молекулы, провести дефектовку и затем собрать из них один, работающий как часики. Или из отдельных частей, двигателей, кабелей и проводов собрать автомобильный или башенный краны, которые затем работают как после заводской сборки. Правда при этом приданные ему в помощь молодые и ушаны будут летать как ошпаренные, осыпаемые градом мата и, для придания ускорения, привычными пинками. Но кровь из носу, все будет сделано вовремя, а какой ценой – это командиров обычно не интересует. В других частях это может быть не УРАЛ, а танк или БТР или что-нибудь еще.

Кит второй. На срочную службу, чаще всего, юноша приходит обычно разболтанным, безответственным, да к тому же ничего не умеющим аморфным созданием. Некоторые спасаются в армии от уголовного преследования. Это тоже вносит определенный нюанс в армейскую атмосферу. Конечно, в восемнадцать лет бывают и толковые, и умные, и целеустремленные, и образованные ребята. Но большинство из них поступают в ВУЗы или куда-нибудь еще, выбирая лучшую жизнь, одновременно спасаясь от суровых будней армейской жизни и потери двух-трех лет своей жизни. Поэтому контингент в армии весьма специфичен и уровень культуры не очень высок.

В то же время, командирам приходится решать задачу преемственности, чтобы деды оставили после себя смену, сумели передать свои навыки и умения оболтусам ушанам. Других же ведь взять неоткуда. Самый эффективный способ обучения – это поставить деда в такие условия, чтобы им поневоле приходилось учить несмышленьшей. Поэтому, именно перед дедами ставят определенные задачи, а кто будет их выполнять – якобы всем до лампочки. И вот деды, чтобы сильно не перетрудиться, ставят эти же задачи перед молодыми и ушанами, объясняют, показывают. А молодые, во избежание зуботычин и пинков, стараются не за страх, а за совесть все это освоить. И так день за днем, вот тебе и смена.

Кит третий. Никто, без принуждения и ежеминутного контроля, не будет поддерживать порядок в казарме, столовой, на местах несения службы, держать в узде безответственную молодежь. Ни одному командиру не хочется получать выговоры, задержки в продвижении по служебной лестнице и получении очередного звания из-за бардака в своем подразделении. Чтобы все было в порядке, ему нужно дневать и ночевать в роте, всегда находиться рядом с солдатами и не смыкать глаз, что может весьма не понравиться жене, семье. Ведь по дому работу никто за него не сделает, да и просто хочется поваляться на диване, посмотреть телевизор, попивая пивка или водочки. Поэтому, за любое нарушение, вводится метод коллективной ответственности. Грязь в казарме – вся рота не смотрит вечером телевизор, кто-то не успел подшить подворотничок или у кого-то грязные сапоги, а чаще всего это бывает у молодых или ушанов – вечерняя прогулка с песней по плацу и т.д. и т.д. Озверевшие деды поставят всех на уши, но казарма будет вычищена, все у всех будет подшито и начищено, кровати будут идеально заправлены. В результате и волки сыты, и овцы целы. При этом командиры старательно делают вид, что не замечают, какими средствами и чьими руками это делается, хотя все знают, что делается это ушанами под привычный для них мат и пинки.

Но расплатой, за отданную на откуп часть командирских полномочий дедам, становится головная боль вооруженных сил – дедовщина, ставшая притчей во языцах.

Если копнуть немножечко глубже, то изначально именно в природе человеческой сути заложены предпосылки дедовщины. В самом человеке, как в представителе одного из вида животных, ведущего стайный образ жизни.

В звериной стае главенствует инстинкт, который управляет поведением животных, обладающих только ассоциативным мышлением. Поведение животных в стае обусловлено, в первую очередь, инстинктом выживания, борьбой за лидерство. Лидерство

дает право сильнейшему первому насытиться добычей, продолжить свой род, то есть предоставляет преимущество над остальными. Все лучшее достается лидеру, который для поддержания своего статуса подавляет всех и вся.

А в человеческом обществе все гораздо сложнее. Человек отличается от животных наличием у него еще и абстрактного мышления. Замешанный на абстрактном мышлении человеческий интеллект генерировал за долгие годы своего становления ценности, присущие только человеку. Такие, как гуманизм, добро, порядочность. Это только маленькая толика общечеловеческих ценностей интеллектуальной деятельности человека, которая дает ему возможность встать над животными инстинктами и позволяет людям жить в мире, согласии и гармонии. Насколько человек далеко ушел от диких стайных инстинктов, это зависит от него самого, от его родителей и семьи, в которой он воспитывался, от окружения, от уровня его культуры, от сопротивляемости к воздействию психологии толпы. Если все это сочетается с моральными установками гуманного общества, с законами, которые непременно выполняются всеми, то дедовщине, в самом его неприглядном виде, не будет места в армии. Если же такой гармонии нет, то начинают преобладать стайные звериные инстинкты, многократно усиленные этим самым человеческим интеллектом. Тогда общество сталкивается с уродливыми проявлениями темной стороны человеческой души, в том числе с дедовщиной в самой крайней ее форме. В этом случае остается только пытаться минимизировать ее репрессивными методами.

То, что дедовщина не имеет национальности, подтверждает факт его наличия во всех армиях стран мира, только она проявляется там по-разному, в зависимости от ее принадлежности к тому или иному обществу. Достаточно широко известно о дедовщине даже в армиях вполне цивилизованных государств, таких, как США, Германии, Франции.

Дедовщины, в том виде, в каком существует сейчас в армии, до Отечественной войны у идейных бойцов Красной армии не было, в силу их высокой сознательности. И в войну ее не было, за это можно было запросто получить пулю в спину от своего же обиженного однополчанина или попасть в штрафбат, тогда с этим не церемонились. Когда делишь с товарищем последнюю краюху хлеба или патрон, спишь с ним под одной плащ-палаткой, когда от него каждую секунду зависит твоя жизнь, при таком боевом братстве никому в голову не придет куражиться над однополчанином. Молодые и неопытные солдаты всегда были на побегушках, они часто были объектами небезобидных шуток и розыгрышей. Но в то время, даже с натяжкой, это нельзя было назвать дедовщиной.

После войны большинство воинов-победителей было демобилизовано. Им на смену пришла послевоенная молодежь, не нюхавшая пороха. Вместе с ними в армию пришли и представители уголовного мира, которые привнесли в армейскую жизнь элементы зековской жизни в лагерях, которые в дальнейшем трансформировались в то, что в настоящее время называется дедовщиной.

Так вот, дедовская машина работает следующим образом: деды чтят и бдят сложившиеся традиции и требуют этого от всех. При этом, в основном, они имеют дело со стариками, указывая им на все недочеты и натравливая их на молодых. В свою очередь старики прессуют молодых, чтобы они постоянно гоняли ушанов. Чтобы те по утрам заправляли дедам и старикам постели, после ужина подшивали им подворотнички и чистили сапоги, стирали носки, в обед и после ужина драили казарму.

При выполнении каких-то общих работ, в основном пашут молодые и ушаны, а деды перекуривают где-нибудь в сторонке. Старики тоже покуривают, но при этом контролируют ситуацию. Любое неповиновение со стороны младшего призыва воспринимается старослужащими, как вызов им лично и жестко, коллективно пресекается ими, вплоть до физической экзекуции.

А если ушан бежит жаловаться командованию, что случается довольно редко, ведь никому не хочется прослыть стукачом и прожить с этим всю свою службу, то здесь подключают сержантский состав, командиров отделений и замкомвзводов. Они начинают особо придирчиво относиться к стукачам, благо всегда есть к чему придраться, на них

начинает сыпаться град внеочередных нарядов, по любому поводу. В этом случае, кроме как на себя жаловаться не на кого, ты ведь сам провинился, за что и получил наряд. К тому же срабатывает психология толпы, когда рядом с тобой коллективно прогибается весь твой призыв, то уже не так обидно и унижительно прогнуться и тебе. А командиры, оказывается, почему-то тоже недолюбливают правдоискателей.

Иногда попадают конкретные пацаны, которые пытаются бунтовать и полагаться на свою отчаянность, но мало кому из них удается отстоять свое я. А если кому-то и удастся, то оказывается, что свои же ушаны начинают ненавидеть тебя больше, чем деды. Никто не любит выскочек и свидетелей своих унижений.

Но это не вся дедовщина. Видимо человеку от природы свойственно, в силу наличия у него абстрактного мышления и развитой фантазии, получать удовольствие от ощущения собственной власти над кем-то, а в некоторых случаях и от причинения унижения себе подобным. Вот это-то свойство приводит к тем громким скандалам, которые становятся достоянием СМИ и к не менее громким судебным процессам. Но все эти опубликованные факты лишь верхушка айсберга. Что же на самом деле представляет собой подводная часть этого айсберга, через что проходится пройти ушанам, знает лишь тот, кто сам прошел через молох дедовщины. Но никто на гражданке не услышит об этих самых унижительных днях его жизни от дембеля, ни родные, ни друзья, ни его девушка. Больно и стыдно вспоминать об этом.

А есть способ бороться с дедовщиной? Известить ее совсем, наверное, невозможно, но довести ее до приемлемого уровня вполне реально. Самое главное – это надо всем строго выполнять свои обязанности, в первую очередь офицерам и сержантам. При этом надо повысить статус сержантов до такого уровня, чтобы ни один дед не мог повлиять, ни коим образом, на младших командиров. Никакой круговой поруки, не умалчивать, ради красивых показателей, ни одно проявление неуставщины. Не сваливать офицерам на дедов свои конкретные обязанности, не закрывать глаза на любые нарушения. Создать атмосферу неотвратимости наказания за провинность. Конечно, это не просто, это требует каждодневной напряженной работы, но вполне выполнимо.

Время от времени в подразделениях происходит ЧП такого масштаба, который уже невозможно скрыть. Тогда рота или часть переходит на казарменное положение. Это значит, что все находятся под неусыпным контролем, в том числе и командование роты, которое неотлучно, посменно днем и ночью, находится в подразделениях, рядом с солдатами. И деды, и старики, и молодые, и ушаны, в соответствии с Уставом, каждый за себя выполняют свои обязанности. По очереди моют полы, по очереди ходят в наряд на кухню, каждый подшивает свой подворотничок, чистит свои сапоги, стирает свои портянки. Никто ни кого не гоняет, не унижает, не бьет. И тогда наступает полнейшая идиллия, но только недели на две, самое большое на месяц. На большее командиров не хватает. Очень хочется прежней спокойной жизни. И вот потихонечку все спускается на тормозах, все входит в привычное русло.

Вариант второй. Борьба с ветряными мельницами, видимо, все-таки достала высшее командование. И оно решило пойти на эксперимент. В соседней части сформировали отдельную роту, только из ушанов. Две роты были укомплектованы, как обычно, из нескольких призывов, а третью роту укомплектовали только ушанами. Ведь учли, что основные неуставные отношения происходят именно в роте. Оказалось, что, будучи без дедов, ушаны не впадают в состояние зомби и даже на службе, где поневоле приходится контактировать с дедами, не очень-то позволяют помыкать собой старослужащим. Ведь после выяснений отношений им не надо было возвращаться туда же, куда и деды, в одну роту, где неотвратимость наказания за непослушание была бы неминуемой.

Правда через год возникла другая проблема. По ходу действия, в этой роте, появились свои лидеры, которые начали качать права и терроризировать своих же товарищей. Время от времени возникал нерегламентированный мордобой, в роте стали царить анархия и бардак, ведь дедов-регуляторов у них не было. И командирам стало

трудно с этим воинством справляться. То есть, отсутствие неформальной вертикали власти привела к неуправляемой ситуации.

Что интересно, примерно через полтора года службы многие из этих подопытных, наблюдая за жизнью дедов в соседней части, стали склоняться к тому, что лучше полугодовой тернистый путь ушана, чтобы потом зажить вольной жизнью деда, чем два года маринования в собственном соку.

А командование еле дождалось, когда пришло время демобилизации этих солдат и с облегчением закрыло эксперимент.

С другой стороны, все ругают этих извергов дедов. И солдатские матери, и командиры, и прокуроры, все кому не лень. Солдатские матери твердят, что их сыновья такие добрые и безобидные, они и муху то никогда не обидели в жизни. Они своих детушек отправляли в армию Родину защищать, а не на заклатие дедам, и надо этих чуждых, невесь откуда взявшихся дедов выжигать каленым железом. Только почему то они не хотят признаться в том, что деды – это все те же самые их «добрые и безобидные» детки, только отслужившие всего-навсего определенный срок, а не посланные супостатами из-за тридевять земель чудовища. Они ведь тоже свои и отказываться от них совсем неразумно. Детей, как и родителей не выбирают. Поэтому, может надо прислушаться к словам умного человека, Михаила Жванецкого, и что-то «в консерватории подправить?»

Так уж получается, что злейшими врагами ушанов являются молодые, призванные в армию на полгода раньше их. Это они конкретно гоняют ушанов. На самом деле у молодых нет выбора, так как за этим зорко следят и деды, и старики. Если кто-то из молодых не проявляет рвения, то его самого заставляют, вместе с ушанами, драить полы. Но желающих делать это никогда не бывает. Даже наоборот. Полгода испытывая унижения и побои, молодые с особым рвением вымещают свою накопившуюся злобу на ушанах. Находятся и такие, которые переходят все границы. Обычно такие экземпляры чаще всего плохо служат, доставляя немало хлопот командирам. И когда приходит время увольнения такого солдата, командиры отыгрываются и затягивают увольнение трех-четырех таких служак до самого крайнего срока. Тогда-то наступает час икс, час расплаты. Эти дембеля, бывшие молодые, начинают прятаться от дедов, бывших ушанов, которые жаждут мщения, ведь ничто не забывается. Если удастся загнать таких дембелей в темный угол, то бьют их нещадно, смертным боем, ломают об их спины черенки лопат, втаптывают в пол кирзовыми сапогами.

Как только за прапорщиком захлопнулась дверь, деды дали команду старикам начать уборку казармы. Те, в свою очередь, передали эту команду молодым. Молодые не церемонясь, пришел их час, закричали:

- Ушаны, взяли тряпки, ведра и мыть полы.

Растерявшиеся ушаны стояли в нерешительности, не зная, что им делать и почему именно они должны драить полы в казарме. Из этого ступора их быстро вывели пинки и зуботычины, указывающие направление в сторону умывалки и они ринулись туда за тряпками и ведрами. Стоило ушану отвлечься от уборки, как он тут же получал пинок. Получали пинки и некоторые молодые от стариков, если те замечали, что кто-то из них старается отстраниться от роли погонялы. А некоторых молодых, видимо из интеллигентов, кто не мог заставить себя бить и гонять ушанов, старики заставили их самих мыть полы. Этого оказалось достаточно, чтобы эту самую интеллигентность, к концу уборки и до окончания службы, как ветром с них сдуло.

В это время деды и дембеля, неспешно умывшись, сидели в курилке и отдыхали от трудов праведных. Через двадцать минут казарма блестела как новенькая.

Прозвучала команда дневального:

- Рота! Выходи строиться на обед.
Ушаны с облегчением перевели дух.

Первая рота. Бунт на корабле.

А в это время в первой роте происходили весьма нерядовые события. Ушанов, распределенных в эту роту, после такого же напутствия прапорщика, как и в третьей роте, повели на автобазу убирать территорию. Надо было перетащить скопившийся металлический хлам на свалку. С этим справились достаточно быстро и ушаны, скучковавшись небольшими группами, тихонько изучали обстановку.

Из здания конторы базы вышли трое старослужащих, оглянулись вокруг и крикнули двоим ушанам, стоявшим поблизости:

- Эй Вы, ушаны, бегом сюда!

Ушаны подошли ним. Это были Мирон и Дима Персик.

- Во первых, Вам было сказано бегом. Во вторых, берем лопату, лом и долбаем говно в выгребной яме уборной. Вот туда забирайтесь, под крышку и долбайте. Вперед.

Дима хмыкнул и ответил:

- Вообще-то говоря, нам командир сказал территорию убирать от металлолома, а мы еще не все убрали.

- Ничего себе ушан, совсем оборзел! Ты что, меня, старика не понял! Я сказал говно долбать! – заорал один из них, на вид крепкий и рослый парень.

И схватив за ворот бушлата Мирона, стоявшего ближе к нему, замахнулся и попытался ударить кулаком ему по лицу. Но тут Мирон, щуплый невысокий парень в очках с толстыми линзами, легко, лишь слегка пригнувшись, увернулся от удара и неожиданно для всех сделал короткую подсечку левой ногой под правую ногу старика, отчего тот свалился в сугроб, задрав ноги вверх. Толком ничего не поняв, старик вскочил на ноги, схватил лопату и с диким криком:

- Ну ни х...я себе, какой борзый! – попытался ударить сверху Мирона по голове.

Но тут произошло вообще неожиданное. Мирон мгновенно, с разворота жестко ударил внешней стороной ступни ноги в сапоге в правый бок, под ребро в печень, старика, отчего тот упал как подкошенный и скрючился, хватая воздух ртом. Двое других стариков стояли в растерянности, как истуканы, выпучив глаза.

Мирон, схватив упавшего старика за ворот спецошива и чтобы привести в чувство, стал тыкать его лицом в сугроб, приговаривая:

- Извини, но нам сказали металлолом убирать.

Несколько оклемавшись, старик отполз на четвереньках в сторону, с трудом нашел в сугробе шапку и затем, уже придя в себя, вскочил на ноги и закричал с безопасного расстояния:

- Все ушаны! Вам п...ец будет в роте! А ты труп! Ты еще пожалеешь, что родился! – и побежал назад в здание, на ходу размазывая тающий снег на лице. За ним поспешно, с потерянными лицами, удалились двое других стариков.

Дима с Мироном уставились друг на друга. Тут им обоим стало ясно, что вообще-то говоря старик был где-то прав и этот п...ец действительно может наступить. Поодаль боязливо стояли другие ушаны, по которым было видно, что им уже страшно за предстоящую, за это маленькое избиение старика, расплату.

- Чой-то я погорячился, не хотел. Как-то само собой вышло. Ну что будем делать, Дим? – спросил Мирон.

- Да-а-а, дела – вздохнул Дима – ты-то сам, как думаешь?

- Не знаю. Но видимо придется идти до конца, я же его отшлепал. Но если ты тоже решишь не прогнуться, то я буду рядом с тобой, если даже дело будет касаться только тебя. Но тогда тебе тоже придется делать то же самое. Ну что?

- Я так понимаю ты каратмен, я тоже немножко до армии занимался. А давай попробуем не прогнуться. Деды, деда! Ну и что деда. Они такие же пацаны, как и мы. Они тоже многого чего боятся. Была не была, давай.

- Ладно, давай. Только в роте друг от друга никуда не отходим.

Возвращение в роту происходило в гробовой тишине. Было такое ощущение, что все остальные ушаны уже похоронили Диму с Мироном.

Весть об оборзевших ушанах распространилась мгновенно. Рота гудела и негодовала.

Прапорщик провел поверку. Затем всех ушанов, как и в других ротах, дружно пинками погнали драить полы, а деда и старики собрались в курилке, где вынесли приговор двум бунтарям – наказать, да так, чтоб впредь неповадно было, да и другим в назидание.

Никогда ушан не должен был даже пытаться послушаться деда, старика или молодого, а тем более поднять на него руку. Если не пресечь это сейчас в корне, то это пошатнет власть и авторитет дедов. Правда некоторую неопределенность внес рассказ пострадавшего старика, который считался в части неслабым драчуном, и двух других свидетелей о том, как быстро и весьма необычно был повержен старик этим очкастым дохляком. Но решили, что вопрос можно запросто решить количеством.

А в это время Дима и МIRON отошли в самый дальний угол казармы и молча наблюдали за другими ушанами, электрическими швабрами летавшими с тряпками в руках по казарме. Деды через молодого велели им идти в курилку. Но никто не собирався идти в эту ловушку. Тогда дедам пришлось самим идти к ним:

- Вам сказали идти в курилку, почему стоим здесь? – процедил сквозь зубы чернявый дед, турок-месхетинец по национальности, который слыл одним из самых злобных и мстительных среди своего призыва, видимо давала знать себя янычарская кровь.

- Зачем, чтобы там, в маленькой курилке, Вы нас окучили толпой? Нет уж, если нужен разговор, то давайте говорить здесь – ответил МIRON.

Тут деда и старики от такой наглости ушана шумно завозмущались, посыпались недвусмысленные угрозы.

В это время МIRON, краем глаза, увидел, что янычар тихонько обошел всех сзади и незаметно подкрадывается к нему сбоку, с недвусмысленными намерениями. МIRON резко с разворота, как и ранее на автобазе, ударил ногой в сторону янычара, зафиксировав каблук сапога прямо у его носа, отчего тот с выпученными глазами шарахнулся назад, а затем, не спеша, опустил эту ногу назад. Потом, к дальнейшему изумлению всех присутствующих, без замаха жестко ударил кулаком по деревянной стене, да так, что доска с грохотом треснула в двух местах и из щелей посыпалась пыль. Вытянув руку в сторону дедов, МIRON продемонстрировал два внушительно набитых ударных сустава на кулаке и прочеканил:

- Мужики, вот этого хватит любому из Вас расколоть голову, уже не говоря о ребрах. Я понимаю, что сейчас Вы толпой можете забить нас, но мы с Димой при этом немало Вас повырubaем. Но с другой стороны, Вы же ведь не отморозки, никто из Вас не захочет идти под трибунал за убийство, верно? Поэтому Вы нас не убьете. Ладно, ну побудем мы с Димой в госпитале месяц, а затем вернемся в роту. Но мы же ведь тогда начнем Вас по одному вылавливать и просто калечить. Потом мы опять попадем в госпиталь. И так по кругу. Ну что, такой вариант устраивает?

Все-таки Дима был прав. Это были, всего лишь навсего, девятнадцатилетние пацаны. Они были сильны тем, что их объединяла определенная стайная психология - дедовская, в отличие от перепуганных и разрозненных ушанов. Но когда деда сообразили, глядя на треснувшую доску, что каждому из них по отдельности может грозить членовредительство, то пришла пора призадуматься. К удивлению других ушанов, которые не поднимая головы драили полы, но все равно были свидетелями всего этого, старослужащие нестройной толпой молча двинулись обратно в курилку.

Прошло минут десять, напряжение нарастало, но тут из курилки появился дед, которого, в отличие от янычара, в роте все уважали за справедливый и спокойный характер, отозвал Диму и Мирона в сторону и сказал:

- Хорошо мужики. Мы решили так. Вас мы не трогаем, но и Вы, когда здесь драят полы, никому не мозолите глаза собой, ни нам, ни ушанам. Куда хотите идите, но не раздражайте никого своим наглым видом. Вас никто не будет гнобить, но и Вы никого не будете задевать, а тем более задирать. Идет?

- Идет – согласились Дима с Мироном.

- Я вот только не могу понять одного - продолжил дед – вот вы прослужите полтора года, станете дедами, будете гонять ушанов. Но в моем понимании только тот имеет право быть дедом, кто прошел весь путь от ушана до деда и только потому, потом, может говорить ушану: я терпел и ты терпи, ведь и ты тоже когда-то станешь дедом.

- А кто сказал, что я буду дедом или хочу быть дедом? – спросил в ответ Мирон.

- Ну-ну, это сейчас тебе удобно так говорить.

- Я не буду дедом не для того, чтоб не быть ушаном, а потому что просто дедовство не для меня. Если ты чего стоишь в этой жизни, тогда тебе на столько же и воздастся. А за счет дедовства мне ничего не надо. Так что поживем - увидим - и Мирон с Димой отправились в Красный уголок в добровольную ссылку.

Потом, до конца службы, слова этого мудрого деда всегда вспоминались Мирону в те моменты, когда появлялось желание припахать какого-нибудь ушана, и это всегда останавливало его от такого искушения.

Вдруг вслед им раздался мат перемат - это ругался один из задержанных до упора на увольнение, в наказание командованием части, здоровенный дембель, архангельский балбес:

- Вы что, ошалели совсем, какого-то сморчка, ушана задавить не можете! Ну-ну! У Вас скоро ушаны будут дедам указывать, что делать! – кричал он, обращаясь к дедам.

Этот день тянулся долго, как никогда. После ужина одних ушанов опять погнали на уборку, другим молодые раздали гимнастерки и сапоги дедов, подшивать и чистить. А деды сели смотреть телевизор. Без пятнадцати десять провели вечернюю поверку и объявили отбой. После отбоя все было спокойно, так как в эту неделю, во избежание ЧП, в канцелярии роты дежурил, точнее спал, кто-то из прапорщиков.

Конечно, определенное беспокойство, связанное со стычкой с дедами, у Мирона с Димой было. Ночью можно было ожидать всякого, скорее всего темную. Поэтому решили не терять бдительности и не спать всю ночь. Раздевшись, Мирон незаметно прихватил с собой по одеяло ремень, намотал его на правую руку, оставив полуметровый конец с бляхой на конце. Большинство считает, что такое оружие используется в драке для нанесения ударов бляхой плашмя, да так, чтоб звезда с бляхи отпечатывалась на противнике кровавым оттиском. Но немногие знают, что если этот ремень использовать наподобие нончак, раскручивая восьмерки наносить удары не плашмя, но ребром бляхи, то в результате этот ремень превращается в оружие, пострашнее нончак, он будет рубить и кроить черепа не хуже палаша.

Примерно через час в роте все стихло. Только время от времени кто-то из дедов, не церемонясь, пинал снизу по верхней койке, через матрас, по свисающей заднице ушана, если тот начинал храпеть. Ничего не соображающий ушан с испугом вскакивал, дико озирался вокруг, слышал в свой адрес весьма нелицеприятные слова и опять проваливался в сон. Чаще всего двух трех таких своеобразных сеансов терапии хватало, чтобы вылечится ушану от храпа. Самых неисправимых храпунов отправляли спать в сушилку, среди бушлатов и сапог с непередаваемым духом сотен пар преюющих портянок и вездесущих огромных тараканов.

Когда окончательно все стихло, кто-то в казарме тихонько встал и стал ходить между койками, вглядываясь в лица спящих солдат. Вскорее он совсем близко подошел к Мирону. Мирон лежал на спине с закрытыми глазами и когда этот кто-то остановился

рядом с ним, он почувствовал на себе его пристальный взгляд. Мирон открыл глаза и встретился глазами с человеком в тельняшке и кальсонах. Нет, это был не янычар, как ожидалось, а тот самый недовольный дембель. Видимо у него все нутро горело от желания проучить наглого ушана, в укор сдрейфившим дедам. Он решил, что проще всего это можно сделать со спящим, устроить ему темную. Некоторое время они смотрели друг на друга в упор, не отводя глаз, а когда пауза затянулась, Мирон молча вытащил руку с ремнем из под одеяла и положил его поверх него. Дембель прямо на глазах как-то сник, суетливо развернулся и пошел прочь, разглядывая попадавшихся ему по пути других спящих. При этом он всем своим видом показывал, что ошибся адресом и что на самом деле ищет совсем другого. Быстренько совершив небольшой круг по казарме, дембель добрался до своей койки, улегся на него и затих. В эту ночь, да и в последующие тоже, больше желающих прогуливаться по ночной казарме не оказалось.

Кстати, через несколько дней по инициативе дедов у Мирона состоялся еще один разговор. Их очень интересовало, куда и как надо, вообще, бить человека не оставляя следов, но чтоб при этом было максимально доходчиво для последнего. Догадываясь, что речь идет о том самом ночном дембеле, который в свое время вдоволь поиздевался над этими дедами, пока те были ушанами, и стоял кандидатом номер один в списке на прощальную экзекуцию, грех было им отказать. Через пару дней некоторые деды молча подходили к Мирону и многозначительно пожимали ему руку, а этот дембель вдруг резко спал с лица и старался до самого увольнения быть в роте тише воды и ниже травы.

Слух об имевшем место выяснении отношения с дедами, сразу обросший невероятными подробностями, быстро распространился по части. Дошел он и до командования роты и части. Стукачей, как и везде, хватало. На следующий день прибежал замполит первой роты старший лейтенант Гвилия, крепкий жилистый кавказец лет сорока, среднего роста и квадратного формата, горбоносый и с орлиным взором. Он завел Мирона в канцелярию роты и, вместо ожидаемой разборки, стал не стесняясь настойчиво интересоваться только карате. При этом он сам, с жутким грохотом, демонстрировал незаурядные способности наносить удары ребром натренированной ладони по дверному косяку и лупить кончиками пальцев руки по самой двери. Даже стало страшно за целостность, нет не дверей, а конечностей горячего джигита. У всех присутствовавших в это время в роте создалось впечатление, что за дверьми канцелярии происходит избиение, правда теперь уже непонятно кого.

Оказалось, что в армии Гвилия не случайно. В далеком прошлом, на родине в Грузии, когда он был еще молодым парнем, кровники его семьи, причины кровной мести Гвилия старательно замалчивал, следуя законам вендетты пытались убить его. Подстерегли ночью в безлюдном месте, ударили ножом и посчитав мертвым, сбросили с моста на железнодорожные пути. Хотя раны были страшные - проломленная голова, переломанные руки и ноги, большая потеря крови, ему чудом удалось выжить. Внушительные шрамы от этих ран он не преминул тут же продемонстрировать.

Оклемавшись после покушения, он принял решение поступить в Военное училище и спрятаться от мстителей на службе в армии. Но при этом он всю службу помнил, что если в армии его никому не достать, особенно на Новой Земле, то в конце концов ему все равно светит увольнение на пенсию. Для младшего офицерского состава в сорок лет. А то, что кровники ждут его на гражданке он никогда не забывал, поэтому постоянно готовился к этому, занимался боксом, самбо.

Имея смутное представление о карате, Гвилия время от времени с остервенением нещадно набивал кулаки, ребра ладоней и пальцы об любые попадавшие ему под руки твердые предметы, да так, что посторонние не могли без содрогания смотреть на это. Он

мечтал, что в его жизни появится тот, кто откроет ему секреты карате и он чудесным образом станет непобедимым для своих врагов. А тут такой случай.

Когда первое возбуждение от радости встречи с носителем «секретов» карате прошло, Гвилия потребовал, чтобы ему продемонстрировали самые убийственные удары и те самые известные лишь немногим точки, удары по которым приводят к неизбежной смерти противника. Слабые попытки Мирона объяснить, что вообще-то говоря большинство эти точек известны практически всем, а самые убийственные удары в карате – это по большому счету долгие, ежедневные изнурительные тренировки, когда каждое движение надо оттачивать и доводить до автоматизма снова и снова, просто не были услышаны.

Чтобы как-то ослабить напор со стороны горячего кавказского парня, Мирону пришлось встать в стойку, придать своему лицу воинственное выражение и с выдохом изобразить пару красивых движений руками из ката, которые в реальной ситуации имеют такое же значение, как пятое колесо у телеги. Затем с развороту, с криком «киа» для большего эффекта, сбил резким ударом пятки ноги шапку с головы ничего не ожидавшего Гвилии. Эти нехитрые приемы привели того в полный восторг. Гвилия попросил несколько раз медленно все повторить, чтобы запомнить каждое движение по частям и сказал:

- Я тут все это быстрэнко освою за пару днэй, а потом ты мнэ покажэш эшо, лады?

- Лады – ответил МIRON, а сам про себя подумал, если пантомиму с руками ты и освоишь за пару дней, то вряд ли сможешь так же сбить шапку, даже через пару месяцев. Может быть только с карлика и то вместе с его головой.

Лишь после этого удалось вернуться к действительности и задать актуальный вопрос дня:

- Как Вы считаете, товарищ старший лейтенант, если деды все же не отстанут от нас с Димой, стоит ли нам стоять до конца?

Вопрос-то был риторический, других вариантов уже не было и ожидалось, что прозвучит положительный ответ, хотя бы для моральной поддержки.

Но, неожиданно, от замполита прозвучал обескураживающее:

- Нэт, нэ стоит, опасно.

И весь имидж гордого, бесстрашного кавказского джигита мгновенно испарился, как сон, как утренний туман.

Потом состоялся визит в роту замполита части капитана Павлова. Пришел он по долгу службы. Во первых, он всегда знакомился с новобранцами лично, во вторых, ни одно событие, не вписывающееся в рамки устава, не должно было проходить мимо него, он нес за это личную ответственность, а в третьих, ему чисто по человечески было любопытно посмотреть на молодого солдата, который сумел противостоять дедам.

Пройдя перед выстроившейся ротой, взгляды в лица солдат, он поздравил новобранцев с прибытием в доблестную воинскую часть и напомнил о необходимости добросовестного выполнения воинского долга, и чтоб никакой неуставщины. Затем он удалился в канцелярию роты, куда уже во второй раз в этот день вызвали Мирона.

Когда МIRON отрапортовался, вытянувшись перед капитаном Павловым, который в это время внимательно и оценивающее изучал его, замполит стал подробно расспрашивать о биографических подробностях Мирона. Узнав, что он родом с Сахалина, заметил:

- У нас здесь есть еще один сахалинец, в третьей роте. Но он отслужил уже полтора года.

Весть о существовании земляка на краю земли, у черта на куличках, была даже очень приятной.

- Ну, да ладно. Скажи-ка мне дорогой, говорят ты мастер карате? – продолжил капитан.

- Мастер – это слишком громко сказано, я только учусь. Просто посчастливилось в свое время попасть в Центральную школу карате в Москве.

- Разве, у нас в Союзе, есть что-то подобное?

- Да, есть. Это единственная школа, которая официально разрешена. Она была основана сэнсеем Алексеем Штурминым и его учеником Тадеушем Касьяновым.

- Хорошо. Ты, я надеюсь, понимаешь, что у нас здесь армия, и никто не должен, ни под каким видом, устраивать мордобой сослуживцам?

- Товарищ капитан, если бы не известные Вам обстоятельства, никто бы и никогда не узнал о том, что я имею какое-то отношение к карате.

- Хорошо, я тебя еще раз предупреждаю, никаких драк.

- Есть. Разрешите идти?

- Иди.

Когда Мирон уже взялся за ручку двери, капитан Павлов все же не выдержал:

- Подожди. А ну-ка покажи, чем ты так напугал старослужащих – он принципиально никогда не произносил слово «дед».

Мирон вздохнув, и ты туда же, и насколько позволяло пространство канцелярии, методично, как на тренировке, выполнил известные в карате удары ногами, которые всегда приводят в восторг людей далеких от карате.

Капитан, впечатленный рассекающими на уровне его лица воздух каблуками кирзовых сапог, задумчиво произнес:

- Н-н да. Еще раз повторяю - никаких мордобоев. Ясно?

- Ясно.

- Хорошо. Иди.

- Есть.

В этот дни произошел довольно таки забавный случай. В роту вернулся из двухнедельного отпуска на родину дед, водитель командира Спецстроя – 700. Он конечно же все пропустил и другие деды в красках расписали ему все произошедшие в его отсутствие события. И этот дед стал с интересом присматриваться к Мирону, но до поры до времени только издалека.

И вот, как-то раз Мирон после ужина пошел по нужде в уборную. Дорога туда пролегла через курилку, где по обыкновению в это время обретались деды. Там, в перерывах между курением, они от скуки упражнялись в поднятии гирь, которых в курилке было немало и разных калибров. Среди них был тот самый послеотпускной дед, один из лидеров в этом упражнении. Увидев Мирона, он окликнул его:

- Эй, каратист, с завтрашнего дня ты будешь меня тренировать, а не то тебе будет конец.

- Если ты можешь мне сделать конец, то зачем тебе учиться карате? – спросил в ответ Мирон.

Тогда дед, кивнув на полтора пудовую гирю, спросил с издевкой:

- Ну что, слабо, каратист? – он где-то был прав, так как вид человека петушиной весовой категории, чуть более шестидесяти килограммов, не предполагал атлетических способностей.

- Вот эту тягать да, слабо, но можно попробовать вот эту – и Мирон указал на другую гирю.

Деды, решив, что речь идет о пудовике, снисходительно посмотрели на него, но когда увидели на гире цифру 32, то выражения их лиц стали недоуменными. Мало кто в роте даже подходил к этой гире, а не то что поднимал.

- Только ты, первый – добавил Мирон, кивая инициатору.

Тот недоверчиво посмотрел на Мирона, зыркнул исподлобья в сторону притихших дедов, потом зачем-то снял тельняшку, обнажив крепкий торс. На первый взгляд, он был килограммов на пятнадцать тяжелее Мирона. Размяв плечевой сустав, повращав в воздухе правую руку, водитель взял гирю за ручку и взвалил его себе на плечо.

- Один, два, три – кто-то из дедов достаточно быстро досчитался до десяти. Затем уже медленнее – одиннадцать, две-над-цать, три-на-а-а-д-ца-ть.

Это был личный рекорд этого деда, он очень старался.

- Ну, теперь давай ты – отдуваясь, бросил он Мирону.

Мирон двумя руками затащил гирию себе на плечо и замер, сильно прогнувшись под его тяжестью:

- Считаем – бросил он.

- Один, два, три ... - хором стали считать деды. После пятнадцати, немножко подумав, Мирон, для убедительности, выжал еще раз.

- Шестнадцать - плечо онемело.

- Мужики, тренируйтесь. Когда толкнете столько же раз, подходите, поговорим о карате – бросил Мирон посрамленным дедам и пошел дальше в уборную.

Надо признаться, что рекорд роты по поднятию двухпудовой гири был двадцать толчков, но принадлежал он строевому сержанту, разряднику из Архангельска, которого все в глаза с уважением звали Лосем, а за глаза Лосярой. Он еще до армии, на гражданке, занимался тяжелой атлетикой. Да и весовая категория его была посолиднее, чем у Мирона. А примечателен он был еще тем, что при своем немалом росте имел еще более немалый размер ноги.

Прибыл он в часть после сержантской школы в сапогах сорок седьмого размера. Но за год службы он их вконец разбил, а в гарнизонном складе сапог такого размера не оказалось. Хорошо, что раскопали валенки, в которые он смог влезть. Но когда наступила весна, стало сыкотно, то он оказался поневоле запертым в казарме и мог только быстренько, в валенках, пробежать по лужам до столовой и назад. Даже летом, когда снег растаял и все вокруг подсохло, он разгуливал по расположению части в валенках, вызывая немалое удивление у тех, кто был не в курсе его проблем. Но в конце концов, по специальному запросу на центральном складе Северного флота отыскивали еще одну пару сапог сорок седьмого размера, правда офицерских, яловых, и переправили их в часть. Создавалось такое впечатление, что во всей армии было всего две пары сапог такого размера, одни для солдата, другая для офицера, но и те оприходовал сержант по кличке Лосяра. Помимо этих сапог ему, как военнослужащему ростом выше метр девяносто, причиталась двойная норма питания и поэтому за его столом в столовой всегда сидели девять человек, вместо десяти.

Колбин и Риманов.

Больше никто не проявлял явного любопытства к Мирону, хотя везде, где бы он не появлялся, ловил на себе любопытствующие взгляды, как солдат, так и офицеров.

В это время у Димы, от пустячной царапины, начала нарывать рука. В обед он отпросился у старшины в санчасть при штабе. Вернулся он оттуда с замотанным бинтом пальцем и новостью:

- В санчасти появился парень нашего призыва, служит медбратом. Знаешь, он такой весь серьезный, правильный, чистенький, аккуратненький. Посмотришь на него и сразу видно – знайка. И фамилия подстать ему - Колбин, Эдик Колбин. Такое удивительное сочетание. Но парень он классный, тебе надо обязательно с ним познакомиться, не пожалеешь – заинтриговал рассказом Дима Мирона.

Как раз в этот день, после ужина, Мирона вызвал к себе замполит Павлов. После пары ничего не значащих вопросов, он как бы невзначай повернул разговор на тему настроений у нового пополнения, кто и что из них говорит. Прикинувшись, что не понимает, к чему весь этот разговор, Мирон отделялся общими словами и тем, что практически еще никого не знает. Но было неприятно, что его пытаются использовать как стукача.

Впоследствии замполит части еще несколько раз вызывал Мирона для таких разговоров, но из этого у него ничего не вышло, поэтому он вскоре отстал от Мирона.

Но эти вызовы имели определенные последствия. Однажды вечером в роте к Мирону подошел старик, по фамилии Груздь и отведя его в сторону, спросил:

- Слушай, меня попросили с тобой поговорить деда, узнать от тебя лично. Старшина Войтович нас всех тихонько предупредил, что ты стал стукачом. Это правда?

Мирон внимательно посмотрел в глаза Груздю и кратко ответил:

- Из меня пытаются сделать стукача.

- Я все понял, так и передам дедам. Я ведь как и они, тоже не поверил Войтовичу. А ты держись.

Воспользовавшись визитом в штаб, Мирон заглянул в санчасть. Да, Дима не соврал. Колбин производил очень приятное впечатление. Худощавый, высокий блондин с вьющимися волосами, в строгих профессорских очках, очень доброжелательно отнесся к визиту Мирона, он был уже наслышан про него. К тому же Эдик оказался компанейским парнем. Оказывается, он учился в Куйбышевском медицинском институте, на третьем курсе, откуда благополучно вылетел по причине веселого проведения времени и беспечности. Но взялся за ум и уже собирался восстановиться в институте, как в ситуацию вмешался родной отец, который возмущенный безответственностью своего чада, лично попросил военкома, для перевоспитания, призвать Эдика и отправить его служить в армию, что немедленно было исполнено. Пока они сидели и разговаривали в кабинете фельдшера, в коридоре раздался крик замполита Павлова:

- Риманов, ты где? Колбин, где Риманов?

Эдик вышел в коридор:

- Я его не видел, его здесь нет.

- Увидишь Риманова, передай ему, если он не доделает сегодня стенгазету, он у меня пожалеет об этом— Павлов, громко хлопнув дверью, вышел из санчасти и было слышно, как он скомандовал дежурному по штабу:

- Найти Риманова и привести его ко мне!

Эдик взял со стола ключ, открыл дверь кладовки и пинками поднял того самого Романова, почивавшего на сложенных горкой матрасах:

- Мишка, замполит приходил по твою душу, уже второй раз. Тебя весь штаб ищет. Я тебя больше прикрывать не буду. Иди быстро делать стенгазету и больше сюда не приходи, а то мне яйца оторвут!

Так состоялось знакомство с Мишей Римановым. Он недавно окончил Московское художественное училище, после чего был призван в армию. Риманов выглядел весьма колоритно, высокий, полноватый, весь уютный такой, чернявый, с большими залысинами и крупными чертами лица. Голос у него был густой, низкий и сочный. Позже выяснилось, что он замечательно поет романсы, аккомпанируя себе на гитаре. Миша был совершенно безобидным и безотказным человеком, чем поголовно пользовались окружающие.

Замполит взял его в штаб художником части, работы для художника хватало за глаза. Но Риманов очень любил поспать, чем абсолютно достал Колбина. Чуть что, он в любое время, как только позволяла ситуация, бросал все, сбегал в санчасть и забирался в кладовку, слезно прося Эдика запереть его там, чтобы никто его не нашел. И преспокойно дрых себе. А его, в это время, искал весь штаб.

Мирон, Эдик и Миша были старше своих сослуживцев, восемнадцатилетних пацанов, на два-три года. Это, помимо всего прочего, как-то сближало и объединяло их. Они, в последующем, стали часто встречаться и в отсутствии доктора проводить вместе время в санчасти.

А через неделю вдруг объявили, что Мирона, одного, переводят в третью роту. Видимо поразмыслив, командование решило от греха подальше развести Мирона с Димой по разным ротам, чтобы другие ушаны, глядя на них, в массовом порядке не взбунтовались против дедов. Тогда ЧП со всеми последствиями.

- Как ты, Дим, что будешь делать? – спросил Мирон Персика.
- Ты знаешь, я тут поговорил с дедами, они говорят, что точно не будут меня трогать, но чтоб я мыл полы. Я согласился.
- Дим, ты решаешь сам. Как решишь, так и должно быть.
- Я решил.
- Тогда, удачи тебе.
- Тебе тоже.

Третья рота. Дисбат на горизонте.

В это время ночей со звездами и луной на небе не стало. Наступил период белых ночей, когда самое темное время суток – это сумерки, при которых, без дополнительного освещения, можно было запросто читать газету.

В третьей роте деды, появлению Мирона, были не очень рады. Высокий и стройный, со смазливим лицом, одетый в отутюженное ПШ (полушерстяное обмундирование), что являлось привилегией строевых сержантов, дед по фамилии Трусов подошел к нему и спросил:

- Ну что, теперь ты и здесь будешь качать права?
- Никто качать права не собирается. Единственное - не трогайте меня, сделайте вид, что я вообще не существую и тогда все мы будем живы и здоровы.

Ну-ну – ничего больше не нашелся что ответить Трусов.

Затем оказал внимание Геша из Тамбова, коренастый дед, косая сажень в плечах, от которого нежданно-негаданно пришла поддержка:

- Не дрейфь. Я тоже, когда был ушаном, мочился тут с дедами не раз, видишь какой нос, это они мне его сломали. Но тогда время было другое, бесполезняк было что-то доказывать, все равно те взяли верх. А ты попробуй, может у тебя что-нибудь получится. По крайней мере, как смогу, поддержу.

Нашелся и сахалинский земляк. Звали его Рики. В свое время, после окончания школы в Южно-Сахалинске, он уехал набираться ума разума в техникум города Мичуринска Тамбовской области, откуда благополучно вылетел и его призвали служить в армию. Сразу бросились в глаза красивая офицерская шапка на его голове, хромовые сапоги на двойных каблуках, сточенные под стаканчик, «золотая» фикса (коронка) из медного сплава рондоль во рту, ладно сидящие ушитые гимнастерка и штаны на миниатюрной фигуре. Одним словом, армейский пижон.

Обычно, если в армии встречаются земляки, то они испытывают к друг другу чуть ли не родственные чувства, особенно если эта самая их родина где-то там далеко-далеко. Тем более, когда земляков раз-два и обчелся. При этом деды всегда стараются взять своих молодых земляков под крыло и по возможности опекать их. Здесь же посидели, расспросили друг друга о малой родине каждого из них, на том и расстались. Причина такого, несколько отстраненного отношения Рики к появлению в роте Мирона выяснилась чуть позже.

Вечером к Мирону подошел Толик Говорок, с которым еще до присяги, при прохождении курса молодого бойца, он успел подружиться. Тогда он показался ему парнем не из робкого десятка, дерзким и отчаянным. Да и бог ростом и силой его не обидел. Толик, когда разговаривал, выглядел довольно забавно. Он немножко заикался, да к тому же еще и картавил. От него Мирон узнал, что в третьей роте деды вроде бы ничего, терпимо, но молодые лютуют, просто звери:

- Я конечно бегая здесь, как все с тряпкой - надо значит надо. Но моешь ли ты полы, не моешь полы, достали эти пинки без повода и издевательства какого-нибудь шпендика, которого я на гражданке давно задавил бы, как клопа. Может мы с тобой здесь тоже будем друг за друга стоять, как ты в первой роте с Димой? Если да, то даю слово, что не сдрейфлю. Конечно, полы я мыть буду, но чтоб не пинали напропалую, не издевались.

- А что, давай. Мне то уже отступать некуда, думаю, что здесь тоже захотят поставить меня на место. Вдвоем будет легче отбиться.

Они подошли вдвоем к группе молодых.

- Мужики, давайте поговорим без выкидываний – начал Мирон – Вы знаете, что было в первой роте. Так вот, я здесь тоже не собираюсь быть ушаном. Но разговор не обо мне, разговор о моем другане Толике. Послушайте его.

- Давай, говори – ответил один из молодых.

- Я не буду говорить, как Мирон. Я скажу, что буду делать все, что должен делать ушан. Но если кому-то захочется мне набить морду, я всегда готов один на один с любым из Вас. Получится, бейте, как хотите, не получится, не обессудьте – не пожалею. Только не надо издеваться надо мной и просто так пинать. Я терпеть этого не буду.

- Не только он терпеть не будет, но и я тоже не останусь в стороне. В общем, смысл разговора такой – нас двоих не надо трогать. Если не согласны, можем помахаться прямо сейчас. Я с Толиком против всех Вас. И передайте всем своим о нашем разговоре. У меня все.

Молодые не ожидали такого оборота и потому невнятно ответили:

- Подумаем.

Прошло несколько дней. Вроде бы молодые вняли словам Мирона и Толика. Толик мыл полы и никто его не пинал и не шпынял. А Мирона никто в роте в упор не замечал, кроме Геши, который видимо нашел в нем родственную душу. Он вспоминал о своей боевой молодости в славном бандитском городе Тамбове, о своих драках с дедами, в пору своего нелегкого ушанства. О той поре, когда время от времени даже некоторым рьяным офицерам отчаянные деды устраивали темную. И конечно, его самого интересовало карате.

Оказалось, что каждый уважающий себя пацан в Тамбове считал необходимым иметь при себе финку. Убивать никого не собирался, может быть только немножко так порезать для остротки, для убедительности, но финку имел, так было положено. Гешу интересовало, что может карате противопоставить ножу.

- Геша, послушай меня. Если тебя стукнут рукой или ногой, то скорее всего это будет очень больно, но далеко не смертельно. Но если тебя пырнут ножом, то наверняка насмерть. Нож ошибок не прощает. Поэтому, зная к чему ты клонишь, скажу тебе, что нельзя выделить в карате какие-то приемы против ножа, только их натренировать и считать себя неуязвимым. А посему, мой тебе совет, если увидел нож, а рядом нет лома, однозначно надо отойти, как можно дальше. Лучше минута позора, чем вечная слава в деревянном макинтоше.

- Ну, а если уже деваться некуда, что бы ты сделал?

- Все зависит только от ситуации.

- Ну давай, попробуем. Будем считать, что у меня нож.

- Хорошо, тогда возьми что-нибудь наподобие ножа и пойдем в умывалку, там вроде бы никого нет.

Геша пошарил вокруг взглядом, открыл тумбочку, взял зубную щетку:

- Годится?

- Пойдет.

В умывалке действительно никого не было.

- Геш, я знаю все эти приемы из самбо против ножа, с захватом и выворачиванием руки, эти болевые приемы. Все это красиво, когда двое демонстрируют эти приемы: один имитирует удар, а второй, с позволения первого, эффектно захватывает руку и артистично выкручивает его и нож выпадает из рук. Но на самом деле, если я был бы с ножом, то успел бы за это время нашинковать эту руку и еще раз пять ударить ногой и рукой, да чем угодно. Ну, давай.

Мирон встал против Геши, слегка расставив ноги:

– Ты не церемонься, бей по настоящему, как в жизни, а я по настоящему буду отбиваться.

Геша не спеша взял зубную щетку щетиной в правую руку и вдруг, неожиданно, попытался резким движением, без замаха, ударить им в живот Мирона. Мирон, мгновенно развернувшись шагом назад влево правой ногой, пропустил Гешину руку со щеткой мимо себя перед животом. Одновременно, блоком правой руки вниз, он резко ударил им по тыльной стороне запястья руки Геша, державшей щетку. Щетка вылетела из руки и пролетев через всю умывалку, ударилась об зеркало и сломалась. А Геша в это время получил еще удар коленом в правый бок, в печеньку, отчего скрючился со страдальческой миной на лице.

– Ну что, полегчало? – спросил Мирон через минуту.

Геша выпрямившись, кивнул головой, потирая онемевшее запястье.

– Я тебя специально не спрашивал, куда и как ты будешь бить, чтобы было все по настоящему. Я даже не знаю, как у меня все это получилось, все на автопилоте. Следующий раз наверняка будет иначе. Если я заранее стал бы просчитывать свои действия, то точно был бы уже трупом. Теперь ты понимаешь, что надо очень много тренироваться, чтобы довести все до автоматизма, и реакцию, и технику, и еще много чего другого.

В это время в умывалку забежал Толик держась руками за лицо, залитое кровью. Никого не замечая, он отвернул кран и стал смывать кровь.

– Толик, это кто тебя?

Толик, несколько придя в себя, выдавил сквозь разбитые губы:

– Зашел в сушилку поставить сапоги, а там трое молодых. Оставил сапоги и только собрался уйти, как сзади навалился Волчара, свалил и сел на меня сверху. Держал, пока двое других пинали меня.

Волчара – это кличка здорового костромского бугая, под метр девяносто ростом, по фамилии Пухов. Он с товарищами таки решил наказать Толика. Вроде бы молчал ушан, а теперь осмелел, голос прорезался. А Мирона, если дернется, решили одолеть толпой.

– Толик, если сейчас скажешь, что надо с ними посчитаться, то я готов, как мы с тобой договаривались. Все зависит от того, что ты сейчас скажешь.

– Пошли, я сейчас буду их убивать. Они еще там, в сушилке – Толик был в ярости.

Геша спросил:

– Может, я их оприходую? Мне, деду, вообще это без проблем. Поставлю их по стойке смирно и настучу им по бестолковкам, они и не пикнут.

– Геш, это дело принципа. Прятаться за твою спину, ну не совсем солидно. Спасибо, сами разберемся. Значит так Толик, первого вырубам Волчару, а там по ситуации. Пошли.

Волчара с подельниками действительно был в сушилке, сидели и обсасывали успешную экзекуцию оборзевшего ушана.

– Мужики, мы же позавчера разговаривали с Вами о Толике. Зря Вы сейчас это сделали, придется отвечать – тихо произнес Мирон.

– Ты что возомнил о себе, сейчас тоже получишь – оглядываясь на своих, вскочил Волчара. Нависнув над Мироном, он с высоты почти двухметрового роста попытался своим кулаком, размером с кувалду, размазать Мирона по стене. Ногой, до головы Волчары, было не достать, Чтобы сделать это кулаком и то пришлось подпрыгнуть. В удар вложилось все, что накопело в нем за эти полмесяца в армии. Волчара, сложившись пополам, рухнул туда же, откуда вскочил. Удар локтем сверху по спине заставило спружинить его тело, отчего он откинулся назад и так остался лежать на спине. Тут же стало ясно, что второй удар, локтем, был лишним. Волчара лежал с закатившимися глазами. Ниже левого глаза, от носа до скулы, зияла рана. Из нее хлестала кровь. Двое

других молодых, ринувшихся было на Толика и сам Толик со сжатыми кулаками застыли, с изумлением взирая на поверженного Волчару.

Повисшая тишина внезапно прервалась криком, вбежавшего на шум в сушилке, молодого белобрысого прапорщика:

- Ты что тут драку устроил, козел!

Прапор с ходу, попытался дать пинка Мирону, но тот ударил ребром кулака ему по сапогу, по подъему ноги, отчего он аж взвыл от боли, поспешно развернулся и захромал к селектору:

- Штаб – завопил он - это с третьей роты. Тут драка, быстро пришлите кого-нибудь!

Штаб среагировал немедленно. Мирона, в окружении трех сержантов и колченого прапора, Волчару, в состоянии гроги, в сопровождении двух поддерживающих его под руки подельников, повели в штаб.

В штабе был настоящий переполох. ЧП. Дежурный офицер был в полной растерянности, он без толку метался и пытался дозвониться по телефону до командира части домой. Но тот, на другом конце провода, лыка не вязал. Начштаба тоже куда-то подевался. Наконец дозвонились до замполита части, капитана Павлова. Разобравшись в ситуации, он приказал отправить рядового Пухова в госпиталь. В госпитале Волчаре дали подышать нашатырем, наложили скобы на рану, вкололи укол в ягодицу и зарегистрировав случай нанесения побоев в результате драки между военнослужащими, отправили назад в часть.

А оставшихся в штабе заставили написать подробную объяснительную по поводу драки и отправили назад в роту. Павлов приказал прапору остаться на всю ночь дежурить в роте и чтоб не дай бог, чтобы еще что-то случилось.

По пути в роту прапор, которому сломали все планы на вечер, да к тому же у него сильно болела драчливая ножка, к радости молодых стал орать на Мирона:

- Я тебе устрою небо в алмазах, ты еще пожалеешь обо всем. Ишь ты, драться удумал, я тебе все руки и ноги повыдергиваю.

- Я так понимаю, мне теперь терять нечего. Семь бед – один ответ. Так что давай напоследок, если ты такой крутой, снимем сейчас погоны, чтобы не оглядываться на звания и посмотрим, кто кого. А то воткнул две звездочки в погоны и думает, что может безнаказанно базарить. Давай – не выдержал молчавший до сих пор МIRON, услышав про выдергивание конечностей, ведь и так было тошно на душе.

В ответ прапор разразился матом, но грозиться перестал. Препирания на этом закончились, так как успели вернуться в роту.

В самой роте в воздухе витало напряжение, было необычно тихо. Деды и дневальные вглядывались в лица вернувшихся, пытались понять, чем все это в штабе закончилось. Ушаны в этот вечер не бегали с тряпками, да и вообще, куда-то позашхерились. Большое впечатление произвело на всех заплывшее лицо Волчары с потухшими глазами и потерянным взором, с белой повязкой через всю щеку.

Вернувшиеся из штаба молча пошли к своим койкам. И тут случилось то, что меньше всего ожидал МIRON. К нему подошел Рики и огорошил:

- Ты зря это сделал. Ты ушан, А ушан должен терпеть и делать все, что положено ушану, а не вые...ся – что угодно, а таких слов от земляка МIRON никак не ожидал.

Оправившись от растерянности, МIRON только и нашелся, что ответить:

- Ты знаешь, земляки так не поступают. Ты дед, я ушан. Но если у тебя, моего земляка, с кем-то были бы проблемы, то я не стоял бы в стороне, не сомневаясь, помог бы, чем мог. А ты дедовские понятия поставил выше своего земляка. Не ожидал. Ты теперь для меня не земляк.

- Не земляк, значит не земляк. Напугал ежа голой задницей. – Рики развернулся и пошел к дедам.

Радовала только неизменная поддержка Геши.

Этот разговор с Рики впоследствии, через много-много лет, имел продолжение. Когда в стране началась перестройка, на Сахалине, как и везде, наступили большие перемены, почти всегда далеко не самые лучшие. Правила жизни начали устанавливать новоявленные авторитеты, которые не без основания стали считать себя хозяевами жизни. Рики без труда удалось стать своим среди них. Видимо его представления о бытии не изменились со времени службы в армии, жизнь по понятиям была ему по нутру. Вообще, в эту пору он стал «уважаемым» и процветающим.

Тогда же в Южно-Сахалинске жил Сергей, друг детства Мирона, известный в городе спортсмен. Так получилось, что он с Федором, братом Мирона, встречали последнего в аэропорту, прилетавшего в отпуск. И они столкнулись там с Рики, который вместе с местными авторитетами прискакал в аэропорт встречать кого-то из своих боссов, вора в законе из Комсомольска-на-Амуре. Обсуждая с ним последние городские новости, Сергей спросил Рики, с которым был знаком раньше, иногда приходилось перетирать с ним кое-какие вопросы:

- А ты знаком с Федором? Нет? Он каратист, очень даже известный в Москве – при этих словах Рики с уважением пожал Федору руку.

- Да к тому же он старший брат Мирона, того самого, с которым ты служил в армии, помнишь его? Сейчас он должен прилететь – продолжил Сергей.

Эти слова вызвали странную реакцию у Рики. Он вдруг засуетился, сослался на неотложные дела и быстренько ретировался.

Встретив Мирона, Сергей с Федором первым делом рассказали ему про встречу с Рики и странное его поведение. И тогда Мирон рассказал им про тот самый инцидент в армии и про Рики в частности.

Впоследствии Сергей, на очередной сходке южно-сахалинских авторитетов, не преминул спросить Рики:

- Скажи мне, зачем ты тогда в армии так поступил, ты знаешь, о чем это я. Это ведь неправильно, так с земляками не поступают. Смотри, столько лет уже прошло, а люди все помнят. Такое не забывают.

- А зачем он так сильно бил его? – ничего другого не нашелся ответить Рики. И вообще, ему очень хотелось навсегда забыть о том неприятном для него случае.

Ночью Мирону не спалось. Невеселые мысли мучили его – опять нарвался на неприятности.

Утром, после завтрака, часть полностью построили на плацу. Выгнали даже поваров из столовой, что случалось очень редко. Предполагалась показательная порка.

Из штаба вышли командир части майор Казаков, с нездоровым цветом лица человека с сильнейшего бодуна и замполит части капитан Павлов. Оба в черной морской форме.

Начальник штаба капитан Либровский скомандовал:

- Ровняйся! Смирно! Равнение на середину!

Развернулся, поднес руку к шапке и пошел, чеканя шаг навстречу майору Казакову. Не доходя нескольких шагов до него, он остановился:

- Товарищ майор! Войсковая часть на утренний развод построена! Начальник штаба капитан Либровский!

- Вольно!- скомандовал командир части.

- Вольно! – эхом откликнулся начальник штаба и развернувшись, встал позади Казакова, рядом с Павловым.

- Товарищи солдаты, сержанты и старшины. У нас в части произошло чрезвычайное происшествие.

Затем он вызвал Волчару и Мирона из строя. Те встали перед четырьмя сотнями своих сослуживцев.

- Товарищи! Мы все здесь, чтобы не щадя себя, честно выполнять свой священный долг перед Родиной. Но среди нас нашелся негодяй, который еще до призыва в Вооруженные силы готовился стать преступником. И он здесь стал этим преступником. Он зверский избил своего товарища, с которым ел из одного котла, спал под одной крышей. А потому сполна получит за свое совершенное преступление – мы отдадим его под трибунал, чтобы он понес заслуженное наказание. Он будет за это наказан и будет сидеть в тюрьме!

От этих слов у Мирона «матка опустилась»:

- Все, каюк - пронеслось в голове.

Впоследствии Дима Персик часто, весьма живописно и образно описывал этот развод части. Он, как и другие солдаты части, с изумлением смотрел на эту парочку. Выглядели они весьма комично, Пат и Паташонок. Один здоровенный оболтус в черном спецпошиве, явно матерый солдатище, другой щупленький, маленький и очкастый, в зеленом бушлате, в шапке с завязанными под подбородком клапанами, ну ушан-ушаном. И если бы не повязка на щеке у этого бугая, то после речи командира части впору было бы начать жалеть этого тщедушного очкастого солдатика. Невозможно было представить их дерущимися на равных. А тут такое...

Мирона отправили в штаб, дожидаться своей участи, а часть, промаршировав перед командованием, отправилась на службу.

Командование собралось в кабинете командира части и что-то там долго обсуждало. О чем-то громко и горячо говорил Казаков, не менее горячо вторил ему замполит, изредка встречал начальник штаба. Время текло бесконечно долго. Видимо не могли придумать казнь пострашнее, казалось, что все, что приходило им в голову, не соответствовало содеянному этим негодяем.

Прошло уже неизвестно сколько времени, когда командование, разгоряченное бурным разговором, вывалилось из кабинета и не глядя друг на друга разошлось по штабу.

Капитан Павлом вызвал Мирона к себе в кабинет и со вздохом промолвил:

- Не послушался все же ты меня, устроил таки мордобой. А ведь я тебя предупреждал. Отправляйся в роту и ни шагу оттуда. Жди.

- Есть.

Все, кончилась служба в армии. А может все-таки не в тюрьму, а в дисбат отправят? Слабая надежда еще теплилась в душе у Мирона по дороге в роту.

До обеда Мирон один просидел в курилке, тупо разглядывая обшарпанный потолок.

Рота вернулась на обед. Но всех сразу загнали в Красный уголок на комсомольское собрание.

- Ну вот, песочить будут по полной программе – пронеслось в голове у обреченного.

- У нас сегодня внеочередное комсомольское собрание – выступил секретарь комсомольской организации роты, строевой сержант – Повестка собрания - выборы заместителя секретаря комсомольской организации роты.

- Кто за эту повестку собрания?

- Кто против?

- Кто воздержался?

- Единогласно.

- Предлагаю кандидатуру – и назвал фамилию Мирона.

- Кто за?

- Кто против?

- Кто воздержался?

- Единогласно. Вышеназванный кандидат избран заместителем секретаря комсомольской организации роты. На этом комсомольское собрание объявляю закрытым.

Рота ничего не понимала, но никто не посмел даже подумать проголосовать против. Но больше всех недоумевал Мирон. Чертовщина какая-то.

После обеда ничего не понимающий Мирон отправился вместе со всеми на службу.

Вечером опять все повторилось, но только на уровне части – так же оперативно провели комсомольское собрание части прямо в столовой, во время ужина. К изумлению всех, а Мирона больше всего, его единогласно избрали заместителем секретаря комсомольской организации части.

А на следующий день на разводе огласили приказ командира части, по которому Мирона назначили командиром второго отделения третьего взвода третьей роты. Можно было просто свихнуться с ума от всего этого.

Более или менее все прояснилось, когда Мирона снова вызвали к замполиту части капитану Павлову:

- Все, теперь никто не посмеет относительно тебя проявить неуставные отношения, ни в роте, ни в части. С этого дня любой старослужащий ответит за это по закону, никому не дадут спуска. Но и ты теперь, с этого дня, никого не тронешь, даже пальцем. Если это произойдет, то наказание будет по всей строгости закона. Пощады не будет. Ты понял?

- Так точно.

- Все, иди и помни мои слова.

- Есть.

Только позже стало известно от других офицеров, что командир части категорический требовал передать Мирона под военный трибунал, но капитан Павлом взял на себя всю ответственность и горячо настаивал на противоположном:

- Как можно наказывать молодого солдата, который посмел дать отпор старослужащим. Сами мы, как ни стараемся, не можем извести неуставные отношения, хотя кричим о необходимости борьбы с этим явлением на каждом углу. Если мы его сейчас посадим, то старослужащие совсем обнаглеют и тогда молодым солдатам точно несдобровать. Я, как заместитель командира по политической части, настаиваю на своем и оставляю за собой право обратиться прямо к своему непосредственному руководству – к начальнику политотдела, если сейчас здесь не услышат меня.

Этот последний довод заставил сдаться майора Казакова. Не каждый в то время решался вступать в конфронтацию с армейским идеологом от партии, даже командир части.

С этого времени все более или менее устаканилось, наступило статус кво. Деды с трудом, но смирились с присутствием в роте непокорного ушана, хотя он был им как кость в горле. Большинство молча делало вид, что Мирона просто не существует. Другие не могли скрыть своей ненависти и каждый раз злобно смотрели вслед проходящему мимо них Мирону. Говно кипело. Но никто открыто не проявлял своего отношения к нему, еще свеж был в памяти вид поверженного Волчары. Да к тому же они прекрасно понимали, во что может вылиться попытка расправиться с комсомольским функционером и маленьким, но все же командиром.

Сам Волчара, с этой поры, старался не попадаться Мирону на глаза, и вообще, этот случай полностью отбил у него охоту измываться над ушанами. Урок пошел ему впрок.

С другой стороны, что несколько огорчало Мирона, вокруг него образовался вакуум. Ушаны, кроме Толика, как и в первой роте демонстративно обходили его стороной. Во первых, у них не было времени на общение с ним, а во вторых, они не могли простить ему «счастливого» ушанства. Будь они верующими, то наверняка каждую ночь засыпали бы со словами молитвы на устах:

- Господи, ну сделай так, чтобы ему было также плохо, как и нам.

Только одного человека в роте все это забавляло. Им был Геша.

ГЦП №6. Спецстрой – 700.

Ни для кого не секрет, что на Новой Земле расположен ядерный полигон. Он был создан в 1954 году, еще во времена СССР, для испытания ядерных зарядов в интересах Военно-Морского Флота СССР, а в последствии и для всех Вооруженных Сил СССР. В настоящее время это Государственный центральный полигон № 6 (ГЦП №6) Министерства обороны Российской Федерации.

В целях обеспечения проведения ядерных испытаний был также создан Спецстрой - 700. Именно Спецстрой построил всю новоземельскую инфраструктуру полигона. В кратчайшие сроки был построен: гарнизон Белушья Губа - полноценный поселок на несколько тысяч человек с многоэтажными жилыми домами, дорогами, со всеми структурами жизнеобеспечения в суровых арктических условиях, с уникальной школой и бассейном. Возведены причалы для маленького порта, где стояла небольшая военная флотилия. Этот порт мог принимать океанские корабли. Построен поселок Рогачево с аэродромом, на котором могла базироваться целая авиационная дивизия. Создана инфраструктура дивизии ПВО по всему архипелагу.

И наконец, была создана вся структура для ядерных испытаний, начиная от Научно-исследовательской части и заканчивая ядерными опытовыми площадками, вначале в Южной зоне архипелага в районе губы Черная и губы Башмачная, а затем и в Северной зоне, в районе губы Митюшиха и в губы Маточкиного пролива с поселком Северным. Спецстрой обеспечивал функционирование всего этого, а так же подготавливал все для проведения испытаний. Сооружал площадки для ядерных взрывов, пробивал штольни и штреки для подземных взрывов, производил их забивку после закладки изделия, ядерного заряда, обеспечивал ликвидацию нежелательных последствий испытаний.

Сейчас, когда многое из истории ГЦП №6 рассекречено, страна знает фамилии героев создателей этого полигона, адмиралов, генералов, офицеров.

Но есть еще один герой, про которого нечасто вспоминают.

На начальном этапе почти тридцать батальонов военно-строительных частей были приданы Спецстрою. Впоследствии, по мере выполнения основных работ, их количество уменьшили до трех. Если учесть, что эти батальоны были укомплектованы призывниками срочной службы, то все перечисленное выше было построено руками восемнадцатилетних ребят в тяжелейших условиях Крайнего севера. Этот рядовой военный строитель и есть тот самый забытый герой.

Войсковая часть. Командиры.

Войсковая часть, где предстояло нести службу, тоже была военно-строительной и она, в числе трех военностроительных частей, входила в структуру Спецстроя - 700.

Во время прохождения курса молодого бойца командование Спецстроя выявляло гражданские специальности у новобранцев. Было много новоиспеченных водителей, буквально перед призывом прошедшие соответствующие курсы в ДОСААФ по направлению военкоматов, были еще сельские трактористы, крановщики, автослесари, токари, электрики, сварщики, строители, плотники, столяры, но все невысокого пошиба. Не успели поднатореть в силу своего юного возраста. Был дипломированный художник, окончивший художественное училище, был недоучившийся доктор, отчисленный с третьего курса медицинского института. Их сразу определили в штаб, как ценные кадры. Они составляли примерно половину всего призыва. Другая половина была без специальностей. В соответствии со специальностями и с потребностями полигона новобранцев, после принятия присяги, распределили по частям.

Первая рота в войсковой части была автомобильной, соответственно в нее попали все те, кто имел хоть какое-то отношение к автомобилям.

Во вторую роту отправили крановщиков, механизаторов-трактористов и всех причастных к ним. Также в этой роте числился хозвзвод, в состав которого входили повара, свинари, кочегары, кладовщики и другой хозяйственный люд.

Третья рота несла службу на Деревообрабатывающем комбинате (ДОК), Бетонно-растворном узле (БРУ) и Кислороддобывающей станции (КДС).

Приятным сюрпризом было то, что Спецстрой платил зарплату приданным ему солдатам. В зависимости от специальности и квалификации, некоторые военные строители зарабатывали к концу службы, с учетом северных коэффициентов, до двух тысяч рублей, что по тем временам были большими деньгами, если учесть, что средняя зарплата по стране, на гражданке, была чуть больше ста рублей в месяц. Так что священный долг перед Родиной совмещался с неплохим материальным стимулом. Правда этот стимул, во время службы, только начисляли и лишь потом, после увольнения, присылали переводом по месту жительства. Только тогда можно было получить их на руки. Зато целее были.

Изредка, по воскресеньям, Мирону удавалось встретиться и пообщаться с Димой Персиком в клубе во время очередного обязательного просмотра патристического фильма. И здесь Дима рассказал о кошмарном случае, свидетелем которого стал он сам.

Всех водителей из нового призыва, и его том числе, повезли в Рогачево, где должны были пройти дополнительный курс по повышению водительского мастерства, познакомиться с обязанностями военного водителя. Также командование хотело оценить мастерство вождения автомобилем каждого из них, в соответствии с которым и должны были распределить их на службу.

В этой команде оказался один солдат, который действительно неплохо водил автомобиль. Но по натуре он оказался очень хвастливым фруком. В очередном заезде на грузовике ЗИЛ-130, на котором все тренировались, он решил выпендриться и разогнавшись, резко затормозить в последний момент перед стоявшими поодаль группой ничего не подозревающих солдат, ждавших своей очереди. Решил блеснуть мастерством, а заодно попугать других. Ему казалось, что это будет очень весело. Все, кто видели летящий на них грузовик, успели броситься врассыпную, кроме одного, стоявшего спиной к надвигающемуся грузовику и потому ничего не видевшего. Тяжелый грузовик, с пневматическими тормозами, просто не был приспособлен для таких выкрутасов. Колеса заблокировались, грузовик заскользил по накатанной снежной площадке. Стукнув несчастного, он протащил его еще метров пять и припечатал своим стальным бампером к стене каменного гаража, перерубив солдата буквально пополам.

Вот так повеселился. В результате цинковый гроб на родину к родителям, понижение в должности командовавшего в этот день офицера. И это все на пустом месте из-за этого козла, которого впоследствии сослали в дисбат. Только парня этим уже не вернешь.

А так у Димы было все нормально. Дали ЗИЛ-130, но не тот, который погубил парня. Другие получили кто ЗИЛ, кто УРАЛ, а кому-то повезло стать персональными водителями на УАЗиках командиров самых различных рангов, начиная от Начальника Спецстроя -700 и кончая командиром части.

Служить водителем было почетно, многие им завидовали. Но это была очень нелегкая служба. Вопреки сложившему на гражданке мнению, что в Арктике двигатели автомобилей заводят в конце осени, а выключают только с наступлением весны, оставляя их работать без перерыва всю долгую зиму, в части этого никто не делал.

Здесь в радиаторы автомобилей заливали воду, а не тосол. В конце дня эту воду обязательно сливали, чтобы по утру не увидеть в сосульках растрескавшийся двигатель. Аккумуляторы снимали и относили в теплое помещение, чтобы не умерли за ночь на

морозе. Конечно, вода в радиаторе на таком морозе – это что-то из хроники времен героической Отечественной войны. Но был в этом и свой резон.

Утром сооружался факелок из ветоши, смоченный солярой, которым минут десять грели поддон двигателя с маслом, разжижая его. Затем, не закрывая сливного крана, непрерывно заливали горячую воду в радиатор, пока весь двигатель не становился почти горячим. Закрывали сливной кран, быстренько притаскивали теплый аккумулятор, ставили его на место. Пристраивали кривой стартер и теплый уже двигатель, с полтычка, заводился при сорокаградусном морозе. И конечно же успеху операции непременно способствовал наш неизменный родной мат. Чем круче загнешь, тем больше надежды, что двигатель заработает.

А попробуйте завести на таком морозе родной отечественный грузовик, заправленный тосолом. Даже самый изощренный мат ни за что не оживит задубевший на морозе двигатель.

Правда иногда, если не найти правильного соотношения температуры заливаемой воды и скорости ее залива в радиатор к температуре окружающей среды, блок двигателя мог запросто треснуть. Тогда над гарнизоном долго разносился совсем другого рода мат, генерируемый начальником автобазы.

Вся эта процедура сопровождалась клубами пара над капотом, долго находиться в котором было крайне опасно. На сильном морозе, при повышенной влажности, любые мало-мальски открытые части тела незаметно белели, обмораживались. Если вовремя этого не заметить, то недалеко было и до беды.

Затем морда автомобиля заботливо укутывалась старыми одеялами и другим тряпьем, как впрочем и весь капот. Иначе не было никакой надежды поддержать рабочую температуру двигателя для его нормальной работы и нагнать тепло в кабину, чтобы не примерзнуть одним местом к сиденью. В кабине, на боковые дверные стекла, наклеивали пластилином по периметру куски гидрофобного плексигласа. Это нехитрое приспособление позволяло всегда иметь не заиндеветшие прозрачные окошечки по бокам кабины.

Но на этом трудности не кончались. Все эти автомобили имели обыкновение совершенно непрогнозируемо ломаться, в самый неподходящий момент. А ремонтировать их, кроме как водителю, было некому. Так что поневоле приходилось становиться мастером на все руки.

Зато потом, когда автомобиль начинал бодро урчать, выдавалась путевка на выезд. Водители, в отличие от других солдат, могли хотя бы проездом бывать в гражданской части гарнизона, в поселке, где достаточно бурно кипела жизнь с участием его гражданского населения. Эта смена обстановки, происходящая за лобовым стеклом автомобиля, выходить из которого в поселке, а тем более разгуливать по нему было строжайше запрещено, делала их как бы сопричастным к этой жизни. Остальные солдаты видели гарнизон только издали, при перемещении строем из роты на объект и обратно. Та жизнь в поселке казалась им заманчивой и загадочной. Поэтому они всегда, с неизменным интересом, слушали рассказы водителей обо всем увиденном в гарнизоне.

Большинство солдат со второй роты выделялись своим замасленным видом. Следы машинного масла были видны практически на всем, начиная от шапки и кончая сапогами. Руки всегда были в масляном макияже, их ничем нельзя было отмыть. Но зато трактора, бульдозера, грейдера, кроме компрессоров, в самые морозные ночи разрешалось не выключать.

Но была во второй роте и белая кость. Это крановщики башенных кранов. Считалось, что у них самая интеллигентная специальность, они всегда были чистенькими, ведь электродвигатель не чадил и не требовал постоянной возни со смазкой.

Взвод хозслужбы, который тоже числился за второй ротой, появлялся там только на ночь, чтобы поспать. Они жили своей отдельной жизнью. У них была своя тусовка. Большинство из них насквозь пропахли кислой капустой и луком, короче говоря, кухней.

Вопреки ожиданиям, все-таки санитария, они всегда имели весьма неопрятный и замызганный вид. Остальные солдаты в части называли их партизанами.

В хозвзвод стремились очень многие, там была сытная и, в буквальном смысле, теплая жизнь. Там не надо было в любую погоду маршировать каждый день по десять километров по бетонке до места службы и обратно. Но был существенный минус. В отличие от других, они числились при части, не имели никакого отношения к Спецстрою, а потому вышеупомянутого стимула, в виде зарплаты, у них не было.

Первый взвод третьей роты нес службу на ДОКе. Солдат этого взвода можно было отличить по запаху древесной пыли, въевшейся в их обмундирование. ДОК, как и все другие службы, был необходим гарнизону, так как невозможно было каждую деревянную детальку везти с Большой земли, проще было оперативно изготовить ее на месте. Делали все, распиливали кругляк на брусья и доски, строгали и пилили их, делали табуретки, столы, двери, окна, да все что угодно.

Гарнизонное руководство старательно выискивало среди служивых талантливых умельцев, кто мог искусно вырезать из дерева подделки или делать красивую мебель. Тогда этих ребят не привлекали к основной службе, создавали соответствующие условия для творчества и они два года трудились во благо начальства, которые затем контейнерами отправляли продукцию на материк в виде презента еще более высокому начальству или себе домой, на свои дачи.

Свой родной БРУ солдаты второго взвода третьей роты в шутку называли Базой ракетных установок. Он был не просто бетонно-растворным узлом, а небольшим полноценным заводом железобетонных изделий. Там был арматурный цех, цех формовки и пропарки железобетонных изделий с мощными балочными кранами, котельная для выработки пара, маленькая электростанция. Солдаты, несшие здесь службу, вечно ходили припудренные, как мельники, только не мукой, а цементом.

КДС, на котором нес службу третий взвод третьей роты, раз в месяц занимался добычей кислорода и закачкой его в баллоны для нужд гарнизона. Процесс, связанный с производством кислорода, требовал практически стерильной чистоты. Не дай бог, если оборудование или обмундирование будет в масле, даже в виде следов. Тогда вспышка была обеспечена. Поэтому командование тщательно следило за чистотой на КДСе. Создавалось впечатление, что третий взвод, и так весь такой чистенький, только тем и занимается, что чистит перышки, в буквальном смысле этого слова, и наводит лоск на КДСе.

О том, что началась добыча кислорода оповещало громогласное бульканье огромного компрессора, которое день и ночь стояло над гарнизоном, пока шла компания. Сжатый до огромного давления воздух пропусклся через систему форсунок, при прохождении через каждую из которых воздух расширялся и охлаждался все сильнее и сильнее после каждой очередной форсунки, до жидкого состояния. Затем, используя разницу между температурами кипения жидких кислорода и азота, их разделяли. Азот отправлялся назад в атмосферу, а кислород закачивался в баллоны. Вот и вся премудрость.

Командиры – это, объединенные в одно слово разношерстный тип начальствующих единиц в Вооруженных силах. Их всех объединяет наличие на погонах звездочек, самых разных калибров. Но начальниками в армии могут быть не обязательно только военные, но и гражданские лица, занимающие соответствующие должности. Но и те и другие стоят над солдатами, командуют ими, полностью отвечают за них, а последние обязаны беспрекословно подчиняться им.

На самой низшей ступени в командирской иерархии стоят ефрейторы, сержанты и старшины. Обычно ефрейтор - это солдат, назначенный на должность командира

отделения или специалист, в подчинении которого могут находиться несколько рядовых солдат. У ефрейтора есть все перспективы продвинуться по службе и закончить его сержантом или старшиной на должностях замкомвзвода, взвода или старшины роты.

Но на сержантов обучают срочников и в специальных сержантских школах, где их нещадно муштруют в течении полугода. Еще не ясно, что легче пережить, эту сержантскую школу или ушанство. Зато после окончания этой школы любо дорого было смотреть на них на плацу: пятки вместе, носки врозь, выправка, грудь колесом, печатный шаг, зычный командирский голос, хоть сейчас на пост №1. Военные строители называли их строевыми сержантами, от слова строй. И на самом деле их роль в части заключалась только в том, чтобы построить взвод, роту на утренний развод части, возглавить парадный строевой марш взвода перед командиром части, приводить личный состав строем, без приключений, на место службы или возглавить дневальную службу. Их обычно назначали заместителями командиров взводов, командирами взводов или старшинами рот. Строевых сержантов никогда не отправляли на хозяйственные работы, начальство поддерживало их невысокий, но все-таки командирский статус.

Строевые сержанты держались особняком, не шибко смешивались с местными сержантами выдвиненцами, к которым они относились несколько свысока. Считали, что сержантские лычки надо заслужить потом и кровавыми мозолями на плацу. Их не касалась дедовщина, но сами они с дедами старались держать нейтралитет, всегда можно было нарваться на неприятности.

В таких случаях вдруг почему-то осмелевали вечно напуганные ушаны и в роте начинался бардак невиданного размаха. Конечно было понятно, что это происходило по негласной указке дедов и скорее всего против воли самих ушанов. Ведь в конце концов именно последним приходилось потом отвечать за этот саботаж. Или что еще хуже, могли устроить темную, что было не только очень больно, но и унижительно, ибо слава об этом в части разносилась мгновенно и только ленивый не показывал пальцем и не хихикал вслед. Практика показывала, что строевые сержанты, да и весь сержантский состав, в случае необходимости, всегда участвовал, с подачи дедов, в усмирении непокорных ушанов, если была необходимость использовать командирский ресурс.

Совершенно особая каста среди командиров – это прапорщики, которых и командирами то нельзя назвать. Короче говоря, это недокомандиры. Они уже не солдаты, но и офицерские погоны им тоже никогда не светят. К ним одинаково пренебрежительно относятся как солдаты, так и офицеры. Это тупиковая ветвь в карьере кадровых военных. Обычная их должность – это старшины рот, иногда командиры взводов, до самой пенсии. Любой другой нормальный срочник, мечтающий о карьере военного, честно оттрубит положенный срок и пойдет в военное училище, чтобы затем стать полноценным офицером, не без основания мечтающий о генеральских погонах. И только, в большинстве случаев, убогие в своих амбициях недомерки, страстно желающие отслужить меньше положенного на полгода, отправляются в школу прапорщиков, чтобы затем стать маленькими царьками, хотя бы над восемнадцатилетними солдатами.

Иногда в армии встречается такой пережиток прошлого, как офицер в звании младший лейтенант. В свое время практиковалась сверхсрочная служба, когда солдат добровольно оставался в армии, но получал за это зарплату, как сегодня это происходит с контрактниками. Такого сверхсрочника могли отправить на краткосрочные курсы, после успешного завершения которых ему присваивали офицерское звание младшего лейтенанта, навечно. Карьерный потолок такого офицера - командир роты. Выбравшим такую своеобразную военную карьеру был командир третьей роты младший лейтенант Васильчук.

Основной офицерский костяк армии составляют кадровые военные, выпускники военных училищ, изначально связавшие свою жизнь со службой в Вооруженных силах. По окончании училищ, они сразу получают звание лейтенанта, а особо отличившиеся становятся сразу старшими лейтенантами. Если в дальнейшем все шло благополучно, то

они получали, через четко отмеренное время, очередное звание, вплоть до майора, для моряков капитан третьего ранга, а после учебы в Военной академии и полковника, соответственно в морском эквиваленте капитан первого ранга, а дальше, как там бог положит.

Среди них были строевые офицеры, обычно командовавшие взводом, ротой, батальоном, полком и так далее, начальники штабов. Строевые офицеры на то и были строевыми, чтобы любить армейскую субординацию и дисциплину, рапорты и доклады, шагистику и чинопочитание. Создавалось ощущение, что у них и извилины в мозгах, в результате такого постоянного образа жизни, выстроились по ранжиру и совершают мыслительные движения только строем.

Но в армии были и офицеры, имевшие инженерную специализацию, вплоть до генеральских и адмиральских чинов, обычно закончивших военно-инженерные училища. Спецстрой – 700 сплошь состоял из них. Они входили в состав Северного Морского Флота, а посему носили форму военных моряков. Их мало заботила воинская дисциплина, чаще всего удовлетворялись вставанием солдат при их появлении. В отличие от строевых офицеров, они были интеллектуалами, широко эрудированными инженерами, круг их интересов был обширен и многие из них любили поговорить с солдатами о самых разных вещах, начиная с физики и заканчивая выставкой импрессионистов в Пушкинском музее Москвы. Их мозги не были утомлены бесконечными дежурствами в подразделениях с ежеминутными ожиданиями какого либо ЧП или очередных проверок.

К кадровым офицерам примыкали, именно примыкали, выпускники ВУЗов, получившие лейтенантские погоны на военной кафедре, за что те не очень-то признавали их за своих. Некоторым из бывших студентов не очень-то посчастливилось быть распределенными на два года в армию. Их отличала от кадровых офицеров расхлябанность, некоторая легкомысленность в отношении к жизни и демократичность во взаимоотношениях с солдатами. Видимо студенческое прошлое давало о себя знать. За редким исключением, никто из них дольше положенных двух лет не задерживался в армии.

С другой стороны, в этом офицерском сообществе существует разделение по горизонтали, между младшим офицерским составом, от лейтенанта до капитана, и старшим офицерским составом, от майора до полковника. Это было как бы два сословия. Так они группируются и в повседневной жизни, в соответствии не с количеством, а размером звездочек на погонах.

Командиры были очень разные. Были настоящие командиры, искренне заботившиеся о солдатах и радеющие за службу. Были командиры, которые заботились только о своей карьере, для которых солдаты были только инструментом к достижению цели. Были и такие экземпляры, что было не понятно, зачем они для самореализации выбрали армию.

Помимо всего, начальством для солдат были и некоторые гражданские вольнонаемные лица на определенных должностях. Например, все солдаты несшие службу в столовой должны были беспрекословно выполнять распоряжения гражданского заведующего столовой, на складе гражданского завсклада, на свинарнике то же самое.

Командиром части, в котором служил Мирон, был майор Казаков, морской офицер. Невысокого роста, с лицом человека, любившего закладывать за воротник. Он обожал утренние разводы части.

Когда начальник штаба давал команду:

- Часть ровняйся, смирно! – и отдавая честь, чеканил шаг к Казакову, тот, двигаясь ему навстречу, начинал от возбуждения на каждом шагу аж подпрыгивать, при этом чуть ли не как балерина вставать на кончики пальцев ног, правда в ботинках, а не в пуантах. При этом он, с изрядной долей изящества, вскидывал руку на честь и держал его, согнув в

кисти домиком, чуть ли не у переносицы. Затем, после длительного выступления перед солдатами на предмет проявления сознательности на службе, соблюдения строжайшей дисциплины и раздачи выговоров и суток гаупвахты, он давал команду на прохождение части парадным маршем. Вид его солдатешек, проходящих строем перед своим командиром, приводил его в неописуемый восторг.

Иногда, для полного счастья, Казаков давал команду на повторное прохождение, но уже со строевой песней. Но верхом наслаждения для него было после развода, быстренько, окольной дорогой доехать до Базового матросского клуба (БМК), где стоял самый северный в СССР и единственный в гарнизоне светофор, дожидаться следовавшую на службу колонну своей части. Рота за ротой по команде смирно проходила мимо него часть, а он стоял счастливый, вскинув руку и отдавая честь:

- Здравствуйте товарищи!

- Здравия желаем, товарищ майор – дружно отвечали ему солдаты.

- Благодарю за службу!

- Служим Советскому Союзу! – так же дружно отвечали ему солдаты.

Большинству солдат он только этим и запомнился.

Начальник штаба капитан Либровский был полной противоположностью своему командиру. Высокий, полноватый, в неимоверно больших хромовых сапогах, немногословный, он тащил на себе всю работу не только штаба, но и части. У него был тяжелый характер, солдаты откровенно побаивались его, старались не попадаться ему на глаза. Но у этого человека была забава. Он очень любил ловить одного конкретного солдата, лица кавказкой национальности на каком нибудь нарушении, вплоть до не застегнутого на крючок воротничка. И когда на утреннем разводе части называлась фамилия этого бедолаги, все знали, что начинается очередной спектакль:

- Рядовой Целколомидзе!

- Я.

- Выйти из строя!

- Есть.

Из строя выходил носитель этой грозной, для девственниц, фамилии, маленький худющий грузин с огромным крючковатым носом. Скорее всего, на его родине в горах Кавказа, эта фамилия была глубоко уважаема всеми его соплеменниками и имела совсем другой смысл, чем воспринимался на слух русским человеком, но здесь она стала предметом неиссякаемых шуток со стороны сослуживцев и некоторых командиров. Целколомидзе, в очередной раз, обреченно выслушивал спич про свои прегрешения. Его фамилия, как бы невзначай, склонялась через слово в речи начштаба Либровского, что каждый раз вызывала гомерический смех среди солдат, обычно недопустимый в других случаях на разводе. Заканчивалось все это банальным выговором. Возвращение в строй рядового Целколомидзе сопровождалось дружеским похлопыванием его по спине товарищами и веселое настроение на весь день было обеспечено всем участвовавшим в этом спектакле.

В политработники в Советской армии шли или действительно идейные люди, которые видели свое предназначение в воспитании преданных коммунистическим идеалам бойцов, или партийные карьеристы от армии.

Капитан Павлов, несомненно, относился к первым. Это был высокий, стройный офицер, с тонкими аристократичными чертами лица, но в тоже время вполне мужественными. Он тоже был морским офицером, поэтому, не без изрядной доли изящества, носил морскую форму. В любую стужу, в отличие от других офицеров, на нем всегда была черная суконная морская шинель, более уместная для Севастополя, откуда он был родом, а не спецпошив. Держал марку. Солдаты уважали его и было за что. Он был к ним справедлив, не стеснялся заступаться за них, старался продвигать по службе действительно толковых ребят. Но если кто-то подводил его, то на разводе ставил провинившегося перед всей частью и после перечисления всех прегрешений бедолаги, с

нажимом произносил свою любимую фразу, которую опасались услышать в свой адрес все, без исключения, солдаты:

- Я тебя породил, я тебя и убью.

Конечно, после этого он никого физически не убивал, но наказание, в рамках Устава, всегда было неотвратимым. Хуже всего было то, что вернуть расположение замполита потом было почти невозможно.

Командиром третьей роты был тот самый младший лейтенант Васильчук. В этот год ему светила пенсия, исполнялось сорок лет. Солдаты в сторонке, за глаза, посмеивались над его украинским говором, над его ограниченным словарным запасом. Чего можно было ожидать от человека с неполным средним образованием из украинского хутора, который за сорок лет, кроме казармы, солдат и моря во время отпуска, ничего в жизни больше не видел. Но свои командирские обязанности он выполнял достойно, о солдатах заботился не из под палки.

Замполитом в третью роту в этом году был назначен новоиспеченный лейтенант Василий Годулянт, молодой, амбициозный офицер с непомерно развитым эго.

Старшина третьей роты прапорщик Войтович был земляком командира роты Васильчука. Говорил он тоже с неподражаемым украинским акцентом. В смысле интеллекта он не то, чтобы далеко ушел от своего командира, скорее далеко не добежал до его уровня.

Начало службы. Письма и бандероли.

Итак, для призывников весны этого года настала пора включиться в повседневную рутину армейской жизни. В мае месяце снег, казавшийся вечным, стал таять с невероятной быстротой, везде образовались огромные лужи, наполняемые бурными потоками талой воды. Этому способствовала яркое северное солнце, которое практически не исчезало с небосклона. Близился полярный день длиною, без малого, три месяца, который наступает с девятого мая и заканчивается пятого августа. У всех старослужащих забрали спецпошивы и выдали зеленые бушлаты.

Утром несколько кругов бегом по плацу, умывание, заправка постелей, завтрак, развод, парадный марш по плацу и строем на службу по дороге, выложенной аэродромными плитами, в два с половиной километра длиной в один конец. В обед строем назад в часть, после обеда опять строем назад на службу. Вечером строем назад в часть.

Итого десять километров в день. В неделе пять рабочих дней. В году пятьдесят две недели. Итого 5250 километров в любую погоду за два года службы. Это расстояние от Москвы до Хабаровска. Это притом, что часть была автомобильной и занималась, в том числе, перевозками людей, обитавших в гарнизоне, но только не своих солдат. Видимо командование считало, что чем сильнее устают солдаты, тем меньше будет времени у них на глупости.

После ужина подшивание подворотничков, чистка сапог, просмотр программы «Время», вечерняя поверка и отбой. Да, для ушанов непременно в обед и после ужина уборка казармы, а перед отбоем батрачество на дедов. И так изо дня в день.

Одним из светлых моментов в солдатской жизни были письма от родных, друзей, девушек и жен. Обычно письма приносил из штаба в роту, после ужина, ктонибудь из сержантов или старший среди дневальных. Он вставал с письмами посреди коридора казармы, его мгновенно окружали все присутствующие в это время в роте. Сержант выкрикивал фамилию счастливчика и вручал ему письмо, который с глупой улыбкой на лице удалялся в какойнибудь скромный уголок, где долго вчитывался в долгожданные

строки. Письма у сержанта быстро заканчивались и немного погрузневшее большинство, не получившее письма, разбредалось по казарме.

Помимо писем солдатам разрешалось присылать бандероли, но весом не больше одного килограмма. Ну чего такого существенного можно было впихнуть отправителям, чаще всего матерям, в этот килограмм? Пару носочков, пару пачек сигарет, немножко конфеток, а все остальное обычно было соленым салом. Бандероли приносил в роту уже прапорщик или офицер. Он вызывал получателя бандероли в канцелярию и заставлял вскрывать его при нем, проверяя на наличие спиртного или еще чего-то криминального. На этом официальная часть заканчивалась.

Если получателем был старослужащий, то он забирал свалившееся на него богатство и шел вместе со своими друзьями пировать. Если это был ушан, то в канцелярии ему позволялось рассовать по карманам все, что туда могло влезть. Когда ушан, с остатками бандероли в руках, выходил из канцелярии, на него, как коршуны, налетали самые наглые молодые и старики, вырывали у него из рук все, за что можно было уцепиться и уносили эти остатки в качестве трофеев. Такова была участь ушанов.

Друзья обладателя сала немедленно отправлялись в столовую за черным хлебом и чесноком. А в это время сам хозяин сала нарезал его тонюсенькими пластинами. Предаваясь воспоминаниям о том, какое сало было у каждого дома на гражданке, гурманы старались, как можно дольше продлить смакование давно забытого яства.

Дима Персик тоже, время от времени, получал бандероли. Его номенклатурные родители присылали ему невиданную по тем временам, для большинства ребят с периферии, брауншвейговскую сыровяленную колбасу. Из натурального мяса, с крупными вкраплениями сала и твердая, как каблук солдатского кирзового сапога, она была необычайно вкусной, особенно с черным хлебом. А Мирону с Сахалина в бандеролях присылали, экзотическую для этих мест, вкусную вяленную кету. Так что Диме с Мироном было чем попотчевать друг друга.

Строительство котельной.

Мирона назначили командиром одного из отделений третьей роты, которое было сформировано для ликвидации брака в строительстве нового здания гарнизонной котельной. Руководивший строительством этого объекта майор из Спецстроя, в ходе строительства не связал арматурой в единое целое основание этой будущей котельной, огромную, толщиной в полметра, монолитную бетонную плиту с несколькими десятками бетонных свай, вмурованных в вечную мерзлоту, на которые она опиралась. И потому эта плита стала жить своей жизнью, гуляла, как хотела под воздействием температурного перепада. А обнаружилось это, когда кирпичные стены будущей котельной, в восемь метров высотой, возведенные на этой плите треснули в нескольких местах.

Теперь, над предполагаемыми местами нахождения каждой сваи, надо было продолбить в бетонной плите отверстия, почти метр на метр, найти сваи, связать их арматурой с плитой и залить эти отверстия снова бетоном.

Для этого подогнали два компрессора, подсоединили к ним шесть отбойных молотков и начался коллективный онанизм. Приказали работать на каждом отбойнике по двое, заменяя друг друга, чтобы молотки не простаивали. Если в какой то момент отбойники переставали трещать, прибежал тот самый майор, доселе сидевший в вагончике, где тихонько переживал свою оплошность и начинал подгонять солдат. Бетон был очень крепкий, когда заливали плиту, цемента не пожалели.

Пика отбойника скакала по плите, практически не нанося ему ущерба, а руки гудели так, что казалось они без участия молотка продолжают издавать треск. Вечером, во время ужина, ложка никак не хотела держаться в руке, а кружку, не расплескав содержимого, невозможно было поднести ко рту.

Каждый день на площадку наведывалось самое высокое начальство, вплоть до вице адмирала, и каждый, не стесняясь присутствия солдат, начинал крыть трехэтажным матом бедного майора, настолько сильно он им подкузьмил.

К концу первой недели как-то все устаканилось. Вместо тупого, безрезультатного долбления, с опытом пришло умение находить нужные точки приложения ударной энергии отбойника к плите, в результате чего бетон как бы сам разрушался под воздействием инструмента, а руки стали более или менее послушными и по ночам уже не тряслись во время сна. Только надолго оставалась проблема с вдеванием нитки в ушко иголки при подшивании подворотничка.

Здесь, на котельной, МIRON познакомился с дембелем из соседней части по фамилии Самодуров, из Тамбова. Это был здоровяк еще тот, с характерным для боксера знаком на лице, кривым сломанным носом. Он действительно до армии занимался боксом, был даже кандидатом в мастера спорта. Самодуров сразу проникся уважением к МИРОНУ, слава бунтаря дошла и до соседней части, интересовался карате и время от времени делился с МИРОНОМ воспоминаниями о своей прошедшей службе.

Оказалось, что в предыдущие годы в его часть призывали ребят, большинство из которых имело уголовное прошлое. Эти ребятки устроили в части что-то вроде зоны, со всеми вытекающими отсюда выводами. Затем, когда они стали дедами, кому-то из командования пришло в голову призвать туда новобранцев из республик Прибалтики. Эти ребята были априори виноваты перед уголовными дедами тем, что были просто новобранцами, а потому гонимы и унижаемы, да к тому же с элементами неписанных законов зоны. Но прибалты оказались виноваты вдвойне перед этими дедами, в силу своей национальной принадлежности. Было в порядке вещей, когда над ними изошренно измывались со словами:

- Ну что фашист, Родину не любишь? Сейчас мы тебя научим!

А потом пришло время, когда эти прибалты, донельзя озлобленные всем этим, сами стали дедами. К несчастью, дедами стали они для этого самого Самодурова. По существу, они ничего другого не стали придумывать, а просто использовали весь богатый опыт своих мучителей. Самодуров и другие ушаны просто боялись по вечерам возвращаться в роту, на ежевечернюю экзекуцию. Офицеры по выходным дням старались не появляться в казарме, где прибалты в открытую устраивали застолья со своеобразными развлечениями. Особо изошрялся один из литовцев, который был мастером спорта по боксу, но в более тяжелой весовой категории, чем Самодуров. Ему приносило особое удовольствие боксаться с русским боксером, раз за разом отправляя его в нокаут, а потом откачивал и приводил Самодурова обратно в чувство, чтобы затем снова отправить его в нокаут. И так до тех пор, пока не надоест. А тот самый нос у Самодурова был сломан не в спортивных баталиях, а этим литовцем.

А потом Самодуров сам стал дедом и только можно было догадываться, каким дедом, так как на этот счет он не любил распространяться. Только вот командование уволило его на месяц позже других.

Однажды, в конце рабочего дня, отделение МИРОНА обратило внимание на двух дедов из родной роты, которые направлялись в их сторону со стороны ДОКа и о чем-то горячо спорили. Это были Рики и белокрысы Саша, служившие на ДОКе. Когда они подошли совсем близко, то стало слышно, как Рики с насмешкой выпалил:

- Тебе это слабо. Не только ты, никто не сможет этого сделать.

Саша выделялся в роте своим гонористым характером, был хвастлив. В ответ он выпалил:

- Слабо? На что спорим?

- Давай на недельную пайку масла.

- На это я и разговаривать не буду. Давай на месячную пайку.

Рики задумался, цена спора показалась ему немалой, но все таки решился:

- Ладно, давай.

Тогда Саша, сбросив бушлат, полез на башенный кран, ранее установленный для строительства котельной. Ушаны с любопытством взирали на происходящее, каждый думал про себя, что за месячную порцию масла любой из них полез бы на кран. Но каково же было их удивление, когда верхолаз, добравшись до кабины крана на высоту, сравнимую с высотой восьмизэтажного дома, перебрался через ограждение и полез дальше по стреле этого крана, конец которого был задран практически вертикально вверх еще на такую же высоту. Когда он добрался почти до конца стрелы, Рики не выдержал и со страхом в голосе стал кричать Саше, казавшийся стоящим внизу какой то маленькой букашкой на конце гигантской иглы:

- Все, ты выиграл, сдаюсь! Давай слезай! Слезай!

Оказалось, что Саша самонадеянно утверждал, что он может запросто забраться до конца стрелы крана и спуститься вниз по тросу до крюка, затем по стропам, свисающим с крюка на землю. Рики считал, что никто этого не сможет сделать. И они поспорили.

Сашу долго уговаривать не пришлось. На самом деле ему было очень страшно и он безумно обрадовался словам Рики. На такой высоте ветер оказался неожиданно сильным, неприятно завывал в стальных фермах стрелы крана и как ветку дерева раскачивал его из стороны в сторону. Руки окоченели от холодного металла, а спуститься по стальному тросу, обмазанному липкой смазкой с высоты пятнадцатого этажа, он уж точно не смог бы. Даже обратный путь назад по стреле оказался намного труднее, чем подъем. Рики и ушаны с замиранием сердца следили за медленным спуском Саши, моля бога, чтобы тот не сорвался. Когда Саша все же оказался на земле, он хотя и хорохорился, но выглядел бледным и далеко не героем. Страху он натерпелся полные штаны, но зато потом, целый месяц, двойная порция масла грела ему душу.

Как-то раз Мирон обратил внимание на странную вещь. Если чистота лиц солдат его отделения не вызывала сомнений, то шеи, уши и предплечья у всех были грязными, как у трубочистов. Ну ладно, один, ну в крайнем случае два солдата, но не поголовно же все двенадцать человек из его отделения могли быть такими грязнулями, все таки призывались они из Москвы, а не из Архангельской тьмутаракани.

Пришлось учинить допрос. Оказалось, что привести себя в порядок ушанам можно было только во время утреннего умывания. Но так как в умывалке было только тридцать кранов на всю роту и при этом основную их часть обычно оккупировали старослужащие, то хорошо, если ушанам удавалось пару раз пройтись зубной щеткой по зубам и брызнуть воду на лицо. А в обед или после ужина появление ушана в умывалке с полотенцем, а не с половой тряпкой в руках, считалось вызовом для старослужащих. И такая ситуация с гигиеной была со всеми ушанами в части. Что же там у них происходило с ногами, даже страшно было подумать.

Вечером, после ужина, вся рота наблюдала следующую картину: Мирон построил свое отделение посреди казармы. Одно это уже вызвало изумление у сослуживцев, так как без приказа командования даже сержанты не позволяли себе подобные вещи. В командира надумал поиграть, решили они. Мирон скомандовал отделению взять туалетные принадлежности и строем повел его в умывалку.

- Мужики, в вашем распоряжении двадцать минут, чтобы привести себя в порядок – громко, на всю казарму объявил Мирон. В гробовой тишине был слышен только звук падающих капель воды из сломанного крана. Ушаны застыли от неожиданности. Старослужащие молчали, как рыбы.

- Если через двадцать минут я обнаружу у когонибудь грязные шею, руки или ноги, тот получит наряд вне очереди – продолжил Мирон, чтобы расшевелить подчиненных.

Те, несколько придя в себя, обрадованные бросились к кранам. И эта процедура, которую по вечерам с нетерпением ждало все отделение, повторялась каждый день.

Вскоре отделение пополнили еще новобранцами и перешли на круглосуточную, в две смены, работу на котельной, чтобы полностью использовать все двадцать четыре часа светлого времени летних полярных суток.

Среди солдат в отделении были и сачки. При любом удобном случае, во время работы, они старались гденибудь незаметно спрятаться или, как было принято здесь говорить, шхериться и поспать. Шхерся – стало любимым и привычным их словом. Настолько привычным, что однажды произошел весьма курьезный случай.

Ночная смена улеглась спать. В роте, кроме дневальных, никого не было. И вдруг, в полной тишине, раздался громкий скрип кровати, это один сачков с ночной смены резко приподнялся на руках и вперившись глазами в никуда, со второго яруса громко крикнул на всю роту:

- Шхерся! – и опять упал на кровать.

Ничего не понимающий дневальный, с перепугу подбежал к нему со словами:

- Зачем шхериться? – и обнаружил крепко спящего солдата. Быстро растормошив его, дневальный еще раз спросил у него:

- Зачем шхериться то?

Ничего не соображающий со сна солдат в ответ с возмущением выдал:

- Ты зачем меня разбудил? Я всю ночь пахал, не спал, а ты тут: зачем шхериться, зачем шхериться. А почему я знаю, зачем шхериться. Иди ты к черту и не мешай мне спать – и опять, уткнувшись головой в подушку, мгновенно заснул.

Как потом вечером, когда ночная смена проснулась, выяснилось, солдат ничего не помнил об утреннем инциденте. Это ему наверное во сне привиделось, что нужно в очередной раз шхериться.

Первая встреча с белым медведем.

В конце первой недели службы состоялось первое знакомство с белым медведем.

В субботу, после завтрака, по расписанию было политзанятие в Красном уголке. Вел его замполит роты лейтенант Годулянт. Когда в очередной раз он диктовал бессмертную цитату вождя всех пролетариев Ленина, а все старательно ее записывали в тетрадки, распахнулась дверь и вбежавший дневальный возбужденно крикнул:

- Белый медведь появился в части!

В отличие от старослужащих, новобранцев как ветром сдуло, чуть не затоптали маленького замполита. Человек сорок, одетые только в хэбэшку, дав друг друга в едином порыве бросились ко входной двери и затем толпой побежали по морозному воздуху в сторону плаца. Передние, выбежав на плац, побежали дальше к мелькавшим вдали в просвете между столовой и второй ротой людям. Мирон, бежавший одним из последних, увидел, что передняя часть бегущей толпы, забежав за столовую, начинает резко, не замедляя бега, заворачивать налево.

- Ага, вон где гуляет медведь – подумал он и тоже выбежал за столовую.

И тут, к своему ужасу, Мирон увидел бегущего на него огромного белого медведя и остановился как вкопанный. Оказалось, самые первые, выбежав из-за столовой, в тридцати метрах от себя наткнулись на этого медведя и поэтому резко повернули налево, убегая от него. А у медведя вид убегающих людей вызвал, как у собаки, инстинктивную

реакцию обязательно догнать убегающего и он погнался за ними. Бег его напоминал скорее плавные и легкие прыжки одновременно со всех четырех лап, причем он выполнял их очень грациозно и бесшумно, только раздавался шорох снега из под его лап в момент очередного прыжка..

Потом водители из первой роты рассказывали, что они на УРАЛах, иногда для забавы, гоняли встречавшихся им на дорогах белых медведей на скорости около пятидесяти километров в час.

Медведь приближался невероятно быстро. Мгновенно развернувшись, Мирон увидел бегущего на него Толика Говорка, который несколько отстал от всех и теперь, ничего не подозревая, пытался наверстать упущенное. Толик резко затормозил перед Мироном, который в это время пытался бежать обратно, слыша краем уха очередной шорох бегущего на него медведя. Вдруг оказалось, что снег стал глубоким и сапоги практически без толку месят его, а Толик никак не может сообразить, что надо спасаться и не торчать истуканом, перегораживая дорогу к отступлению. Уже ничего не соображая, Мирон, слыша очередной шорох снега под лапами медведя, резко толкнул Толика, отчего тот упал, наступил на него и обрета более или менее твердую точку опоры, оттолкнулся и побежал без оглядки. Спинным мозгом ощущая близость опасности, Мирон бежал что есть сил, в каждое мгновение ожидая удара по спине медвежьей лапой. Но его не было, как и не было слышно шума преследования. На бегу, с опаской оглянувшись, он увидел лежащего неподвижно на снегу Толика и больше никого. Мирон остановился согнувшись и упершись руками в колени, его начал душить кашель, в висках стучало, ноги подгибались.

- Толик извини, но ты тормоз, из за тебя чуть было в лапы медведю не угодили. Где он? – заходясь кашлем, выдавил из себя Мирон сидевшему на снегу Толику, который в это время отряхивал с ушей и бровей снег.

- Н-н-н-е-е 3-3-зна-а-ю – заикаясь больше чем обычно, ответил находящийся в шоке Толик.

Оказывается, он как увидел медведя, так закрыл глаза и ткнулся головой в снег, решив притвориться мертвым. По рассказам его знакомых охотников, так делали они у него на родине, в Западной Сибири, при встрече с бурым медведем.

На самом деле это был не медведь, а была медведица, которая пришла с двумя медвежатами на помойку части в поисках еды. Оказывается, белые медведи любят покопаться в помойках.

Когда медведица почти добежала до Мирона с Толиком, в это время собаки, которых держали в части для этих случаев, налетели на медвежат, поэтому медведица вынуждена была повернуть назад, чтобы отогнать их от своих лончаков.

С опаской выглянув из за угла столовой, Мирон с Толей увидели своих сослуживцев, стоявших на краю обрыва, обрамляющий крутой берег залива, подступающий к расположению части. Ниже по склону обрыва сидела на заднице медведица, к которой жались медвежата, а вокруг них прыгали и бесились, заходясь в лае, собаки, спасители.

Медведица время от времени открывала свою пасть, обнажая огромные клыки и фиолетовый язык, как у чау-чау, и с хриплым шипением бросалась на собак, пытаясь подцепить кого-либо из них десятисантиметровыми когтями своей здоровенной лохматой лапы. При этом обнаруживалась смешная особенность окраса медведицы. Вся шерсть на ней была почти кипельно белая, а задница было желтого цвета. А еще на голове выделялись черные пятна маленьких глаз и носа.

Тут же, неподалеку, стоял капитан из соседней части ПВО, с карабином Симонова. Когда медведица, не обращая внимания на собак, пошла в сторону людей, капитан передернул затвор карабина, прицелился и выстрелил перед мордой медведицы. Не обращая внимания на фонтанчик снега, поднявшийся перед ее носом, повернув голову на звук выстрела, медведица побежала на капитана, который стал пятиться, лихорадочно целясь уже в саму медведицу. Неизвестно, чем бы это все закончилось, если бы собаки

снова не налетели на медвежат и медведица была вынуждена снова повернуть назад, выручать их.

А в это время замполит Годулянт по полной программе вставлял чоп возмутительно спокойствия, дневальному, который от перевозбуждения не дослушал до конца сообщения штаба по селектору, которое звучало так:

- Объявить всем, что в расположении части появился белый медведь - на этом месте дневальный бросился в Красный уголок выполнять приказ из штаба, а дальше из штаба продолжили уже ни для кого:

- Никому, до особого распоряжения штаба, не покидать казарму.

В результате получилось все наоборот. Впоследствии за этот марш бросок перепало от начальства и самому Годулянту.

После разборки с дневальным, замполит облачился в шинель и пошел собирать своих подопечных, которые искренне не могли понять, почему им не разрешают посмотреть на медведицу, ведь это так интересно, доводя этим лейтенанта до состояния кипения.

А вопрос с медведицей решился чуть позже, когда примчался на гусеничном транспортере среднем (ГТС) толстый прапорщик Филин, в части служил еще один прапорщик Филин, но худой. Он достаточно далеко отогнал от расположения части в тундру это грозное животное с медвежатами, под лай собак наезжая на нее ГТСом, рыча двигателем и гремя гусеницами. При этом медведица несколько раз бросалась на ГТС, пытаясь разбить лобовое стекло и достать оттуда это назойливое двуногое существо, чтобы растерзать его. Но Филин, гроза белых медведей, был опытный медвежий гаучо, каждый раз четко парировал ее броски, своевременно включая задний ход.

На следующий день, в воскресенье после обеда, состоялся очередной культпоход в клуб на просмотр фильма. И здесь к персоне Мирона опять проявили внимание, но на этот раз на очень высоком уровне. Начальник штаба капитан Либровский лично разыскал Мирона и повел в комнату зав клуба.

- Товарищ капитан первого ранга, вот он гроза старослужащих – представил он Мирона пожилому офицеру в богатой морской форме. Козырек фуражки у него был обрамлен золотистыми металлическими веточками, кокарда была вышита из такого же цвета нитками, как и звезды на погонах. Это был Начальник политотдела Спецстроя – 700 капитан первого ранга Мелешко.

Недоверчиво посмотрев на невзрачного очкарика, он поинтересовался биографическими данными Мирона и затем повернулся к Либровскому:

- А чего они его так испугались? – он имел в виду дедов.

Начальник штаба поднял правую руку с раскрытой ладонью, затем по очереди согнул первые две фаланги пальцев кисти рук и, показав на суставы второй фаланги пальцев, авторитетно заявил:

- Вот этим он так ударил, что старослужащий Пухов, который на полторы головы выше него, отключился мгновенно. Ему разбило скулу до кости, пришлось зашивать. Хватило одного раза.

Кап раз с удивлением, а затем с уважением уставился на эту руку, Он впервые увидел столь изощренный способ нанесения удара.

С не меньшим удивлением взирал на эту руку и МIRON. Неужели он так бил? А если бил, то почему же остались целыми пальцы и суставы его руки?

- Так и было? – спросил кап раз Мирона.

И пока МIRON находился в замешательстве, капитан Либровский многозначительно кивнув, мол солдат не хочет раскрывать всех секретов карате, подтвердил убежденно:

- Так, так.

Так состоялась первая и к сожалению не последняя встреча с главным партийным идеологом Спецстроя.

Таланты весеннего призыва.

В первое время, сразу после распределения новобранцев по ротам, деды стали искать среди них интересных для них ушанов.

Женя Шинкарев до армии пел и играл на гитаре на танцах. Потому деды сразу освободили его от ушанских повинностей и он каждый день до хрипоты пел в курилке, лаская слух дедов. Шинкарев был великолепен, делал он это замечательно и деды настолько его ценили, что в какой то момент Женя возомнил себя равным среди равных. Ведь он и прежде на гражданке был любимцем публики, особенно молоденьких девочек, рассказы о похождениях с которыми тоже пользовались неизменным успехом у дедов. Такое положение дел не очень устраивало старика Олега Яшкина. Как-то раз, когда наступила пауза в бесконечном Шинкаревском попурри, зайдя в курилку он скомандовал:

- А ну, сбай-ка ты и мне песенку.

- Да что-то устал я, целый вечер уже пою – ответил потерявший бдительность Шинкарев и сразу же получил увесистую оплеуху от Яшкина.

- Я сказал, пой – с угрозой повторил старик.

Не ожидавший такого обращения, Шинкарев растерянно оглянулся на дедов.

Один из них, вняв молчаливой мольбе артиста, с недоумением спросил Яшкина:

- Ты что, оборзел старик? Мы здесь сидим, отдыхаем, а ты выпендриваешься!

- Я не выпендриваюсь. Вы деды, я старик и я Вас уважаю. Но если он сейчас не поет для Вас, дедов, то тогда я имею право потребовать, чтобы он пел для меня, старика. Ведь ушан он и в Африке ушан. А если он не хочет петь, то пусть идет мыть полы, как все ушаны.

Что-либо возразить против такого довода дедам было сложно. И пришлось Шинкареву, с пылающей багровым цветом щекой, исполнять очередной шлягер. Он сделал выбор - лучше роль крепостного музыканта, чем участь штатного шныря.

Среди последнего призыва был еще один гитарист-вокалист, московский дворовый бард по фамилии Мухин. Он был тертый и гордый калач, наученный в свое время жизни междворовыми разборками. Поэтому появлялся публике редко, только по требованию дедов, старался не засиживаться подолгу в курилке, предпочитал гордо ушанствовать с тряпкой в руках.

Кроме двух людей искусства обнаружился, к своему несчастью, портной-закройщик Кузенков. Признание в умении держать в руках ножницы и иголку принесло ему только проблемы. Он был настоящей находкой для дедов, которые в скором времени готовились отправиться на дембель. Практически каждый из них хотел подогнать дембельскую форму по своей фигуре. А так же перешить под себя цивильный костюм, с таким трудом приобретенный через гражданских знакомых в гарнизонном универмаге. Работы было выше крыши и когда все ушаны уже спали, то наша армейская белошвейка еще долго кроила и шила после отбоя по ночам. Да и офицеры не брезговали пользоваться его услугами.

Если деды оккупировали курилку и проводили там свой досуг под гитарные переливы, то старики развлекались тем, что заставляли какого нибудь ушана рассказывать им о житее бытие на гражданке, о развлечениях, дискотеках и конечно о девушках. А так как все старики были из периферии, то больше других их интересовала столичная жизнь, откуда было большинство нынешних ушанов. Они с нескрываемым интересом слушали

рассказы москвичей о метро, ГУМе и ЦУМе, о музеях, кинотеатрах и театрах, о шикарных москвичках и ночных прогулках с ними. Обычно этим все и ограничивалось.

Но среди стариков нашлись несколько уродов, которые проявляли нездоровый интерес исключительно к личной стороне жизни какого нибудь ушана и если тот признавался, что на гражданке у него осталась девушка, то требовали от него полного отчета по истории его романа с ней. Где и как познакомились, как выглядит и какие у нее прелести, что она позволяла и как целовались.

А если ушан признавался, что успел пожить со своей девушкой до армии, то ему очень трудно было сохранить в тайне нюансы этой интимной стороны своей жизни. Устроившись где нибудь в дальнем уголке казармы вместе с этим ушаном, старики всеми способами старались выведать у него все, до мельчайших подробностей. Одни ушаны рассказывали об этом сами, не без определенной доли бравяды, другие вынуждены были делать это под нажимом, доходящим до рукоприкладства. Самые непристойные или романтические моменты повествования смаковались под мерзкое и сладострастное хихиканье стариков снова и снова. Особым успехом у них пользовались истории, связанные с дефлорацией, о которой старики выпытывали от ушана все новые и новые подробности. А потом ночью, из разных концов казармы, время от времени доносился скрип кроватей, раскачивающихся под забывшимися в сексуальном экстазе онанирующими стариками.

Служба на БРУ. Сгущенка.

Работы на строящейся котельной успешно продвигались вперед. Настало время устанавливать те самые арматурные конструкции, которые должны были устранить подвижность бетонного основания. Отделение на УРАЛе отправилось на БРУ за арматурой. Но заехать в цех для их погрузки не получилось. Там стоял другой УРАЛ, на который уже два часа не могли загрузить бетонную сваю. Поднять то подняли его кран-балкой, а опустить в кузов автомобиля не получалось, сломался этот самый кран. В цеху собрался маленький консилиум: солдат новобранец – местный электрик, капитан – начальник БРУ и майор по фамилии Капканарь – начальник Отдела главного механика (ОГМ) Спецстроя – 700. Электрик никак не мог объяснить, почему кран может поднимать, но не хочет опускать. Капканарь, не церемонясь, высказывался по поводу профессионализма начальника БРУ и его подчиненного, электрика рядового Томашевского. В свою очередь начальник БРУ пытал электрика, но тот только разводил руками. Он только здесь, в армии, впервые в жизни увидел эту кран-балку. До армии он менял только лампочки в подъездах, работая после окончания школы учеником электрика в ЖЭКе. Пауза затянулась. Тогда Мирон попросил разрешения посмотреть на кран-балку.

- А ты что, соображаешь в этом что нибудь? – с недоверием посмотрел на него начальник ОГМ.

- Я до армии работал электриком, думаю, здесь нет ничего сложного. Если проблема в электрической части, то разберемся. Если дело в механизме, то нужен будет слесарь, чтобы заменить там шестеренки или подшипники.

- Ну что ж, посмотри – дал разрешение майор.

Поставив стремянку в кузов УРАЛа, стоявшего под кран-балкой, Мирон забрался на него и открыл сбоку крышку у тельфера. Под крышкой находились четыре электромагнитных контактора. Взяв у электрика отвертку, он через отверстие в первом контакторе нажал на стальной сердечник. Тельфер поехал по балке в правую сторону. Воздействие на другой контактор вызвало движение в другую сторону. Нажатие на сердечник третьего контактора привело к подъему сваи вверх, а четвертый контактор начал отпускать его вниз. Но при этом три первые операции выполнялись и с пульта, а четвертая нет. Прозвонка контрольной лампой показала, что окислился контакт на четвертом контакторе. Быстренько открутив от него провод, Мирон отрезал окисленный

конец и снова прикрутил его на место, предварительно зачистив и провод и контакт. И кран-балка заработала.

Быстро загрузили все сваи и стали загружать арматуру. А в это время на БРУ появился майор с котельной, обеспокоенный столь долгим отсутствием своих подчиненных. Он стал подгонять солдат и когда все погрузили, дал команду всем ехать обратно на объект. Но в ситуацию вмешался майор Капканарь, которого все это время о чем-то настойчиво просил начальник БРУ.

- Так, он остается здесь, я забираю его у тебя – сказал он майору с котельной, показывая на Мирона.

Майор попытался возражать, но Капканарь отрезал:

- Долбить бетон отбойником может каждый, а он специалист. Он нужен здесь. Я решу вопрос по поводу его перевода через начальника Спецстроя.

Так закончилось недолгое командование отделением и состоялся переход Мирона старшим электриком на БРУ.

Электрическое хозяйство на БРУ было в полном запустении. Солдаты не могли проходить мимо центрального электрического распределительного щита БРУ без опаски. На проржавевший до дыр металлический короб этого щита попадала вода, обильно капавшая с потолка, где она собиралась в виде конденсата. В результате электричество утекало по мокрой стене на бетонный пол. И если кто-то проходил мимо щита, то в результате образования шагового напряжения, из-за разницы потенциала между двумя точками контакта ног с полом, часть тока начинала протекать по ногам через пах этого несчастного. По чистой случайности, до сих пор еще никого не убило, но эффект, для испытавших эту гестаповскую пытку, был жуткий. Ноги сводило судорогой, казалось, что яйца начинают звенеть и между ними проскакивают искры, как при замыкании электрических проводов, а сам член кто-то сжимает железными тисками и нещадно трясет. У пораженного шаговым напряжением создавалось полноценное ощущение превращения его в стопроцентного импотента.

К тому же распределительный щит нельзя было отключить, отвалился проржавевший рычаг рубильника, так что случись чтонибудь на БРУ, все могло сгореть синим пламенем или убить кого-нибудь током.

Второе, что было явно на виду, то это искрение между металлической крышкой пропарочной камеры и крюками строп кран-балки. Если солдат, цеплявший стропами крышку, не успевал заблаговременно выпустить их из рук до включения кран-балки, иногда деды для развлечения нажимали на пульт нарочно раньше времени, то его било током и он с истошным криком бросал стропы, отскакивая как очумелый, что каждый раз вызывало бурное веселье у всех свидетелей. Но когда что-нибудь это могло плохо кончиться.

А шестнадцатикилловатный двигатель главного ленточного конвейера, наполнявший бункера дозаторов песком и щебнем, включали заклиниванием деревянной палкой здорового электромагнитного контактора, без предварительной подачи предупредительного сигнала. Трос аварийного отключения транспортера, протянутый вдоль него на все семьдесят метров, просто не работал. Так что при нештатной ситуации, если например кого-то ненароком цепляло и затягивало в мясорубку механизма транспортера, быстро остановить его не представлялось возможным. Для этого надо было бежать семьдесят метров вверх и выдергивать палку из контактора.

Вероятно по этой причине, весной этого года, погиб мальчик из гарнизонного поселка, решивший поиграть на песочке у БРУ. Когда без предупреждения включился конвейер, то его вместе с песком затянуло в колодец, через который песок попадал на ленту транспортера. Он там застрял и был погребен под многометровым слоем песка. В пропаже мальчика подозревали белого медведя, разгуливавшего в это время в

окрестностях гарнизона. А обнаружили его совершенно случайно, выясняя, почему так плохо стал сыпаться песок из колодца на транспортер.

Также полностью не работала автоматика по дистанционному управлению процессом производства бетона. Оператору приходилось вручную управлять заслонками дозаторов для изготовления бетона различных марок.

Этот бардак существовал из-за того, что персонал БРУ состоял из временщиков, как солдат, так и его начальника, которые менялись здесь очень часто. Поэтому никто не утруждал себя заботой о поддержании оборудования в исправном состоянии. Главное выдать продукцию, а каким способом это будет сделано, мало кого волновало. А вопрос: в каком состоянии перейдет производство преемнику, никому даже в голову не приходил.

Два месяца пришлось Мирону, с бывшим ЖЭКовским электриком, изучать всю электрику БРУ, выбивать через Капканаря необходимое оборудование и запчасти со спецстроевского склада и ремонтировать, ремонтировать и еще раз ремонтировать. Когда все заработало как надо, Капканарь, не веря своим глазам, задумчиво сказал:

- Думаю, что все это работало как надо, как сейчас, только один раз за всю историю этого БРУ, когда его построили и была госприемка.

Служба на БРУ была тяжелой, грязной и опасной. Бывало так, что ушана с кувалдой в руках загоняли во внутрь огромной бетономешалки, отколупывать остатки бетона. И забывали про него. А он там, поковырявшись немного, просто тихо сидел, наслаждаясь покоем и отсутствием внимания дедов. А в это время кто-то мог случайно включить эту мешалку и тогда из его недр раздавался душераздирающий вопль ушана, кувыркающегося вперемежку с кувалдой, кусками отколотого бетона в плотной атмосфере цементной пыли. Испытание было не для слабонервных. А может включали не случайно. Деды рассказывали, что, в их бытность ушанами, над ними так издевались деды.

Разбитые в кровь руки, побитые об арматуру и другие железяки ноги в счет не шли. Был среди ушанов здоровый молодец с фамилией Дорохин, по кличке Слон, с луноподобным девичьим лицом. Но был он очень силен. Когда надо было затащить кислородный баллон, весивший килограммов семьдесят, на верхний уровень цеха по почти вертикально металлической лестнице, то всегда звали его. В отсутствии Слона, баллон с большим трудом поднимали по этой лестнице втроем: один сверху тянул за вентиль баллона, а двое других подталкивали его снизу.

Так вот, появлялся Слон, брал этот баллон, как ребенка на руки и без видимых усилий поднимался вместе с ним наверх. Но однажды кто-то не до конца закрыл вентиль и оттуда потихоньку травил кислород. Слон, прижав к груди баллон, нечаянно поднес руку в промасленной рукавице к вентилю. Мгновенно произошла вспышка, которая смела Слона с лестницы и затем его, со всего маху, накрыло сверху баллоном. В результате сломанные ребра, ожог лица и месяц госпиталя.

Но в службе на БРУ был момент, которому в части завидовали все. В силу припудренности цементной пылью, что было весьма вредно для здоровья, на БРУ каждому за эту вредность выдавали сгущенное молоко в известных всем сине-белых четырехсотграммовых жестяных банках. Вместо обычного натурального молока, за отсутствием тучных стад буренок на ягельных арктических пастбищах. Было положено каждому по полбанки в день. И эта сгущенка пользовалась особым вниманием у дедов в роте, даже не имевших отношения к БРУ и не получавших этот эликсир. Они заранее распределяли ушанов, которые должны были получать сгущенку между собой и в день его выдачи заявлялись на БРУ, в жесткой форме популярно объясняли ушанам, что будет с ними, если те не притаранят им все, до последней банки. По странной логике, командование выдавало этот продукт сразу за весь месяц разом, по двенадцать банок.

Наверно им так было сподручнее или считали, что ударная доза принесет больше пользы, чем ежедневный дозированный прием этого «противоядия».

И вот, заливаясь горячими слезами, точнее захлебываясь слюнями, ушан тащил за пазухой в бушлате эти банки деду, всеми силами борясь с соблазном вспомнить этот давно забытый вкус.

Иногда голодный ушан, преодолевая страх, успевал на ходу продырявить банку и высосать его содержимое. В финале неминуемая экзекуция вечером в роте. Известен был рекордный случай, когда один маленький, пухленький, похожий на мумитроля ушан, пока поднимался к деду на третий этаж БРУ, успел опустошить три банки. Обжоре после этого стало так плохо, что ни у одного деда не поднялась рука наказать его. Страшно подумать, что могло случиться, если ушан поднимался бы на пятый этаж. Следующий раз повторить такой фокус не удалось, к ненасытному ушану был приставлен персональный провожатый.

Зато потом деды устраивали праздник живота. В основном сгущенку использовали для приготовления кофейного напитка из пережженного цикория, который употребляли с белым хлебом. Порошок суррогатного кофе и хлеб деды выменивали на кухне столовой на ту же сгущенку. А в условиях отсутствия привычных чайников выходили из положения следующим образом: брали два лезвия бритвы «Нева», закладывали между ними спички и связывали их обычными нитками. Затем, к каждой бритовке, прикручивали по электропроводу и бросив все это в трех литровую банку с водой, втыкали провода в электророзетку. Буквально через минуту кипятки готов. Просто, компактно, быстрее не бывает. Также банки со сгущенкой варили в ведрах с водой в течение нескольких часов. Получалась похожая по вкусу и виду на ириску помадка, которую мазали на все тот же хлеб.

С этой вареной сгущенкой, как-то раз, произошел курьезный случай. Обычно несколько человек собирались и закладывали в большое ведро приличное количество банок со сгущенкой, заливали воду и варили на электроплите в течение трех-четырех часов, до полной готовности, не забывая при этом все время подливать в ведро воду. Но однажды пик процесса варки пришелся на обед и конечно же электроплиту забыли выключить. Возвратившись с обеда, горе кулинары застали следующую картину: едкий черный дым с запахом жженого сахара стоял по всему БРУ. Капитан, начальник БРУ, в невменяемом состоянии крыл трехэтажным матом всех подряд и грозился засадить виновных до самого дембеля на губу. А в помещении, где варилась сгущенка, абсолютно везде, на потолке, лампочках, стенах, столах, лавках, висели грязные сопли того, что раньше называлось сгущенным молоком. Оказалось, что за время обеда вся вода выкипела, банки перегрелись и взорвались. То что не разлетелось, стало разлагаться на электроплите и устроило дымовую атаку. И смех и грех.

Каждый раз, когда раздавался громогласный звук работающего компрессора на КДСе, деды с БРУ посылали туда ушана. Назад он возвращался с заиндевшим ведром, наполненным синеватым жидким кислородом, полученным в обмен на все ту же сгущенку. В это ведро бросали банки со сгущенкой, отчего жидкий кислород начинал бурно кипеть. Ждали, когда успокоится кислородный гейзер, вытаскивали банки и рубили их топором. Куски окаменевшей сгущенки с удовольствием облизывали, как эскимо на палочке. Ничем не сравнимые ощущения и вкус.

У дедов как-то не возникало желания отбирать у Мирона сгущенку, а съесть такое количество ему одному было не под силу, да и не было большого удовольствия высасывать ее из банки в одиночестве, как тот самый Плюшкин. Дима Персик с радостью откликнулся на просьбу совместно утилизировать продукт, благо он был водителем самосвала ЗиЛ-130 и мог по первому же зову всегда примчаться на БРУ. Сидеть за банкой сгущенки в каморке электрика и ностальгировать, вспоминая посиделки за кружкой пива в пивняке «Жигули» на Арбате, было необычайно приятно.

Сгущенка, как валерьянка кошку, привлекала также внимание матросских дедов береговой службы и флотских экипажей. Они точно знали, когда она выдавалась на БРУ и они, в этот день, присылали туда своих зашуганных салаг для совершения натурального обмена. К обмену предлагалась тельняшка, полосатая мечта каждого стройбатовца. Отказаться от нее просто не было сил. Пять банок и тельник твой.

А в это время снег везде почти растаял, только кое-где он белел в низинах, не собираясь таять до следующей зимы. Все дембеля улетели, зато прилетело много бакланов, оккупировавшие коньки крыш казарм.

Солнце перестало заходить за горизонт. Наступил полярный день. Вначале это было интересно и даже радовало. Солнце светило так ярко, как оно может светить только в тропиках. Но температура воздуха не поднималась выше десяти градусов. Постепенно все впали в полусонное состояние и стали как сомнамбулы. Организм требовал привычной смены светлого дня на темную ночь, чтобы отключиться и забыться на свои законные восемь часов. А тут светит и светит проклятый, светит и светит. Не помогали плотно занавешенные окна, предательские яркие лучики проникали в самую малую щель, беспепелляционно заявляя, что на дворе день еще не закончился. Поворочавшись на кровати с боку на бок, полусонные деды в кальсонах собирались на задворках казармы, где можно было укрыться от промозглого ветра и сидели в полузабытьи, подставляя лица навстречу солнечным лучам. И так два месяца.

Но топать на службу и обратно по бетонке стало веселее, было не так холодно. На этой бетонке все чаще стали появляться пугливые представительницы женского населения гарнизона, державшие путь на госпиталь и обратно, соседствовавший неподалеку от части. Теперь их, по определенным признакам, можно было отличить от мужчин. Зимой они чаще всего перемещались на переделанной под автобус шишиге – ГАЗ-66, прячась от любопытных солдатских глаз за замершими стеклами. А те, кто добирался до госпиталя пешком, были полностью экипированы как мужчины, укутаны в спецпошив и ватные штаны, матросская шапка-ушанка на голове, валенки на ногах, были одеты вот в такой новоземельский унисекс. А лица, оберегая нежную женскую кожу и глаза, прятали за прозрачным плексигласовым щитком, держа его за деревянную ручку, прикрепленную к нему снизу. Или одевали его как маску, удерживая с помощью резинки на затылке.

Во время очередного марш броска на горизонте показалась одинокая фигурка. При сближении оказалось, что это идет симпатичная молоденькая девушка в чулочках на стройненьких ножках, опрометчиво заменившая теплые брюки юбкой. Все-таки природу не обманешь. Весна - пора брачных игр, хочется перышки почистить. Девушка шла зябко поеживаясь на холодном ветру и видимо проклинала тот час, когда решилась на это дефиле. Первые две роты чуть шеи не свернули себе, проходя мимо нее, отчего ей стало очень неудобно. При прохождении третьей роты, заметив особенно бесстыжий взгляд Геши, под которым она ощутила себя голый, девушка не выдержала и закричала:

- Вы что, идиоты? Никогда женских ног не видели?

Все растерялись, как можно запретить смотреть на такую красоту?

А Гешу это так разозлило, если не хочешь чтобы смотрели, тогда не дразни, не выставляй их на показ, что не выдержал:

- Подружка, если бы у меня были такие ножки, как у тебя, я тогда лучше на руках ходил бы!

Лицо девушки стало пунцовым, она молча прибавила шаг и поспешила своей дорогой.

- Геш, зачем ты так, нам весь кайф сломал и девушку обидел – завозмущались другие деды.

- А что она, оголила ножки чуть ли не до талии напоказ перед батальоном оголодавших парней и думает, что все мы импотенты конченные? – апеллировал Геша.

Весь день в части было только и разговору о достоинствах и недостатках этих прелестных ножек и о ее обладательнице.

В начале июля вместо шапок выдали пилотки. Поначалу, с непривычки, голова мерзла, а потом привыкли. Голова перестала преть, ей стало легче, все-таки пилотка по сравнению с шапкой, что пушинка.

В тундре, на солнцепеке, кое-где появились зелень, ковер из ягеля, маленькие фиолетовые цветочки. В этой скудности растительности и отсутствии буйства красок тоже была своя своеобразная красота.

Солдаты в тундре ловили и приносили в роту маленьких и забавненьких пушистых грызунов, леммингов. И как ни старались заботиться о них, ухаживать, кормить, они все равно погибали. Суровая тундра была их родным домом.

А на помойке, позади столовой, копошились в отбросах грязные и облезлые песцы.

Натовский шпион.

Впритык к военно-строительной части располагалась часть дивизии ПВО, дислоцированная на Новой Земле. Под огромной земляной насыпью, с торчащими на ней антеннами локаторов, скрывались бетонные казематы командного пункта. О размерах подземных сооружений можно было судить по количеству солдат, находившихся одновременно в них. Три раза в день ее строем покидала чуть ли не рота солдат, маршировавших в столовую.

А сама столовая у них была на зависть. Капитальное кирпичное двухэтажное здание. Со слов посвященных, столы там были на четверых, стулья, столовые приборы. Бурдой, как военных строителей, не кормили, котлеты были повседневным явлением. Но никто им не завидовал. Два года в подземелье, высочайшая ответственность, бесконечные боевые тревоги, жесточайшая дисциплина, лютые сержанты, да и деды у них были тоже конкретные.

Все ПВОшники, в отличие от других обитателей гарнизона, выделялись нездоровой бледностью, свойственной обитателям подземелья. Здесь, в Арктике, солнечные лучи многократно усиливаются, отражаясь от сверкающей белизны снежной поверхности, отчего лица покрываются тропическим загаром, а некоторые, из-за этого, временно теряют зрение, особенно весной.

Стройбатовцы в свободное время любили смотреть на ПВОшников, которые все делали образцово показательно, строго по уставу. Даже в столовую из казарм ходили в сопровождении сигнальщиков с флажками, обозначающие границы строя. Команды сержантов выполнялись четко. Если возникала малейшая заминка и сержанту казалось, что кто-то задержался при входе в столовую, то вся рота снова выходила из столовой, выстраивалась и по команде опять заходила в столовую.

Особенно интересно было наблюдать за их манипуляциями по тревоге, которые проводились регулярно. Организованные группы солдат с карабинами и противогазами, быстро перемещаясь занимали свои позиции, локаторы начинали лихорадочно крутиться, бегали сержанты, докладывая офицерам о готовности. Последние все это хронометрировали с секундомерами в руках.

Но в начале июня у соседей начался невиданный переполох. Вместо обычных получасовых учений они целый день метались в полном обмундировании по расположению части, запрыгивали в УРАЛы, которые с ревом уносились куда в тундру. Из аэродрома Рогачево через гарнизон, в неизвестном направлении, тащили зенитные ракетные установки, передвижные локаторы и, к удивлению стройбатовцев, все это опять двигали назад в сторону аэродрома. И так несколько дней подряд.

Геша не выдержал и подошел к сержанту из ПВО, который вместе со своим взводом примчался на УРАЛе к столовой и ждал своей очереди на обед:

- Ребята, Вы что, с цепи сорвались? Если началась третья мировая война, то почему мы об этом не знаем?

Сержант горестно вздохнул:

- Гады натовцы, достали, не спим уже вторые сутки.

- Мужик, очнись, посмотри вокруг. Это мы, а не натовцы.

И тут сержант ткнул в синее-синее небо без единого облачка, с ярким-ярким солнцем:

- Посмотри вон туда, видишь?

- Ничего не вижу.

- Смотри по моему пальцу, видишь?

И тут Геша увидел на фоне чистого синего неба, где-то очень высоко, маленькую, едва заметную серебристую точку, которую можно было принять за дефект зрения.

Оказалось, что когда наступила ясная погода и установился ветер определенного направления и скорости, у берегов Новой Земли появился натовский разведывательный корабль, замаскированный под гидрографическое судно, и запустил аэростат с разведывательной аппаратурой. Этого шпиона ветром пригнало к полигону. Аэростат, при определенной розе ветров, мог висеть над полигоном неделями. Если воздушные течения уносили его в сторону океана, то улучшив момент, натовцы запускали новый.

И теперь ПВОшники таскали свое вооружение по всему острову, меняя их место дислокации. Они пытались ввести неприятеля в заблуждение. Сержант по большому секрету сообщил, что на самом деле они таскают в основном муляжи, а настоящие батареи ракет стоят замаскированными.

- А что, надо той же ракетой, которую Вы так старательно прячете, сбить его – заметил Геша.

- Эта сволочь холодная, инфракрасная система наведения ракеты ее не видит. К тому же сделана она полностью из полимера и покрыта специальным составом, видишь, как блестит. Поэтому не отражает радиоволн и ее не видит локатор. Так что ракетой не попадешь.

- Ну, тогда надо поднять истребитель-перехватчик, вон их, сколько стоит в Рогачево, или зениткой расстрелять с земли, делов то.

- Опять таки, как ее достать, если она висит на высоте тридцати километров и ни одна зенитка на такую высоту не стреляет. А наш МИГ-25 может подняться только на двадцать пять километров. А если каким то чудом удастся попасть в нее из чегонибудь, то ей это как мертвому припарки. Аэростат сделан из нескольких десятков тысяч маленьких шариков, наполненных гелием, и повреждение пары сотен из них ничего не изменит.

Тут из столовой вышел отобедавший взвод и сержант повел туда своих солдат.

Но ПВОшникам на этот раз повезло, уже через день подул южный ветер, погнав всевидящее натовское око шпионить за Северным полюсом.

Матрос Игорь.

В один из ясных майских дней дневальный крикнул Мирона на выход. На улице его ожидал незнакомый матрос. Звали его Игорем, родом он был из города Одинцово Московской области. Служил он адъютантом Начальника политотдела новоземельского полигона контр-адмирала Дьяченко.

Оказалось, что недавно, из очередной сводки происшествий, составленной для командования гарнизона, контр-адмирал узнал об избиении новобранцем старослужащего, закончившееся членовредительством, вернее лицовредительством последнего, о чем к сводке прилагался доклад из госпиталя. По этому поводу он

потребовал к себе с подробным докладом Начальника политотдела Спецстроя, капитана первого ранга Мелешко. Все-таки случай был необычный. До этого пострадавшими всегда значились новобранцы, а не наоборот. Вот чем, оказывается, был вызван тот интерес Начальника политотдела Спецстроя к Мирону в клубе.

Конечно драка в армии это ЧП, но Начальник политотдела полигона правильно оценил ситуацию и приказал к Мирону не применять никаких санкций.

Игорь, как его адъютант, был в курсе всего происходящего. Личность Мирона вызвала у него живой интерес. Призвался Игорь в одно время с Мироном, успел тоже поконфликтовать с матросскими дедами, служившими в типографии гарнизонной газеты «За Родину», куда он был прикомандирован. А эта типография была совсем неподалеку от третьей роты, через клуб части и баню. Но ему было проще, дедов в подразделении было всего три матроса и не все из них решались видеть в контр-адмиральском адъютанте салагу. А самое главное, оказывается он до армии тоже занимался карате, но нелегально, где-то в подвале у человека, который тренировался тоже в Центральной школе карате. Кстати, Мирон как-то видел этого товарища на воскресных тренировках школы карате на Цветном бульваре, которые вел сам Алексей Штурмин.

Обоим было приятно знакомство с коллегой. У Игоря было предложение: он решит вопрос о совместных регулярных тренировках в спортзале гарнизонного бассейна через своего начальника, контр-адмирала Дьяченко, но для этого надо всего лишь малость, согласие Мирона. Конечно Мирон с радостью согласился.

Совершенно неожиданным оказался для командования части приказ сверху: по выходным дням отпускать Мирона в увольнение на тренировки в спортзал гарнизона. В части в увольнение категорически никого не отпускали, ни под каким предлогом. А тут каждые выходные. Даже замполит Павлов, зная, от кого исходит распоряжение, с трудом заставлял себя подписывать увольнительные. А пару раз специально отсутствовал в части, чтобы не выдавать его и тогда тренировка срывалась. Игорь не преминул пожаловаться на это контр-адмиралу. Видимо последний так осерчал, что Мирону в части, от греха подальше, немедленно выписали постоянный пропуск на выходные в гарнизон маршрутом до спортзала. И после этого уже ничто не мешало регулярно посещать тренировки.

Спортзал располагался в центре гарнизона, рядом со школой, на втором этаже здания бассейна. Это был настоящий полноценный спортзал. В начале, за не имением кимоно, тренировались в военном обмундировании, но босиком, как положено в карате. Затем выручил Эдик, выделивший из запасов санчасти новые простыни, из которых портной Кузенков быстренько скроил и сшил всем кимоно, в том числе и самому Эдику, который, с невероятным трудом, тоже добился у замполита Павлова разрешения на посещение тренировок. А вскоре к ним присоединились два офицера из НИЧа: старлей математик и капитан приборист, молодые симпатичные ребята с интеллектом, не испорченным повседневной армейской действительностью. Жизнь стала веселее.

Хотя у новоявленных каратистов, кроме Игоря, с физподготовкой и растяжкой было не ахти как, все с невероятным энтузиазмом стали постигать азы карате и в скором времени добились в этом деле неплохих результатов. Таких результатов, что через полгода командованием было велено на ноябрьские праздники подготовить показательное выступление по карате.

И вот на праздничном концерте седьмого ноября в Доме офицеров неискушенная публика, состоящая из представителей высшего света гарнизона, впервые увидела доселе невиданное, для того времени, боевое искусство с таким загадочным, но в то же время приводящим многих в восторг, названием карате.

Вначале была групповая демонстрация пяти начальных ката. Затем Игорь выполнил уже более сложную ката, в котором демонстрировалась сложная техника ударов ногами. За ним Мирон выполнил ката с названием «Гром», которая, обычно никого не оставляет равнодушным, так как при ее выполнении демонстрируются очень сложные удары

руками, удары ногами в прыжке, эффектные блоки и передвижения с пируэтами. Короче говоря, целый спектакль схватки с воображаемым противником.

Затем была не менее захватывающая инсценировка боя с одним, двумя, тремя и четырьмя противниками, когда друг по другу наносятся практически настоящие удары. Эффектные удары, эффектные падения и у публики создавалось ощущение, что они стали свидетелями настоящей драки. Особенно в восторге от всего происходящего были присутствовавшие в зале дети.

И в конце, уже к восторгу всех присутствующих, Мирон с Игорем в большом количестве разбили различными ударами рук и ног деревянные доски толщиной до пяти сантиметров.

После этого выступления у командования части уже не возникало желания чинить какие-то препятствия для посещения спортзала Мироном и Эдиком.

ЛЕТО. ГОД ПЕРВЫЙ.

Разгрузка транспортных судов.

Наконец пришло лето, которое, казалось, никогда не наступит. Снег небольшими пятнами белел только в низинах. Но лед в заливе продолжал стоять.

В начале июня в залив вошел ледокол Мурманск, который, разбивая многометровый лед, проложил дорогу для транспортников до причалов. Около причалов он поелозил из стороны в сторону, взад вперед, выворачивая огромные глыбы льда, которые с грохотом падали назад в воду, поднимая тучу водяных брызг и мелких ледяных осколков. Вслед за ним остороженько прошли транспорты – дизель-электроход Обь и БМСТ Яуза в сопровождении сторожевого корабля. На Оби доставили стройматериалы и разгружали его стройбатовцы, а на Яузе в основном было продукты и другие товары, а разгружали ее матросы.

То, что привезли свежие продукты, стало заметно по появлению в супах в столовой части свежей капусты, вместо кислой квашеной. По своей сути эти супы все равно оставались, как и раньше, почти прозрачной пустой болтушкой. Но едва заметный навар свежей капусты придавал им такой необыкновенный вкус, что вопреки обыкновению солдаты сметали этот суп полностью, не оставляя ее в котелках ни капельки. Кто не ел месяцами кислую квашеную капусту во всех блюдах подряд, тому не понять вкуса навару свежей капусты в супах.

Когда наступила очередь разгружать вино-водочные изделия, то в каждый грузовик, рядом с матросом водителем, посадили сопровождающего из числа прапорщиков. Глядя на полные грузовики с различным алкогольным питьем, задействованным на разгрузке судов стройбатовцам и матросам приходилось только облизываться. Близок локоток, да не укусишь его.

Одному из стройбатовцев стало настолько невмогуту, что он отправился к матросам на переговоры. Те тоже не менее остро мучались вопросом экспроприации столь вожделенного зелья. Но ситуация была тупиковая, если конечно не сбросить в залив всех сопровождающих прапоров. Из глубокой задумчивости представителей сухопутных и морских сил вывело неожиданно раздавшееся шипение, с которым пар стал вырываться из шланга на стоявшем тут же, рядом с судами, сторожевом корабле. Это один из матросов сторожевика с помощью струи пара наводил марафет на палубе родного корабля. И тут стройбатовца осенила замечательная идея и он с матросом отправился на сторожевик, где быстренько обо всем договорились с обладателем парового шланга о совместных действиях.

Когда подъехал очередной грузовик с сопровождающим на погрузку алкоголя, матрос со сторожевика занял позицию. Когда погрузили последний ящик со спиртным, матрос открыл на полную катушку кран на шланге с паром и стал старательно им

манипулировать, якобы наводить лоск на своем корабле, а на самом деле очень умело стал создавать дымовую, то есть паровую завесу вокруг и над грузовиком со спиртным. А в это время стройбатовец быстренько заскочил сзади в кузов грузовика и стал из нижних ящиков набивать за пазуху своего бушлата бутылки с водкой. На все это сквозь клубы пара, с высоты палуб разгружаемых судов, с изумлением взирали солдаты, матросы, офицеры и гражданские из экипажей судов, но никому даже в голову не пришло, как-то пресечь это воровство. Более того, все они дружно выдохнули с облегчением, когда воришка, вскоре превратившийся в этакую беременную бабу в солдатской форме, поставив для сокрытия преступления на выпотрошенный ящик соседний полный ящик с бутылками, неловко сполз через задний борт грузовика и поддерживая руками снизу бушлат, быстренько поднялся по трапу на Обь и исчез в трюмах транспорта.

А в это время ничего не понимающий и ничего не видящий сквозь клубы пара сопровождающий прапор наконец-то дождался, когда выключат пар и дал команду водителю ехать на склад.

После этого сотрудничество между матросами и стройбатовцами приняло постоянный характер. Поздней осенью, когда наступала полярная ночь и грузовые суда забрасывали в гарнизон провизию на всю долгую предстоящую зиму, матросы кооперировались со стройбатовцами и это приносило свои плоды. Дорога с причалов на продовольственный склад проходила рядом с БРУ. По уговору, когда грузовик, в кузове которого находилось спиртное, проезжал мимо БРУ, матрос как бы невзначай переключал ближний свет на дальний, что не вызывало никаких подозрений у сопровождающего прапора и максимально сбавлял ход на разбитой дороге. Стройбатовец, сидевший в это время рядом с дорогой в засаде, забирался сзади в кузов грузовика и утаскивал, сколько мог, бутылки со спиртным. Потом он честно делился трофеем с матросом водителем. Недостача списывалась по акту, так как определить, где пропали эти бутылки было невозможно. То ли в порту погрузки, то ли на переходе, то ли на разгрузке.

Так ковалась дружба и сотрудничество между различными родами войск. Как поется: и хлеба горбушку, и водку бутылку, все по братски пополам.

Солдаты, выпивка и тигра.

Тягу русского человека к выпивке ничем нельзя искоренить. В отсутствии доступа к продажному алкоголю, его изощренный ум способен на великие открытия в попытке получить доступ к вожделенному зелью.

Время от времени командование части проводило тотальные проверки всех объектов, на которых несли службу солдаты. Когда находили брагу в самых укромных местах, то тогда процесс его изготовления переносили в огнетушители, расположенные на своих штатных местах. Когда и это обнаруживали, то пытливый солдатский ум приспособлял для этих целей радиатор отопления, предварительно заглушив подводку к нему, а после очередного разоблачения прятали брагу в горелках во внутренних полостях дверей под носом у начальства. Это было бесконечная игра в кошки мышки тех, кто очень хотел выпить и тех, кому по долгу службы было предписано этого не допускать. И это бесконечная борьба шла с переменным успехом, без всякой перспективы для обеих сторон, о чем говорили десятки литров вылитых на землю браги и в то же время с завидным постоянством появляющиеся под хмельком солдаты в казармах.

Если кому-то из солдат удавалось на ЦМСе незаметно слить из бочки ведро клея БФ, то это становилось большим праздником. В ведро с клеем высыпали пачку пищевой соли и деревянной палкой размешивали клей до тех пор, пока на этой самой палке не образовывался большой ком сопли, которая составляла клеевую основу БФ. Оставшуюся мутную жидкость фильтровали через тряпочку и фильтрат, разведенный водой, употребляли вовнутрь. Пить было противно, все равно разило клеем и невозможно драло

горло, но желаемый эффект наблюдался. Правда все это сопровождалось сильнейшим похмельным синдромом на следующее утро.

В один из ноябрьских ночей дежурный по части, при обходе, обнаружил запах ацетона во всех трех казармах, о чем наутро доложил в своем рапорте начальству. На следующий день, на вечерней поверке, во всех трех ротах старшины обнаружили под изрядным хмельком большинство старослужащих, от которых несло запахом все того же ацетона. На попытки узнать об источнике суррогатного зелья, все замеченные в его употреблении стойко хранили молчание, никакие угрозы не могли их заставить признаться. Командованием был введен режим ЧП, никто даже пукнуть не мог, чтобы об этом не узнало начальство. Но по прошествии некоторого времени, когда все успокоилось, снова и снова стали появляться веселенькие солдатики в парах ацетона. И это повторялось до тех пор, пока начальство не обнаружило на свалке автобазы источник этого суррогата, наполовину пустую двухсотлитровую железную бочку.

Оказывается, эту бочку с жидкостью, используемую авиацией как противобледенительное средство для самолетов, обнаружили на аэродроме двое водителей из первой роты, куда их послали за грузом с очередного борта прилетевшего с материка. Они незаметно, ценой невероятных усилий, сумели вдвоем загрузить бочку на УРАЛ, привезти на автобазу и спрятать ее на свалке, среди заброшенных автомобилей. Так как жидкости было двести литров, то они щедро поделились ею со всеми сослуживцами в части, кто пожелал ее вкушать. Самое удивительное, что никто, из огромного числа дегустаторов, не раскололся перед начальством, как бы те не старались, пока они сами не обнаружили эту самую бочку. Но еще большее удивление вызывало то, что ни у кого из употребивших эту жидкость не было явных признаков отравления этим суррогатом, хотя смесь была очень гремучей.

Но больше всего везло тем солдатам, которые по роду службы имели контакты с вольнонаемными, чаще всего с молодыми женщинами, которые почему-то проникались особыми симпатиями к солдатам. Через них, время от времени, удавалось купить вино или бутылки с питьевым спиртом, изредка водку. Последняя пользовалась таким успехом, что сметалась сразу же после доставки в гарнизон с прилавков магазинов населением и продажа ее, даже офицерскому составу, была ограничена.

С водкой в гарнизоне была связана одна забава среди молодых офицеров. Суровый климат, однообразная служба, холостяцкая жизнь в общежитии, почти полное отсутствие свободных представительниц прекрасной половины человечества, так как практически все женщины в гарнизоне, способные вызывать сексуальный интерес у сильной половины человечества, были чьими-то женами и бдительно оберегались от посягательств молодых самцов их законными мужьями. Такая жизнь навевала на них беспробудную скуку. А от скуки русский человек начинает пить. Пить крепко. А так как молодой ум начинает искать смысл жизни во всем, в том числе и в питье, то им была придумана игра в тигра.

Несколько молодых офицеров с оказией покупали ящик водки и собирались у когонибудь в комнате за столом в офицерской гостинице. Каждый клал на стол десять рублей, благо здесь зарплата даже молодого лейтенанта, с учетом северных коэффициентов, была приличная, наливали по двести грамм водки в граненые стаканы, выпивали и под команду когонибудь из участников забавы:

- Тигра! — залезали под стол. А затем вылезали из под него обратно и снова усаживались за столом. Немножко пообщавшись, повторяли снова всю процедуру с деньгами, водкой и тигрой.

И так до тех пор, пока из под стола выползал только один, а остальные, спрятавшись под столом от очередного тигра, уже были не способны вылезть по причине чрезмерно

большой дозы принятой водки. Этот последний и считался победителем, ему доставались все деньги на столе.

Буковина, БПК, БДК. Командировка в п. Северный.

К середине августа ранее пустынный залив гарнизона Белушья Губа стал местом паломничества почти всех кораблей Северного флота, да и не только.

Вначале пришел белый красавец, пассажирский круизный лайнер Буковина. В гарнизоне местные обитатели констатировали: наука приехала. Наука – это все те, кто был откомандирован на полигон для выполнения ядерных испытаний от разработчиков оружия.

Большинству из них строго настрого запрещалось сходить с корабля, даже на пристань, не говоря уже о визите в гарнизон. Для пущей строгости, у трапа Буковины неотлучно дежурил матрос из караульной роты с карабином.

Буковина обычно стояла недели две, пока не отправлялась дальше, к поселку Северный, непосредственно к месту испытаний. Наука шалела от безделья и замкнутого пространства. Большинство из них все эти дни беспробудно пьянствовало на борту. А с берега на них с завистью взирали солдаты и матросы. Им казалось, что там, на борту этого белого корабля, бурлит красивая и беззаботная жизнь под аккомпанемент модных шлягеров, обслуживаемая симпатичными официантками в кокошниках, которые действительно время от времени мелькали с подносами в иллюминаторах корабля.

А на самом деле официантки, в большинстве случаев, обслуживали только избранных, а основная масса устраивала междусобойчики у кого-нибудь в каюте, употребляя заранее припасенные на материке поллитровки под самый нехитрый закусок, разложенный на газете. Все-таки научные сотрудники в СССР были далеко не самые обеспеченные люди. А красивую музыку, с утра до вечера, заводил по своей инициативе радист-энтузиаст по внутрикорабельной трансляции.

Но пила наука крепко. С берега часто наблюдали еле ползающие по кораблю экземпляры. Однажды такое чудо, в невменяемом состоянии, свалилось с корабля на пристань, чуть не угодив в ледяную воду залива между кораблем и пристанью. Но увидев бегущего к нему караульного матроса с карабином наперевес, он мгновенно протрезвел и с ловкостью обезьяны заскочил обратно через высокий борт на корабль.

Затем прибыл Большой десантный корабль (БДК) в сопровождении Большого противолодочного корабля (БПК). БДК с ходу уткнулся носом в берег, открыл передние аппарель и с него на берег съехали УРАЛы с высокими кунгами, которые отправились на спецобъект ДАФ. В гарнизоне многозначительно перешептывались:

- Изделия привезли. Повезли на окончательную сборку.

Через несколько дней УРАЛы возвратились и загрузились обратно в БДК. И теперь БДК, в сопровождении БПК, Буковина и разная другая военно-морская мелочь вышли из залива и взяли курс на поселок Северный.

А пока в заливе находились Буковина, а тем более БДК с изделиями, у местного плавсостава наступали горячие деньки. Их бесконечное число раз поднимали по тревоге и они на Средних (СДК) и Малых десантных кораблях (МДК), на различных вспомогательных судах вместе с пришлыми гидрографическими, то бишь разведывательными судами, тральщиками, сторожевиками, вплоть до БДК и БПК, выстроившись в одну линию, утюжили водную гладь залива. В гарнизоне говорили:

- Наверное, американская подлодка где рядом шляется. Чуют, что изделия привезли. Интересуются.

К середине августа стало ясно, что недолгое северное лето близится к концу. Солнце уже стало задевать по ночам линию горизонта, температура воздуха стала понижаться. Бывалые автомобилисты приуныли. А причина их грусти оказалась очень простая, их ждала неминуемая командировка в поселок Северный, на забивку. И вот в конце августа пришел назад БДК, в который загрузили новенькие УРАЛы и ЗиЛы вместе с их водителями и другим людом и отправился назад на полигон.

Прибывших распределили по свободным местам в казармах, попеременно с местными аборигенными разновидностями одичавших военных строителей. И начался аврал.

Непосредственно штольни и штреки под горой пробивали горняки из Украины – хохлы, как их было принято здесь называть. Затем прибывали наука на Буковине, изделия на БДК, военные специалисты, сотрудники НИЧа, и еще куча всякого разного народа, обеспечивавших безопасность и контроль испытаний, а также ответственные за проведение ядерных испытаний. В проливе и перед поселком стояла куча военных кораблей и невоенных судов, а вертолеты сновали непрерывно. Круглые сутки, и в дождь, и в снег, туда сюда, как муравьи, сновал самый разношерстный народ, металась по горной тундре автомобили и вездеходы самых разных калибров. Вообще создавалось впечатление, что именно сюда переместился, на это время, современный Вавилон. Контролировать личный состав командирам было весьма проблематично, дисциплина и распорядок дня приносились в жертву достижению только одной единственной цели – успешно и вовремя провести испытания. Поэтому в подразделениях был полный бардак, который, в порядке вещей, перманентно становился здесь нормой и в повседневной солдатской жизни между испытаниями.

Вначале, в конец штольни в горе, доставляли изделие, по-простому ядерный заряд. Затем, в боковые штреки штольни, устанавливали другие заряды, но чаще всего их было всего два, потом устанавливали контрольные и измерительные приборы, к которым протягивали десятки километров проводов и кабелей. После этого начиналась забивка штольни. Через определенное расстояние возводили бетонные гермостенки, пространство между которыми заполняли мешками с песком.

Забивка не прерывалась ни на минуту. Заезженное донельзя местное БРУ работало круглосуточно. Если что-то ломалось, то все необходимое оборудование или специалисты мгновенно доставлялись вертолетом из гарнизона. Солдаты валялись с ног от усталости и недосыпа. Доходило до того, что по воспоминаниям очевидцев однажды ночью у трех водителей, везших бетон в штольню, возникли галлюцинации. Один из них остановился ночью посреди дороги, так как вдруг обнаружил танцующую на капоте своего автомобиля девушку. Следовавшим за ним, двум другим водителям, тоже пришлось остановиться и после объяснений первого водителя о причине своей остановки, эти двое тоже увидели танцующую девушку. Все трое, забыв обо всем, устроились поудобнее, чтобы полюбоваться ею. Командирам срочно пришлось снимать ребят с автомобилей и отправить эту троицу отсыпаться.

До штольни ездили по тому, что трудно было назвать дорогой. Это была разбитая грунтовка, с торчащими повсюду глыбами камней. Новеньких грузовиков и самосвалов едва хватало только на одну забивку. Все торчащие на днище автомобиля элементы, особенно головки болтов и гайки, зализывало об валуны так, что ни за один из них нельзя было ухватиться ключами. Двигатели и трансмиссии надрывались до предынфарктного состояния. После забивки большинство этих автомобилей шло на списание.

ОСЕНЬ. ГОД ПЕРВЫЙ.

Ядерные испытания на полигоне.

Когда забивка благополучно завершилась, синоптики, с учетом розы ветров, дали добро на проведение испытаний. Это на тот случай, если произойдет выброс продуктов взрыва через разломы породы, чтобы его отнесло ветром на север, подальше от цивилизации. По команде из Москвы произвели подрыв ядерных зарядов. Но перед этим науку посадили на Буковину, солдат, матросов и прочий военный люд на БДК и другие суда и вывезли по проливу Маточкин шар на безопасное расстояние, никого в поселке не осталось. В тот год, по данным американских источников, в конце сентября произвели два взрыва мощностью от 20 до 150 килотонн каждый. Как показала радиационная разведка с борта вертолета, зависшей над местом взрывов, все закончилось без видимых выбросов, только гора несколько просела после этого.

А раньше бывало, что через разломы в горной породе или устье штольни начинал валить черный ядовитый радиоактивный дым. Воздух вокруг разломов, пронзаемый заряженными элементарными частицами, образующимися в результате радиоактивного распада, начинал светиться голубым светом. В науке это называется эффектом Черенкова. Счетчики Гейгера начинали безумствовать, не трещать, а просто гудеть. Тогда окрестности горы закрывали для свободного доступа.

Раньше ядерные испытания проводили на южной оконечности архипелага, на полигоне Сухой Нос. Это были подводные, наземные и атмосферные испытания. Но и в те времена происходили нештатные ситуации, когда радиацией накрывало то, что не должно было накрывать. И тогда некоторые солдаты проявляли чудеса героизма, граничащий с безумием. Шли в самое радиоактивное пекло для выполнения задания. Такими были солдаты срочной службы Столетов и Попов, впоследствии первый стал Героем Советского Союза, а второй был награжден орденом Ленина. Правда, что случилось с ними потом, история об этом умалчивает.

Но в этот раз ничего закрывать не пришлось, разведка дала добро, всех высадили обратно на берег. Наука побежала снимать показания с приборов, местные военные аборигены разошлись по своим казармам отсыпаться, а прикомандированные водители с радостью вернулись на БДК в гарнизон, который по сравнению с поселком Северным показался им просто курортом. На доставленные назад те самые новенькие УРАЛы и ЗИЛы без слез нельзя было смотреть. Основную их часть сразу же отправили на свалку.

Дембель Рики и Сашки.

Не успели привыкнуть к лету, как пришла осень. Зарядили дожди, мгновенно стало промозгло, холодно и тоскливо. Служба шла своим чередом, будущие дембеля с нетерпением ожидали приказа об их увольнении.

И вот принесли долгожданную газету с текстом этого самого приказа. Деда, теперь уже дембеля, мигом поставили табуретку на стол в курилке, вручили одному из ушанов эту газету. Тот, взобравшись на табуретку, громко огласил текст приказа сгрудившимся вокруг него дембелям. На следующий день, во время завтрака, дембеля отдали ушанам свои законные порции масла. Это была издавна сложившаяся традиция, совершать такое жертвоприношение, если точнее маслоприношение, в день опубликования приказа. А еще каждый дембель был озабочен поиском газеты с приказом, чтобы вырезать его оттуда и вклеить на первую страницу своего дембельского альбома.

Для полноты картины не хватало только прибытия нового пополнения. А оно не заставило себя долго ждать. Через полмесяца гонцы из части, группы сержантов во главе с офицерами, или как еще их называли покупатели, отправились на материк за новым пополнением и вскоре доставили новых ушанов в часть. Глядя на них, несуразных,

озябших и вусмерть перепуганных, опять каждый старослужащий считал обязательным непременно крикнуть:

- Ушаны, вешайтесь!

Все повторялось, ничего не могло измениться, жизнь продолжалась. Все с нетерпением стали считать дни, когда прибывшие примут присягу и распределятся по ротам. Это была новая веха в жизни у всех, каждый призыв поднимался вверх на одну ступень по негласной армейской иерархической лестнице: ушан становился молодым, молодой стариком, а старик дедом.

Первые ждали этот день с особым нетерпением, наконец-то им удастся распрощаться с ненавистной половой тряпкой, которая на целых полгода стала спутницей их жизни. Да и вообще, хотелось почувствовать себя уже человеком, ну хотя бы с совсем малюсенькими правами, но человеком.

А в это время дембеля, небольшими группами, стали убывать из части. Их, таких нарядных и обалдевших, еще не совсем поверивших в свое счастье, после прощания с сослуживцами заводили в штаб части, где они подписывали обязательства о неразглашении, сверяли их вещи с заранее составленным списком. Затем, уже никого к ним не подпуская, сажали на тот самый УРАЛ, на котором их когда-то в первый раз привезли в часть и увозили под завистливые и тоскливые, особенно ушанов, взгляды остающихся. И каждый из дембелей обязательно считал нужным крикнуть остающимся:

- Мужики! Не горюйте! Когда нибудь и у Вас будет дембель! Это я Вам говорю!

Рики и белокрысы Саша, который на спор забирался на башенный кран, тоже готовились к дембелю. Обычно дембеля, перед самым увольнением, становятся пушистыми и белыми, милейшими людьми, они уже мыслями там, в другой жизни. Но этот Саша, в силу своего говнистого характера, решил устроить беспредел и стал лично гонять ушанов, всячески над ними издеваться. Даже другие дембеля, в том числе и Геша, косо смотрели на его выкрутасы. Стал он время от времени задирать и Мирона, видимо все же, вопреки печальному опыту других, он не мог смириться с фактом присутствия в роте непокорного ушана. Мирону пришлось предупредить Сашу:

- Послушай, тебе сейчас надо просто радоваться предстоящему дембелю и жить этим, а не доставать нас всех. У тебя и так много врагов среди нынешних дедов, которых ты гнобил полтора года назад. Ты для них до сих пор, как красная тряпка для быка. Они и сейчас с радостью оприходуют тебя, при первой же возможности. Но вместо них это могу сделать я. Но я не буду тебя шибко бить. Я просто поставлю тебе аккуратненький фингалыч под глазом перед самым твоим увольнением, можешь даже заказать под каким. Для меня это не проблема, ты ведь знаешь. Так что подумай.

Видимо Саша очень хорошо подумал. Перспектива заявиться в родную хату из армии пред родительские очи, перед своей девушкой и друзьями с фонарем под глазом не очень то его обрадовала. Он до самого отъезда из части был тише воды и ниже травы.

Не прошло и двух недель, как в роту привели новых ушанов. И снова деда, старики и молодые словами, кулаками и пинками доходчиво и быстро объяснили бывшим ушанам, а теперь молодым, что с этого момента их предназначение быть цепными псами и гонять новых ушанов на мытье полов, заправку постелей и т.д., и т.п. А если кто-то, в силу своих интеллигентских наклонностей или пацифистских убеждений, пытался увильнуть от этих новых обязанностей, то его заставляли драить полы вместе с ушанами. Одного раза такой профилактики хватало за глаза, чтобы самый миролюбивый новоявленный молодой начинал с остервенением пинать и гонять ушанов. А часть как жила, так и продолжала жить своей повседневной обыденной жизнью, все шло своим чередом.

Аристархов. Драка со стариком.

В один из осенних дней часть взбудоражило известие о том, что какой то ушан из второй роты побил старика. Все подумали, что-то многовато на просторах нашей Родины развелось каратистов, теперь ушаны только и будут делать, что гонять и бить старослужащих. А как же армейские традиции, уважение к дедам и, в конце концов, кто же теперь будет нести службу, если старослужащих ни во что не ставят? Начались разборки на уровне командования части.

Оказалось, что в осенний призыв попал некий Аристархов Слава, из Свердловска. Он к своим молодым годам уже имел уголовный опыт, отбыл срок. То есть, в отличие от основной массы солдат части, он был вполне сформировавшимся взрослым человеком с определенным жизненным опытом. Попав во вторую роту, он сразу же сказал дедам, что он после зоны, но знает свое место в армейской иерархии, будет делать все, что положено ушану. Только просил не бить и не унижать его. Из уважения к его прошлому и учитывая, что к тому же он был женат, деда порешили на том и остановиться.

Но во время этого разговора отсутствовал один из стариков из хозвзвода, кладовщик, который в роте появлялся только на вечернюю поверку и поспать, поэтому был не в курсе дела по поводу Аристархова. Рыженький, несколько возмнивший о себе ефрейтор, так как кладовщик в части был уважаемым человеком, он на свою беду случайно увидел в столовой невысокого полноватого ушана, а это оказался Аристархов и решил припахать его:

- Эй, солдат, а ну ка быстренько в кладовку и подмети там полы – и для придания ускорения дал ему пинка.

Ответ последовал незамедлительно, в виде увесистого хука в левый глаз рыжего кладовщика, отчего тот немедленно закатился под стол и вылез откуда лишь после того, как на шум прибежал дежуривший по столовой прапорщик. А вылез кладовщик из под стола уже с солидным фингалом под глазом.

На этот раз командование части приняло соломоново решение. За неуставные отношения наказало обоих. Одного за то, что дал новобранцу пинка, а второму за то, что поднял руку на старшего по званию. Их отправили совмещать время с пространством. Но после этого Аристархова зауважали, уже никому в голову не приходила мысль придавать ему ускорение каким то способом.

Впоследствии Аристархов пошел в гору, дослужился до младшего сержанта, но кончил плохо, видимо дало о себе знать его уголовное прошлое.

Персик, предводитель бритоголовых.

Служба у Димы Персика в первой роте шла не шатко не валко. От основной массы своих сослуживцев он отличался начитанностью и приличными манерами. До призыва в армию он дружил с ребятами из группы «Машина времени» и другими знаменитостями, вообще был еще той столичной штучкой. Отец у него были потомком героя революции. В спортивных кругах родители Персика были довольно известными людьми, так как состояли в руководстве спортивного комплекса Лужники в Москве, а жили они в номенклатурном доме в начале Кутузовского проспекта.

Но в то же время Персик был великим пофигистом, невоздержанным на язык, что в сочетании с его начитанностью в армейской жизни не всегда шло ему на пользу. Благодаря своему острому языку и дерзости по отношению к командирам, он первым среди ушанов побывал на губе, где впоследствии стал одним из его постоянных клиентов.

Большое недовольство у командования части вызвало то, что он стал родоначальником движения бритоголовых. А дело заключалось в том, что у ушанов, через тройку месяцев после начала службы отросли волосы. К прическе, конкретно к длине волос, как и к подворотничкам и начищенности сапог, у старшин рот было особое

отношение. Если подворотнички без труда перешивались, а сапоги начищались самостоятельно, то постричь самого себя было весьма проблематично и упросить кого либо это сделать было сложно, никто из своих не решался взять на себя такую ответственность, не было таких умельцев. Старослужащие же были не в счет, кто из них захочет постричь ушана.

После нескольких выговоров и нарядов вне очереди от старшины роты за прическу, Дима плюнул на все и сам постриг себя наголо, причем решил шикануть и дополнительно побрил бритвой голову до блеска. Глядя на него, большинство ушанов первой роты сделали то же самое. Пример оказался заразителен. Страдающие от тех же гонений от своих старшин рот по поводу причесок ушаны двух других рот проделали то же самое.

В воскресенье в клубе, к своему изумлению, замполит Павлов обнаружил почти треть части обритых наголо, под Котовского. Это непонятное для него явление он воспринял как некий знак несанкционированного протеста вверенного ему подразделения, как вызов ему лично и учинил скрупулезную разборку. Досталось всем, и старшинам рот, требующим, но не обеспечившим пострижку, и Персику, как зачинщику движения бритоголовых ушанов, и всем бритым ушанам. В результате Персика отправили на губу, как возмутителя спокойствия, всех лысых ушанов на целую неделю вечерами выводили на прогулку строем и с песней на плац на перевоспитание, чтобы никому впредь неповадно было.

В октябре, когда стукнули морозы, приехали хохлы долбить шурфы для свай. Все более или менее капитальные строения на вечной мерзлоте строят на бетонных сваях, которые вмораживают в эту мерзлоту. Если ставить обычный фундамент, то под воздействием тепла от здания мерзлый грунт начинает таять и расползаться, а само здание перекашиваться и разрушаться.

Для того, чтобы построить одно здание, надо было установить десятки, если не сотни свай. А для этого вольнонаемные хохлы долгими полярными ночами долбили вечную мерзлоту, сантиметр за сантиметром, специальным снарядом-ковшом. Затем в этот шурф ставили бетонную сваю и закрепляли его там. Летом этого нельзя было делать, потому что верхний слой мерзлоты, при плюсовой температуре, превращался в болото и любую выемку, в том числе и шурфы, быстро заливало грязной жижей.

Обычно у хохлов был свой вольнонаемный водитель и им выделялся УРАЛ, но в этот год почему-то этого не случилось. Поэтому командованием Спецстроя было решено прикрепить к ним водителя из части. Решили, от греха и от Персика подальше, откомандировать именно его к хохлам, чтобы поменьше мозолил глаза всем своей бритой головой. А для верности еще перевести его в третью роту, казарма которого стояла на самом отшибе, вне расположения части. Так Персик опять появился на горизонте у Мирона, чему они оба были несказанно рады, чего нельзя было сказать о командовании третьей роты.

Особенно близко к сердцу перевод Персика принял замполит третьей роты лейтенант Василий Годулянт.

Невысокий, тщедушный, с далеко шагающим впереди него тонким крючковатым носом, Годулянт, родом из Москвы и был еще тем фруктом. В нем одновременно присутствовали и наполеоновские амбиции, и непреклонная сталинская убежденность в своей правоте. Он, как Сталин, заложив правую ладонь под отворот френча, то есть кителя, любил покрасоваться перед строем и так же, как вождь народов,

многозначительно и с расстановкой выдавал, как истину в последней инстанции, вполне обычные армейские установки. Как говорится, от великого до смешного один шаг.

Хотя ростом Годулянт не вышел, зато говнюком был изрядным, много попил он кровушки солдатской.

Так вот, этот самый Годулянт решил посвятить себя делу перевоспитания этого самого пресловутого Персика. Решил делать это весьма основательно. Для начала он стал доверительно говорить с ним за жизнь по душам, пытаясь вызвать того на откровенный разговор, чтобы понять мотивы такого поведения Димы. Так, наверное, учили его в военном училище, когда пекли из него замполита.

Диме это не шибко понравилось. С чего это какой-то замполит, к которому он не испытывал никаких симпатий, удумал поковыряться у него в душе? Поэтому Персик решил не терять бдительность и держать того на дистанции.

Но когда в октябре Годулянта отрядили в Москву за очередным призывом, Персик подошел к нему с грустным видом и печальным голосом спросил замполита:

- Товарищ лейтенант, могу я обратиться к Вам с просьбой?

- Смотря с какой. Но если это в моих силах, то я постараюсь его выполнить – обрадовался Годулянт возможности хоть как-то найти контакт с Персиком.

- Я слышал, Вы едете в Москву. Понимаете, не знаю почему, но уже больше месяца я не получаю от моей девушки писем. Я так беспокоюсь, может кто-то другой у нее появился или серьезно заболела? Она живет рядом со станцией метро Студенческая. Не можете ли Вы к ней заехать на пару минут, узнать, в чем дело и передать от меня букет цветов, я Вам денежек дам.

- Конечно Дима, я постараюсь обязательно увидеть твою девушку и узнать, что с ней случилось. А деньги спрячь, цветы за мой счет.

- Большое спасибо, товарищ лейтенант.

Через неделю Годулянт вернулся в часть с новым пополнением. На Персика он старался не смотреть. Но на вечерней поверке он все-таки не выдержал и прохаживаясь перед строем выдал:

- Персик, ты отныне у меня на особом счету, у меня на тебя вырос большой, нет огромный зуб. Больше ко мне с просьбами никогда не обращай. Все понял?

- Понял, товарищ лейтенант – Персик еле сдерживал смех – Но Вы знаете, а ведь говорят, что чем больше зуб, тем легче его выбивать.

От такой наглости Годулянт потерял дар речи. Позабыв распусть роту на отбой, он стремительно прошел к себе в кабинет, громко хлопнув за собой дверь. И долго в тот вечер замполит оттуда не показывался.

На неудоменные вопросы друзей Персик загадочно молчал, а Миرونу позднее, по секрету, рассказал, что решил разыграть Годулянта и дал адрес одной своей знакомой разбитной женщины, которая когда-то в его юные годы мимолетно преподавала ему несколько уроков секса. Как оказалось, она давно уже была замужем, но очень обрадовалась, что ее не забыли поклонники, раз милый Дима, которого помнила довольно смутно, будучи в армии прислал ей через офицера цветы. Сам Годулянт, приехавший с букетом по указанному Персиком адресу, сразу понял, что его разыграли, как только он увидел эту шикарную мадам и ее мужа Стасика. А девушка Персика, как строчила ему письма чуть ли не через день с самого первого дня его службы, так и строчила еще целых полгода, что для большинства солдатских девушек уже было подвигом.

Пошел ты на х... .

История с цветами имела своеобразное продолжение. Узвленное самолюбие маленького наполеона не давало ему покоя. Годулянт стал вымещать зло на личном составе третьей роты, на всех подряд. Стал придирается по мелочам, замучил всех построениями и поверками.

Он так стал доставать, что однажды каптерщик Сидоренко, который уже готовился к дембелю, не выдержал и послал его на х... . Годулянт взвился как ужаленный и потащил того в штаб. Здесь он написал рапорт о случившемся, стал требовать строжайшим образом наказать солдата, который так оскорбил офицера Советской Армии. А Сидоренко, глядя на начальство честными глазами, стал всячески все отрицать, благо свидетелей не было. Да и начальству не очень хотелось разбираться в этой солдатско-офицерской склоке и выносить сор из избы, чтобы потом не склонял кто ни попадя из вышестоящего начальства и не портил показатели. Поэтому оно предложили Годулянту самому разбираться с дерзким солдатом в рамках роты.

Уязвленный таким отношением командования части к его офицерскому достоинству, он помчался в политотдел Спецстроя, за поддержкой. Но и начальник политотдела отнесся к ситуации не в пользу Годулянта, мол сам должен разбираться, а не бегать по начальству с жалобами. Годулянт продолжал настойчиво требовать защитить честь и достоинство офицера Советской Армии и проведения всех необходимых процедур для наказания солдата Сидоренко, а заодно написал заявление в прокуратуру.

В роту зачастили представители политотдела Спецстроя, которые стали прессовать Сидоренко и Годулянта по полной программе. Но первый упрямился до последнего, не хотел признаваться в своем проступке, а второй настаивал на наказании Сидоренко. Это продолжалось до тех пор, пока стороны конфликта не сошлись на следующем: Сидоренко признается, что послал на х... замполита роты лейтенанта Годулянта, попросит у него прощения перед всей ротой и тогда Годулянт не будет иметь к нему претензий.

И вот Сидоренко, которому очень не хотелось отправляться в дисбат вместо такого близкого увольнения на гражданку, в присутствии представителя политотдела, перед строем личного состава третьей роты заставил из себя выдать:

- Товарищ лейтенант, прошу извинить меня за то оскорбление, которое я Вам нанес своими словами. Очень сожалею об этом и даю слово, что больше этого никогда не повторится.

- Так ты признаешься, что позволил себе послать меня всем известным матерным словом из трех букв?

- Да, признаю.

- Хорошо, лично я принимаю твои извинения — а дальше, к изумлению всех присутствующих, в том числе и гонца из политотдела, продолжил - Но я не знаю, что в отношении этого решит военная прокуратура, я ведь им не указ.

Годулянт рассчитал все правильно. Он перед всеми добился признания от Сидоренко, который впоследствии сильно пожалел об этом, в нанесении ему оскорбления. В то же время Годулянт сдержал свое слово и, как договаривались, простил тому его проступок. Но последней фразой он ничего не изменил в участи самого Сидоренко, которому по прежнему продолжал светить дисбат. Ведь теперь Годулянт действительно представил прокуратуре доказательство вины Сидоренко, которая в этой ситуации уже не могла бездействовать, если только сам Годулянт не напишет заявление об отсутствии у него претензии к Сидоренко.

Больше всех негодовал начальник политотдела Спецстроя. Он пригрозил Годулянту, если тот не спустит все на тормозах, задержкой с представлением его к очередному офицерскому званию. В ответ Годулянт заявил, что он оставляет за собой право обратиться к защитнику всех несправедливо гонимых офицеров, к председателю КГБ СССР Андропову Юрию Владимировичу. Короче говоря, нашла коса на камень.

В конце концов, Годулянт вынужден был написать отказное заявление в прокуратуру, а начальник политотдела Спецстроя лично, для поддержания авторитета замполита, вручил Годулянту погоны старшего лейтенанта перед строем личного состава третьей роты. А не верящий в свое счастье Сидоренко забрался в кузов УРАЛа, который умчал его от всего этого кошмара вместе с другими дембелями на аэродром.

Выдача спецпошивов. Шуба Годулянта.

В середине сентября температура упала ниже нуля градуса. Уже давно всем заменили пилотки, которые удалось поносить всего лишь три недели, на привычные шапки. А в начале октября старшины получили на складе для ушанов новенькие спецпошивы. На каждом из них, с задней стороны воротника, раствором хлорки вывели фамилию каждого ушана, чтобы деды не позарились на обнову. Старшины бдили за этим строго, время от времени строили всю роту в спецпошивах, заставляли поднимать воротники и идентифицировали их владельцев. Иногда кое кто из дедов попадался на подмене, но плут всегда выходил из ситуации сухим, говоря с невинным видом, что мол случайно в сушилке надел не свой спецпошив. Заканчивалось это тем, что новый спецпошив возвращался к его законному владельцу.

Но все равно некоторым ушанам достались не новые спецпошивы. А происходило это по воле самих старшин. Они находили где-то на стороне более или менее сносные на вид ношенные спецпошивы, выписывали на их воротниках фамилии наиболее безобидных и забитых ушанов, а новые спецпошивы становились собственностью уже неизвестно кого, но только не солдат.

Грешил этим и старшина третьей роты прапорщик Войтович, но и не только этим. Он любил на вечерней поверке, чаще всего в подшофе, по отечески грозно наставлять личный состав на образцовую службу. При этом нередко, проходя вдоль строя, подкреплял свои наставления, опять таки по отечески, весьма болезненными тычками своей неслабой прапорщицкой рукой по причинным местам стоящих по стойке смирно солдат. Последние с болезненной миной, маскируя ее вымученной улыбкой, хватались за свои соколовища, что очень веселило старшину. Вот такие были вечерние забавы.

Время от времени Войтович, будучи в хорошем расположении духа после принятия на грудь изрядной дозы, любил хвастать перед дедами своими молодецкими подвигами периода молодости, подкрепляя слова демонстрацией многочисленных шрамов на своем торсе, якобы нанесенные его недругами ножами в драках.

Был у него и другой бзик. В отличие от старшин других рот, он всегда держал запертым бытовку, где солдаты должны были подшивать подворотнички, стричься и гладить свое обмундирование после стирки. Никто понятия не имел, для чего он это делает, все терялись в догадках. Просто запирал и все.

Одним из бедолаг, кому Войтович выдал старый спецпошив, был солдатик Вьюгин, призванный из Москвы. Вьюгин был немного неадекватен, просто диву даешься, как он мог пройти перед призывом медкомиссию, тем более в Москве. Таким теперь ставят диагноз - аутизм. Когда ударили настоящие морозы, то бедный Вьюгин стал нещадно мерзнуть в стареньком спецпошиве.

Однажды, когда в очередную метель часть строем двигалась на службу по бетонке, вконец окоченевший Вьюгин, незаметно для всех, выпал из строя и забежал погреться в первое из попавшихся на его пути здание, как потом оказалось, в штаб командования Спецстроя. Некоторое время, пока он тулился у чугунной батареи отопления, никто его не замечал, пока проходивший мимо начальник Спецстроя не обратил внимания на этого несуразного солдатика. Он решил выяснить, кто он такой и что он здесь делает. Вьюгин, с детской непосредственностью, рассказал ему, что в старом спецпошиве ему холодно на морозе, а потому он зашел погреться. Вот сейчас немного согреется и пойдет туда, куда ему положено.

Начальник Спецстроя, который был весьма далек от нужд и чаяний солдат, так как он был скорее начальником большого производства, чем армейским командиром, был поражен рассказом Вьюгина и приказал разобраться с обеспечением солдат соответствующей зимней экипировкой.

Почувяв неладное, старшина Войтович, вместо старых спецпошивов, быстро выдал Вьюгину и другим страдалцам новые. Откуда ни возьмись, из недр старшинской

каптерки появились новые теплые шерстяные портянки и замечательные меховые рукавицы, вместо тонких пехотных трехпалых варежек. Проверка выявила только мелкие нарушения. На этот раз пронесло.

А замполиту Годулянту на складе нашлась новая черная блестящая шуба. По словам завсклада, эта шуба валялась там неизвестно сколько времени, так как была на очень миниатюрную фигуру и претендентов на нее до сих пор не было. А Годулянту она оказалась впору, сидела как влитая. Ему самому шуба очень нравилась. Во первых, редкий размер и если специально задаться целью, то навряд ли можно другую такую найти. Во вторых, она действительно замечательно на нем смотрелась. Годулянт очень любил в ней красоваться перед строем и редко менял ее на шинель, а тем более на банальный спецпошив. Это было заметно всем.

Тем временем, теперь уже старший лейтенант, Годулянт продолжал доставать всю роту. Последние события с Сидоренко только усилили его самооценку и наполеоновские замашки. Особую нелюбовь у него вызывал портной-закройщик Кузенков, который унаследовал от дембеля Сидоренко должность каптерщика. Видимо одно слово каптерщик вызывало у него изжогу. Цеплялся он к Кузенкову по любому поводу.

Как-то раз вечером Годулянт имел неосторожность оставить свою замечательную шубу в канцелярии роты и ненадолго отлучиться в штаб. Вернувшись назад, он провел вечернюю поверку, затем, зайдя в канцелярию, облачился в свою шубу и отправился к себе в домой. Как только он вышел на улицу, ветер подхватил полы шубы и как-то неестественно разметал их. Приглядевшись, Годулянт к своему изумлению обнаружил, что левая пола его шубы имеет дополнительный разрез, от самого низа и почти до пояса.

Быстренько вернувшись назад в казарму, он поднял уже засыпавшую роту из постелей, построил ничего не понимающих солдат в одних кальсонах и стал выяснять, кто заходил в его отсутствие в канцелярию и порезал ему шубу. Не без оснований, больше всех он подозревал в этом каптерщика Кузенкова. Но учитывая горький опыт своего предшественника Сидоренко, Кузенков ни в тот вечер, ни в последующие дни, как его не уговаривало начальство признаться во вредительстве, не раскололся. Так этим все и закончилось. Пришлось Годулянту облачиться в свою шинель, а в морозные дни в заурядный спецпошив, так как другой шубы такого же размера в гарнизонных складах больше не оказалось.

Письмо прокурору.

После истории со старыми спецпошивами, старшина Войтович совсем озверел. Он стал придираться к любой мелочи и раздавать направо и налево наряды вне очереди. В трезвом и нетрезвом состоянии старшина стал устраивать бесконечные построения и проверки и, якобы в шутку, непременно применял рукоприкладство по промежностям солдат, а иногда и под дых, отчего некоторые бедолаги с выпученными глазами просто стекали по стене. Рота стонала.

Теперь трудно сказать, кому из солдат первому пришла в голову мысль написать письмо в областную прокуратуру, так как местная все опять спустила бы на тормозах. Инициативная группа, примерно человек пять во главе с Персиком и Мироном, в свободное время стала собираться в Красном уголке роты и составлять письмо с подробным описанием несправедливых деяний Войтовича. Когда письмо было готово, его набело переписал Персик, у которого был изумительно красивый каллиграфический почерк. Даже заглавные буквы в начале абзаца он выписывал виньеткой.

Теперь была другая проблема, как это письмо переправить на материк. Было известно, что ни одно солдатское письмо без проверки военных цензоров не уходило на

материк. А письмо, адресованное в областную прокуратуру, тем более не имело шанса уйти дальше части. Командование части во всем постаралось бы само разобраться, не вынося сор из избы и спустить все на тормозах. Кто-то отделался бы выговором, а инициаторов написания письма прижали бы и на этом все закончилось бы.

Среди осенних дембелей был солдат по фамилии Файзаханов. Он отличался спокойным характером, добрым отношением к сослуживцам, заслуженно пользовался их уважением. Было решено отрядить Мирона и Персика на переговоры с ним с просьбой вывезти это письмо, спрятав его среди старых писем из дома, а в Архангельске вложить его в конверт, написать на нем адрес прокуратуры и бросить в почтовый ящик. Файзаханов долго тянул с ответом, но за день до отъезда согласился выполнить просьбу. Его Войтович тоже сильно достал.

С тех пор прошло полтора месяца. Ничего не происходило. Все уже сочли, что Файзаханов сдрейфил и выбросил письмо по пути на аэродром. Но через два месяца, неожиданно для командования части, в третью роту нагрянули сотрудники прокуратуры и политотдела полигона. Они удалили из казармы все ротное командование, засели в канцелярии и стали по одному вызывать солдат и до мелочей выпытывать у них подробности о жизни в роте, особенно их интересовал старшина Войтович.

Как впоследствии оказалось, Файзаханов все-таки отправил письмо по назначению. Но при этом непонятно почему, но он на прощанье сообщил о нем сопровождавшему дембелей до Архангельска прапорщику из части. Таким образом, когда нагрянула проверка, о причастности Мирона, Персика и других ребят к этому письму стало известно от этого прапорщика командованию части. Появился повод для беспокойства. Но Персик принял неожиданное для всех ребят решение. Он объявил своим друзьям:

- Мужики, не дрейфьте. Я все возьму на себя. Во первых, на письме мой почерк, так что отпираться мне будет бесполезно. Во вторых, если уж говорить серьезно, то в этой ситуации мои родители не дадут меня в обиду, у них есть много влиятельных друзей, в том числе главный редактор газеты Правда. Он член ЦК КПСС. Так что если что, мы еще посмотрим кто кого.

Собранные проверкой материалы полностью подтвердили факты, изложенные в письме в прокуратуру. Разразился скандал. Никто еще не выносил так широко на суд высокого командования всю эту неприглядную сторону солдатской жизни. Было принято решение, ничего не заминать и показательно наказать Войтовича. Над ним состоялся офицерский суд чести. Солдатам не сообщили об этом и о принятом на этом суде решении, но оно, видимо, было настолько действенным, что Войтович с тех больше не позволял себе ничего, от чего раньше так страдали солдаты третьей роты.

Если офицерский состав части воспринял суд над Войтовичем в целом положительно, их оскорбило такое позорящее военного поведение, то прапорщики в части с тех пор возненавидели Мирона с Персиком.

ЗИМА. ГОД ПЕРВЫЙ.

Северное сияние.

В начале ноября наступила настоящая зима. Солнце лишь ненадолго показывалось из за горизонта. Ударили нешуточные морозы.

Но перед этим, в конце октября, стояли хотя и морозные, но очень погожие дни. По ночам на небе стало появляться северное сияние. Чистейший морозный воздух пропускал свет даже от самых далеких и маленьких звезд. На безоблачном небе их было видно невооруженным глазом значительно больше, чем на Большой земле, мириады. Все небо было усыпано звездами, а Млечный путь казался следом от реактивного самолета, пролетевшего на большой высоте.

И вдруг среди этой пронзительной ночной тишины, кто-то в мгновение ока невидимой рукой из далекой черной космической бездны опустил в тропосферу Земли замысловато изогнутую, гигантскую невесомую вуаль, окрашенную во все цвета радуги. Время от времени этот кто-то невидимый начинал дуть на эту вуаль и она быстро начинала колыхаться от одного края горизонта до другого, переливаясь самыми фантастическими красками. Казалось, что даже слышен легкий шелест колыхающейся от этого дуновения вуали, хотя на самом деле в это время стояла абсолютная тишина. Зрелище было фантастическое, но полностью описать его словами невозможно. Чтобы представить себе северное сияние и оценить его непередаваемую красоту, нужно обязательно самому его увидеть.

Но любоваться северными сияниями пришлось недолго. Морозы крепили, в огромных количествах начал валить снег, время от времени стали свирепствовать метели.

Впервые в жизни многие увидели такое явление, как световые столбы. Обычно территории всех частей и окрестности гарнизона всю зиму, постоянно освещаются различными прожекторами и лампочками. Их свет от отражателей всегда направляется вниз, на площадку плаца, дороги, дорожки и т.д., а не вверх, что было совсем ни к чему. Но когда морозы начинали крепнуть, а это обычно происходило в антициклон и поэтому метели затихали, над любым источником света, высоко вверх, поднимались световые столбы. Чем мощнее были прожектор или лампочка, тем мощнее и выше были световые столбы. И это был не оптический обман, а настоящий световой луч, направленный вверх, так как, если в это время шел снег, снежинки высвечивались в этих световых столбах. Какова природа появления этих световых столбов, никто вразумительно не мог объяснить. Но появление этих столбов однозначно указывало, что нужно ждать нешуточных морозов.

Обычно в сильные морозы было очень сухо и безветренно. Даже в сорокоградусный мороз бывалые солдаты прогуливались по расположению части, ходили в столовую без спецпошивов, в одних хэбешках и шапках, засунув руки в карманы брюк. И это было в порядке вещей, тонкая прослойка сухого воздуха между одеждой и телом хорошо спасала привыкших к холоду солдат. Главное, чтобы ктонибудь случайно не прижал кому то его раскаленную морозом одежду к телу, тогда эффект был сравним с ожогом, как от раскаленного до красна утюга. Некоторые иногда делали это нарочно, ради забавы.

Самая низкая температура, за время службы Мирона, была зафиксирована в районе минус пятидесяти трех градусов. В эти морозные дни командование благоразумно решило, не выводить личный состав, кроме групп живучести, на службу.

В сильные морозы нелегко было тем, кто носил очки. При длительном пребывании на таком морозе, обязательно надо было экипироваться по полной программе. Валенки, меховые рукавицы, ватные штаны, шапки с завязанными под подбородком ушами, поднятый воротник, надетый на голову капюшон и поднятый до самых глаз сопливчик спецпошива. При этом влажный выдыхаемый воздух выходил из под сопливчика на уровне глаз, отчего на ресницах и бровях, а если человек носил очки, то и на очках, вырастали густые заросли инея. Очкарикам, время от времени, приходилось чистить от этого инея стекла очков. Один раз у Мирона, при морозе под минус пятьдесят градусов, от прикосновения к стеклам очков пальцев руки, они мгновенно треснули в результате локального теплового расширения.

Совсем некомфортно становилось, когда приходил циклон с запада, принося с собой влажный воздух с Гольфстрима. Сочетание высокой влажности и небольшого, по северным меркам, двадцатиградусного мороза давал губительный эффект. Любая маломальски открытая часть тела, незаметно для его обладателя, быстро начинала белеть, обмораживаться. Будь то нос, щеки или нечаянно оголившаяся часть руки между рукавом спецпошива и рукавицей, ничего не щадил мороз. Поэтому, в такие дни надо было особенно бдительно, вовремя замечать начало процесса обморожения, подсказывать другим об этом, если они этого сами не замечали. Надо было сразу растирать побелевшие места, затем прикрывать их чемнибудь и отогревать.

Одновременно с глубокой зимой пришла и полярная ночь, которая длится с семнадцатого ноября по двадцать шестое января. И хотя в отношении сна, по сравнению с полярным днем, все было более или менее в порядке, более чем двухмесячное отсутствие солнца наводило жуткую тоску. Только в полярную ночь человек начинает ценить ежедневное появление солнца на небосклоне, которое для большинства жителей планеты является неперенным обязательным атрибутом повседневной жизни и принимается как данность, которая никогда и никуда не денется. А посему, они даже не задумываются о значимости этого явления в своей жизни, просто будет завтра, будет и день с солнцем. На крайнем севере первое недолгое появление солнца над горизонтом, после долгой полярной ночи, воспринимается людьми как большой праздник, чуть ли не как начало новой жизни.

Новый год. Патруль в ДОФ.

Приближался Новый год. Все ждали его с нетерпением. В штабе царила предпраздничное оживление. Гражданские, которые в основном состояли из женщин, получали от командования части поздравления и подарки, в радостном возбуждении обсуждали детали предстоящей встречи Нового года.

Это возбуждение передалось и солдатам. Большинство безнадежно мечтало о возможности чокнуться бокалами с веселящим напитком под бой курантов, другие предпринимали для исполнения этой мечты конкретные действия. Кто-то добывал в столовой дрожжи для браги, кто-то уже заранее припас флакушки с одеколоном, а кто-то упрасивал своих гражданских знакомых приобрести им спиртное в магазине гарнизона.

Дима Персик через своих хохлов раздобыл поллитра питьевого спирта. До поры до времени он хранил его у хохлов. Но встал вопрос, а где его спрятать в роте накануне Нового года?

Дело в том, что командование знало, что всегда кто-то из личного состава обязательно попытается раздобыть спиртное и тоже весело отметить встречу Нового года. Поэтому каждый год, тридцать первого декабря, сразу после обеда офицеры и прапорщики проводили полный шмон в казармах, ни одно самое укромное место не оставляли без внимания. Как саперы, они с щупами в руках обследовали каждый сантиметр сугробов вокруг казармы. И действительно, почти всегда они обнаруживали что-то из выпивки.

Затем, до самого отбоя, после встречи Нового года, и после него, никому не разрешалось отлучаться из казармы.

Обо всем этом рассказали накануне старики. И теперь оказалось, что помимо решения вопроса приобретения спиртного, надо думать о том, как обеспечить доступ к нему в нужный момент. Задача оказалась не простой. Тут требовался нестандартный и весьма неожиданный подход.

Предложений было много, но все они не отличались оригинальностью. Неожиданно Мирона осенило:

- Эврика! – и он выдал идею.

Надо спрятать бутылку на самом видном месте, прямо под самым носом у начальства. Тогда есть шанс уберечь его от бдительного ока начальства и получить быстрый доступ к ней, когда необходимо.

У любой казармы всегда есть два выхода, парадный, спереди и запасной, сзади. Они никогда не запираются на ключ, на случай пожара, их всегда тщательно, силами нарядчиков, очищают от снега. Но обычно на чистом крыльце, на месте примыкания его к стене казармы, всегда наметает тонкий слой снега, сантиметров десять, такая небольшая узкая полосочка, с которым бесполезно бороться. Только уберешь его, а через пять минут опять наметает. Так вот, Мирону пришла в голову мысль положить в эту полосочку снега

бутылку со спиртом, припорошить сверху снежком и разровнять его. Как будто бы, так и было. Сказано, сделано.

Судя по тому, что в результате послеобеденного прочесывания начальством в казарме и вокруг него, среди обнаруженных алкогольных изделий бутылки со спиртом не оказалось, фокус удался.

На предновогоднем ужине царило оживление. Перед каждым солдатом на столе стояла тарелка, на котором красовались картофельное пюре и самая настоящая котлета с подливкой. Многие уже забыли, как она выглядит. Рядом с тарелкой, вместо привычной ложки, лежала вилка. Это тоже был сюрприз. И еще каждому солдату дали по яблоку и, вместо положенного по праздникам половины пачки печенья «Юбилейное», пачку вафель.

Командир части майор Казаков, в сопровождении начальника штаба капитана Либровского и замполита части капитана Павлова, пришел в столовую, поздравил личный состав с наступающим Новым годом, пожелал все, что полагается в этих случаях и триумвират уехал домой к своим семьям.

Длился праздничный ужин непривычно долго, минут тридцать, никто особо не торопил. Затем всех построили, привели в казарму, провели очередную поверку и дали разрешение на просмотр по телевизору «Голубого огонька». У телевизоров уселись в основном старослужащие, а ушаны разбрелись по своим койкам, чтобы улечься, забыться и наконец-то выспаться вволю.

В этот вечер в третьей роте, на всю ночь, остался дежурить замполит Годулянт. Он регулярно делал обход по казарме, зорко оглядывал все и всех вокруг. Не дай бог, чтобы ктонибудь посмел продолжить празднование уже со стаканом в руке.

Без нескольких минут двенадцать Мирон, Персик, Говорок и еще двое близких им по духу ребят по одному, с полотенцами в руках, потянулись в умывалку, а из него в темный коридор, ведущий в уборную. Когда по телевизору забили куранты, Говорок быстро открыл дверь запасного выхода из коридора на улицу и не выходя, пошарил рукой в снегу у стены на крыльце. Бутылка со спиртом была на месте. Мирону вручили эмалированную кружку, которую утащили с праздничного ужина в столовой.

Говорок быстро откупорил бутылку, взболтнул содержимое и налил в кружку примерно сто граммов спирта:

- Ну ладно. С Новым годом. Давай.

- С Новым годом – Мирон выдохнул и разом опрокинул в себя содержимое кружки.

Было такое ощущение, что вместо спирта в кружку налили расплавленный металл. А все потому, что на улице стоял мороз минус сорок градусов. За полдня, под тонким слоем снега, спирт остыл до такой же температуры. И эффект от такого ледяного спирта был просто обжигающим. Пока жидкость достигла желудка, она по пути четко обозначила все контуры пищевого тракта. Глотка, пищевод, желудок стали как бы стеклянными, инородными телами.

- Ну что, все нормально, годится? – остальные выжидательно смотрели на Мирона.

Ни выдохнуть, ни вдохнуть. В ответ удалось только кивнуть головой.

Толик быстренько налил следующему сто грамм, которые также быстро отправились по назначению. И так каждый по очереди. И гробовая тишина.

А затем у всех в желудках мгновенно вспыхнул пожар, а в головах сорвало все координаты и накрыло теплой приятной волной.

Когда наконец удалось выдохнуть, все ринулись в умывалку за глотком холодной воды. Разведенный водой в желудке спирт с удвоенной силой принялся за свое дело и пятерка впала вообще в блаженное состояние. Решили, что теперь можно пойти посмотреть «Голубой огонек». Но долго усидеть перед телевизором не удалось, начало развозить и непреодолимо клонить в сон. Под удивленные взгляды старослужащих, пятеро пьяненьких молодых, от которых разило за три версты, отправились спать.

Наутро Годулянт построил роту и прохаживаясь вдоль строя, грозно выдал:

- Вчера некоторые товарищи все же пошли на нарушение запрета на употребление спиртных напитков. Я знаю персонально каждого, кто это сделал.

Вся пятерка молодых и еще несколько дедов, которым тоже удалось весело отметить Новый год, напряглись. Видимо ночью замполит прошелся по роте между кроватями и принимался к дыханию спящих солдат.

Но надо отдать должное этому церберу, не все человеческое в нем умерло окончательно, потому что в следующий момент он продолжил:

- Но сегодня, раз они сумели вопреки нашим стараниям сделать это, ради такого праздника я не буду никого из них называть и наказывать. Но если ктонибудь, начиная с этого момента, будет уличен в пьянке, то пощады не ждите.

В этот день, после обеда, Мирона вызвали в штаб в парадной форме. Впервые за службу нарядившись в китель и шинель, Мирон отправился в штаб. В штабе его ожидали Колбин Эдик и молоденький лейтенант со второй роты. Всем троим выдали красные повязки с надписью «Патруль» и отправили дежурить в Гарнизонный дом офицеров на праздничном вечере.

Дом офицеров сверкал праздничными огнями. В фойе стояла наряженная елка, доставленная самолетом с материка. Играл вокально-инструментальный ансамбль.

Народу было не протолкнуться. Здесь были и галантные офицеры в отутюженных парадных формах, одни в черных морских, другие в армейских, и много народу в гражданских костюмах, иногда ведь хочется отдохнуть от надоевшей военной формы. Но больше всего привлекали внимание представительницы прекрасного пола. Это наверно единственный праздник в году, когда им можно было сбросить с себя ненавистный новоземельский унисекс и, не ограничивая полета своей фантазии, нарядиться в самые смелые наряды, соорудить на голове невероятные прически, нанести фантастический макияж и блеснуть всем этим перед окружающими. Знакомые мужчины смотрели на них совсем другими глазами, не ожидали, что рядом с ними изо дня в день находятся такие шикарные красавицы.

Чуть ли не открыв рты, рассматривали их Мирон с Эдиком, пока не вернулся лейтенант с майором, начальником Дома офицеров, к которому ушел за распоряжениями. С недоумением посмотрев на Пата и Паташонка, неужели не могли прислать кого-нибудь попримечнее, майор повел их на второй этаж, указал на дальний диван рядом с огромным чучелом белого медведя и сказал ждать дальнейших распоряжений. На самом деле Мирон и Эдик действительно представляли собой довольно таки комичную пару. Один, небольшого роста, другой, высокий, оба худые и в очках. С того места, где стоял диван, не было видно, что происходило в фойе, а так хотелось полюбоваться красивыми женщинами.

Прошло достаточно много времени, патруль успел даже немножко подремать под музыку, доносящуюся снизу, как неожиданно раздалась команда:

- Патруль, быстро ко мне!

Вскочив с дивана, патруль, гремя сапогами, помчался на первый этаж. Оказывается, в это время в фойе, разбушевываясь подвыпивший морской офицер, кап три. Он был достаточно крепкого телосложения и тщетные попытки майора обуздать его и вывести из ДОФа были тщетны. Майор без особой надежды скомандовал:

- Патруль, я приказываю Вам задержать этого человека.

Пьяный дебошир, с усмешкой посмотрев на Мирона с Эдиком, со словами:

- Это что, это они меня будут задерживать? – двинулся на них, с явным намерением схватить за шиворот и чтонибудь с ними сотворить. Публика в фойе разом притихла.

Мирон с ходу поймал правую руку моряка и дернул его на себя, отчего тот провалился мимо него вперед. Когда моряк при этом поравнялся с Мироном, он просто

наступил сапогом ему сзади под колено, отчего тот припал этим самым коленом к полу. Одновременно он завел руку кап три ему за спину и взял кисть на излом. Тут подоспел Эдик и нейтрализовал другую, левую руку моряка. Сгоряча и под воздействием алкоголя, кап три не почувствовал боли в кисти, он попытался подняться с колени и освободить руку. Но как только стоило заломить кисть посильнее, как его лицо тут же исказила гримаса боли и он перестал сопротивляться. Держа всего лишь одной рукой коленопреклоненного дебошира, Мирон вопросительно посмотрел на майора.

Тот не веря своим глазам, что какой то солдатик так запросто скрутил взрослого офицера, растеряно сказал:

- Я сейчас вызову дежурную машину. Отвезите его на гауптвахту, пусть там комендант разбирается.

Поверженный кап три больше уже не пытался сопротивляться, насупившись, молча оделся и в сопровождении патруля пошел на выход по проходу, который образовали гости Дома офицеров. Одна из женщин, пораженная, как изящно был усмирен возмутитель спокойствия, захлопала в ладоши вслед патрулю, другие не преминули поддержать ее.

Всю дорогу кап три мрачно молчал и только когда его передавали дежурному по гауптвахте, к тому времени он успел несколько протрезветь, сказал Мирону с некоторой долей уважения в голосе:

- Ну, ты можешь!

Передав кап три на гауптвахту, патруль вернулся в расположение части.

Варианты. Группа живучести.

А зима шла своим чередом. Погода преподносила сюрпризы за сюрпризами. По большей части всегда хозяйничали метели, приправленные изрядной долей снежных зарядов. Но при этом морозы запросто могли кратковременно смениться чуть ли не на оттепель, Гольфстрим время от времени давал о себе знать.

Сразу после Нового года неожиданно пришел атомный ледокол «Арктика» и располовинив лед в заливе, доставил к причалу дизель-электроход усиленного ледового класса «Сомов», с грузом строительных материалов. Опять стройбатовцы в метель разгружали его круглые сутки.

Обычно метели больше всего свирепствуют в феврале и марте. Но как только разгрузили транспорт и он в сопровождении «Арктики» отошел от причала, а это происходило в середине января, как резко поднялся ветер и по гарнизону объявили о приближении первого варианта.

На Новой Земле штормовое предупреждение называют вариантами. Этих вариантов бывает три. Вариант три, это когда ветер свыше двадцати пяти метров в секунду и детей в школу не пускают. Вариант два, ветер свыше пятидесяти метров в секунду, взрослым ни в коем случае нельзя находиться на улице. Вариант один, ветер свыше семидесяти пяти метров в секунду, абсолютно никому нельзя быть вне помещений.

На этот раз действительно приближался первый вариант. Об этом свидетельствовало уже то, что отправляясь на обед, когда этот вариант еще был на подходе, третья рота в полном составе умудрилась сбиться с бесчисленного раз хоженного маршрута длиной в сто метров и промахнуться мимо столовой, шириной в пятьдесят метров. В результате более ста стройбатовцев без спецпошивов, в снежной пелене, организованным порядком ушли в тундру через створ, шириной пятнадцать метров, между столовой и казармой второй роты. Кто-то вовремя понял, что столовая не может находиться так далеко и рота по своим следам вернулась назад на плац, после чего повторно прицелилась и кое как добралась до входа в столовую. А то могло случиться ЧП вселенского масштаба, целая рота замерзшая в тундре.

А в это время в части формировали группы живучести из специалистов на особо важные объекты, в число которых входили БРУ и КДС. Экипировали группы живучести

по полной программе, выдали продуктовые пайки на неделю: проспиртованный хлеб, запечатанный в полиэтиленовый пакет, тушенку, невиданные ранее рыбные консервы из очень старых запасов, чай, сахар, сгущенку. Посадили всех на УРАЛ, в том числе и Мирона, дали команду на выезд. А куда ехать, если через лобовое стекло водитель, в свете фар, ничего не видел дальше трех метров от капота автомобиля, кроме бешено летящих в горизонтальном направлении крупинок снега.

Ответственным за доставку групп до объектов живучестей был назначен замполит части капитан Павлов. В этих условиях он решился на неординарный шаг. Выскочив из кабины УРАЛа, будучи в шинели и ботинках, лишь только завязав уши шапки под подбородком, он побежал впереди автомобиля, полагаясь лишь на свою интуицию, а заодно ногами нащупывая дорогу, показывая собой путь водителю. И так два с половиной километра по заметенной бетонке в сильнейшую метель, но поставленную задачу он выполнил.

Внутри БРУ было непривычно тихо, все механизмы, кроме котлов, были выключены. Только время от времени снаружи гулко доносился шум налетающего на БРУ очередного шквала. Казалось, что под этим порывом массивное кирпичное здание БРУ раскачивается.

Старший по группе живучести сержант Саша Груздь по братски разделил продуктовый паек и все разбрелись по своим службам. Первым делом ребята бросились отсыпаться. Отоспавшись, сообразили из пайка что-то покушать, а затем, под отдаленный шум шквала, снова завалились спать. И так несколько раз, благо старшины Войтовича рядом не было и ничего не ломалось, а потому ничего не надо было делать. Несколько раз прерывалось электроснабжение, тогда наступала крошечная тьма, но каждый раз ненадолго. Видимо группе живучести на дизельной электростанции гарнизона своевременно удавалось устранить все неисправности.

Отоспавшись, Мирон решил навестить остальных членов группы, которые как раз, в это время, собрались у Саши Груздя. Увидев Мирона, они обрадовались, может он поможет решить вопросы, над которыми они уже бились приличное время. Вопрос первый, сколько дней прошло, с тех пор, как их забросили на БРУ? Вопрос второй, если сейчас часы показывают двенадцать часов, то это полдень или полночь? Так как стояла полярная ночь, то выглядывать на улицу, в расчете определить это в соответствии с освещенностью, было бесполезно. Надежды на Мирона не оправдались, он тоже мучался этими же вопросами. Так, ничего не прояснив, все снова разбрелись по своим логовам, но теперь уже мучиться от пересыпания.

Неизвестно сколько времени прошло, но шум непогоды, доносившийся с улицы, вроде бы стал меньше, то ли к нему все уже привыкли, то ли действительно ураган несколько утерпел свой пыл. И тут последовала команда, всем собраться у старшего по группе.

А там за столом восседал начальник ОГМ Спецстроя майор Капканарь, которого сопровождали двое из группы живучести КДСа. Последних майор отправил назад на КДС. Капканарь совершал обход по вверенному ему хозяйству удостовериться, что все группы выживают, как им и положено.

Майор Капканарь был толковым инженером, был он и хорошим командиром для солдат. Всегда внимательно и с пониманием относился к их проблемам, любил поговорить с ними, пошутить на досуге. И в этот раз, удостоверившись, что со всеми все в порядке, никто не голодает, не болеет, он сообщил, что сегодня уже пятый день варианта и сейчас полдень этого дня. Таким образом, группе удалось восстановить временную константу.

Затем, для поднятия духа подчиненных, он рассказал пару забавных баек. Если кампания состоит из мужиков, пускай даже это будет компания из солдат и офицера, то в конце концов, к чему всегда сведется разговор? Ну конечно же, к ним, к прекрасной половине человечества.

Первый рассказ был про него самого, про майора в пору его юности.

В одно лето Капканарь поехал с двумя своими дружбанами отдыхать на выходные в деревню. Там же уже обреталась одна разбитная девчушка, приехавшая с другого города. Конечно же эта троица мигом влюбилась в нее и стала наперегонки добиваться ее благосклонности. Но не тут то было. Оказывается она, для своего юного возраста, была уже очень опытная в вопросах пестиков и тычинок и знала в этом толк. Поэтому эта юная Лолита построила трех друзей по своему разумению и стала развлекаться с ними в свое удовольствие, как ей заблагорассудится. Было даже непонятно, кто кого домогался, ребята ее или она их. В общем, ребят она рассматривала только как объекты для своего сексуального удовлетворения.

А история закончилась тем, что эта ненасытная юная особа сделала ребят обладателями «гнилых кочерыжек», то есть одарила своих партнеров триппером. Но только двоих, кроме самого Капканаря. По его утверждению, по непонятным причинам эта зараза, вопреки всему, миловала его. Как это было возможно, даже трудно себе представить. В ту пору никто не практиковал безопасный секс, до появления СПИДа оставалось еще пятнадцать лет.

Затем Капканарь рассказал о недавних событиях в гарнизоне. Одна известная в гарнизоне искательница приключений, сама того не ведая, привезла с отпуска с материка так называемый французский насморк, в простонародье все тот же триппер.

А в гарнизоне она, по привычке, продолжила крутить шашни с женатыми и неженатыми мужиками. В результате образовалась достаточно большая группа заболевших этой нехорошей болезнью, в том числе и невинно пострадавшие, подхватившие гонорею от своих жен и мужей, имевших связи на стороне. Только скрупулезный анализ множества имевшихся случайных и неслучайных половых связей в этой группе, проведенный врачами госпиталя, выявил первоисточник этой заразы.

Эта история было рассказана майором солдатам еще к тому, что эта любвеобильная особа еще славилась тем, что была очень охоча до молоденьких солдат. Так что им надо было остерегаться ее, как ни сладок был запретный плод.

А затем, в сопровождении Саши Груздя и Мирона, майор продолжил свой путь. На улице ветер действительно немножко убавил свой нор, но все равно дул неистово. Когда троица выбралась на дорогу, то майор Капканарь под очередным порывом ветра, в отличие от провожатых, стремительно заскользил на своих валенках на курсе фордевинд, то есть попутным ветру курсом. Отчаянно пытаясь остановиться, он закричал:

- Ребятки, ловите меня!

Еле догнав набирающего скорость майора, Саша с Мироном подхватили его под руки и тем самым прекратили его несанкционированный побег. Оказалось, что валенки майора, пока он обходил объекты, от многократного выхода на улицу на снег, а затем после очередного захода в теплое помещение, намокли. Когда он вышел из БРУ, то они мгновенно заledenели на морозе, в том числе и снизу. И вот когда майор со снега ступил на дорогу, с которой ветер до льда смел весь снег, он заскользил по ней под порывом, ветра как миленький.

Так под ручки и привели его к пятиэтажному жилому дому, где жил главный инженер Спецстроя. Сдав майора в целости и сохранности главному инженеру, сердобольная жена которого угостила солдатушек вкуснейшими домашними пирожками собственного приготовления, Саша с Мироном отправились в обратный путь.

Учитывая опыт Капканаря с его валенками, теперь уже они, после теплого помещения, были в точно таких же заledenелых и скользких валенках, МIRON с Сашей даже не пытались ступить на дорогу и двигаться по ней против ветра, а шли прямо по сугробам рядом с дорогой, по которым точно не заскользишь.

Через день ветер уже окончательно стих, что было очень кстати, так как еды оставалось совсем немного и группу живучести вывезли назад в расположение части.

На этот раз недельный первый вариант прошел для гарнизона без существенного ущерба. Так себе, обошлось мелочами.

Но не всегда бывало так. Старожилы рассказывали, что несколько лет назад задул первый вариант и так надолго, что уже начались необратимые процессы в поддержке жизнеобеспечения гарнизона, в первую очередь по обеспечению теплом и водой. И тогда женщин и детей со всего гарнизона собрали в здании бассейна, где еще удавалось поддерживать более или менее комфортную температуру, а потом, при первой же возможности, вывезли их самолетами на материк. А потом, дождавшись теплого времени, все лето меняли размороженные радиаторы отопления в домах, трубы тепло- и водоснабжений и еще много чего другого, чтобы опять гарнизон зажил своей привычной жизнью и семьи могли воссоединиться.

А часть в это время гудела, как растревоженный улей. Всех взбудоражила информация о том, что в вариант куда-то пропал караван из атомного ледокола «Арктика» и дизель-электрохода «Сомов». А дело в том, что на ледоколе отправился на место новой службы со всеми своими пожитками уже бывший командир части майор Казаков, с семьей. И вот они вместе с этим караваном тоже пропали.

Но как выяснилось позже, ничего страшного не произошло. Просто вариант вынудил капитана увести атомный ледокол «Арктика», покорителя Северного ледовитого океана, и транспорт «Сомов» переждать непогоду в одну из новоземельских шхер. А что послужило причиной тому, что пропала радиосвязь с обеими судами на целую неделю, то ли разгулявшаяся в это время солнечная активность, то ли высокие скалы вокруг судов – это лишь одному богу известно. Но как только «Арктика» и «Сомов» вышли из шхеры, связь с ними тут же восстановилась.

В эту зиму это был единственный первый вариант. Был еще второй вариант, несколько третьих, но первого варианта больше не было.

Второй вариант случился в начале марта. Длился он всего лишь два дня. Но за это время успел потеряться водитель из первой роты на УРАЛе. Выехал он перед вариантом и пропал. Зная примерный маршрут, по которому он должен был следовать, его в метель искали на ГТСах, но безрезультатно. Затем, когда стихло и выглянуло солнце, построили часть цепочкой в одну линию и фронтом, по полкилометра с каждой стороны дороги, стали прочесывать направление, по которому должен был проехать пропавший. Бесполезно было надеяться обнаружить его по следам от колес пропавшего УРАЛа на снегу в тундре. Под воздействием сильнейшего ветра поверхность снега была так уплотнена и отполирована, что любые следы на ней, если они и были когда-то, то исчезли бесследно. Солдаты могли спокойно передвигаться по этому своеобразному насту без лыж.

Но вот кто-то из солдат, после многочасовых поисков, совсем случайно оглянувшись назад и вдруг заметил, что немного в стороне от дороги, там, где он только что прошел, из под поверхности снега струится легкий парок. Все сперва решили, что там, в снежной берлоге спит белый медведь. Но с другой стороны, не может белый медведь так близко от дороги устроить логово для спячки. Подошли поближе, раскопали это место и обнаружили, что парок идет из лючка кабины пропавшего УРАЛа, который целиком находился под ногами в снегу.

Оказалось, что когда поднялась метель, водитель сбился с дороги и ничего не видя укатил в маленькую ложбинку, которая примыкала в этом месте к дороге, где он и застрял. А затем его вместе с автомобилем стало засыпать и заметать снегом, да так, что эта ложбинка вскоре просто исчезла вместе с автомобилем и на ее месте образовалась ровная поверхность. Вот по ней то, ничего не подозревая, вначале и прошли поисковики. А парок струился из кабины, потому что пропавший водитель время от времени, чтобы не

замерзнуть, жег кусочки старой промасленной ветоши, приоткрыв при этом лючок на крыше кабины, чтобы не задохнуться от дыма.

Надо отметить, что этому водителю сильно повезло. Ведь не оглянись тот солдат и не заметь он ту струйку пара над поверхностью снега, то навряд ли, заживо погребенному водителю, самостоятельно удалось бы выбраться из автомобиля.

Комсомольцы добровольцы.

Наступил период междувластия. Майор Казаков убыл к месту новой службы на ледоколе «Арктика», а новый командир части еще не прибыл, за него его обязанности временно исполнял начальник штаба капитан Либровский. При нем жизнь в части вошла в спокойное русло, все делали свое дело без авралов, суеты и ЧП. Даже стало немножко скучно.

В феврале в часть принесли газеты с известием о вероломном нападении Народной армии Китая на многострадальный Вьетнам. Двое шутников из первой роты решили от скуки, хохмы ради, написать заявления в адрес командования, чтобы их отправили добровольцами в братский Вьетнам.

Из политотдела Спецстроя мигом примчался мичман, разобраться с шутниками. Но эти двое, не моргая и глядя честными пионерскими глазами, сумели убедить в искренности своих помыслов представителя политотдела, о чем тот немедленно доложил своему начальству. И у этого начальства возник закономерный вопрос, если у кого-то проявилась такая сознательность, то почему этих сознательных в части так мало, всего лишь двое из почти четырех сотен? Это непорядок, надо чтобы все написали заявления, чтобы было видно, что вот такие у нас сознательные солдаты. И тогда было дано негласное указание, чтобы все написали подобные заявления. Даже раздали всем чистые листы бумаг и ручки. Так вся часть и записалась в добровольцы. Ни у кого из солдат даже мысли не возникало отказаться от этого, последствия могли быть весьма плачевными. Да никто и не верил, в том числе и офицеры, и представители политотдела, что с Новой Земли, прямым ходом, отправят батальон военных строителей на защиту далекого Вьетнама. Может только если окопы копать. Но удивление такой ход событий вызвал у всех немалый. А самое главное, больше всех были поражены этим те двое шутников, не ожидали они, чем обернется их розыгрыш.

Впоследствии, в этот год, то же самое повторилось в декабре, когда стало известно о введении ограниченного контингента Советских войск в Афганистан. Теперь, уже без всяких шутников, из политотдела пришло указание, чтобы провели комсомольские собрания в поддержку политики партии, и чтобы весь личный состав всех частей написал заявления об отправке их добровольцами в Афганистан. Что было тут же всеми исполнено, правда, опять таки без всякой надежды на его претворение в жизнь. Зато кто-то в политотделе, видимо, был отмечен сверху за отличную работу в деле воспитания сознательности личного состава.

Новый командир части.

В конце февраля временное междувластие закончилось. На утреннем разводе личному составу части представили нового командира части, полковника Крылова.

Выглядел новый командир части очень представительно. Во первых, это был целый полковник, что случается весьма редко для командира части, в состав которого входит всего лишь один батальон. Во вторых, он был по-мужски очень красив. Волосы с благородной сединой, красивые гусарские усы, правильные, мужественные, славянские черты лица, голубые глаза, прямо как какой то герой с киноэкрана.

В этот день стоял крепкий мороз, ниже минус тридцати. Но полковник Крылов был в шинели, сапогах и в шапке с поднятыми клапанами, уши у него были открыты.

- Товарищи солдаты, ефрейторы, сержанты и старшины! – обратился он к личному составу части хорошо поставленным зычным командирским голосом - С сегодняшнего дня я назначен Вашим командиром части. Надеюсь, что под моим командованием Вы честно и добросовестно выполните свой священный долг перед Родиной! – на столь высокой пафосной ноте начал он свою речь.

- Должен Вам доложить, что я очень требователен к солдатам, но если солдат честно несет службу, то я всегда это отмечу. Начальник штаба, кого у нас из солдат можно отметить за хорошую службу?

- Товарищ полковник, у нас таких немало, например рядовой Петров – ответил капитан Либровский.

- Рядовой Петров!

- Я!

- Выйти из строя!

- Есть!

- Товарищи! Вот перед Вами стоит рядовой Петров! Он честно выполняет свой долг перед Родиной. Мы отправим письмо с благодарностью его родителям. А я ему скажу, спасибо сынок за службу и лично поклонюсь ему в ноги – и к изумлению не только солдат, но и всех офицеров части, полковник, встав перед растерявшимся рядовым Петровым, сорвал со своей головы шапку и ударив им оземь перед солдатом, поклонился ему в пояс.

Затем, неспеша подняв шапку и отряхнув его от снега, он продолжил:

- Но если кто-то будет плохо служить, нарушать дисциплину, то такого солдата я где угодно найду – и ошарашив абсолютно всех присутствующих, закончил – и горло ему пережегу.

Наступила мертвая тишина. Но это оказалось не все. За этим последовала длинная тирада с наставлениями, перемежаемая через слово лихо закрученным трехэтажным отборным матом. И чем больше новый командир части ораторствовал, тем больше он заводился. А завелся он еще минут на двадцать. Он не обращал внимания на свои бедные, побелевшие на морозе уши, зато лицо у него стало багровым.

Капитан Либровский стоял с каменным лицом, только желваки на его лице ходили ходуном. А капитан Павлов, отвернувшись, делал вид что сморкается, пряча лицо за носовым платком, но при этом отчего-то у него непрерывно тряслись плечи.

В конце концов осознав, что еще немного и он может навсегда потерять свои уши, полковник Крылов дал команду части к парадному маршу, после выполнения которой, довольный произведенным впечатлением, удалился в штаб.

В тот день в части, среди личного состава, только и было разговору о столь колоритном новом командире части.

ВЕСНА. ГОД ВТОРОЙ.

Неделя сна. Солдат психопат.

Наступил март месяц. Первый календарный месяц весны. Но весной еще и не пахло.

К ежедневным долгим утренним спектаклям, с мат перематом самозаводящегося нового командира части, все постепенно стали привыкать.

Эдик Колбин сообщил Мironу, что начальник санчасти на неделю уехал в командировку на материк и предложил ему госпитализироваться в санчасть на эту неделю, отдохнуть от мирской, то есть от служебной суеты. Повод для госпитализации он придумает.

Грех было этим не воспользоваться, тем более, что на БРУ по электрической части, после многомесячных трудов, все работало как часики и подчиненные Мironа без труда справлялись теперь с этим без него.

Сказано, сделано. Самому Эдику очень хотелось развеяться, пообщаться с Мироном, поиграть с ним в шахматы, а то надоело изо дня в день иметь дело только с больными.

Мирон тоже собирался интересно провести эту неделю в общении с Эдиком. Вечером, после ужина, он пришел в санчасть, немножко пообщался с Эдиком и лег спать уже с сознанием того, что он на целую неделю свободен от жесткого ежедневного распорядка дня и командирского контроля.

Наутро Мирона не смогли разбудить на завтрак, так крепко он спал. И в обед тоже. Вечером Эдик все же добудился до него, ведь помимо сна человек, все-таки, что-то должен еще и есть. Выпив кружку компота и съев немножко хлеба, для вежливости перекинувшись парой фраз с Эдиком, Мирон опять провалился в сон. На следующий день почти все повторилось снова, только удалось покормить его уже два раза, утром и вечером, а все остальное время было отдано сну. Видимо организм понял, что есть возможность отоспаться на всю катушку, снять напряжение, накопившееся почти за год такой нервной жизни. Сработал механизм защиты от стресса и организм воспользовался этим моментом.

Так продолжалось всю неделю и впоследствии нечего было бы вспомнить о времени, проведенном в санчасти, если не одно событие, взбудоражившее всю часть.

На четвертый день пребывания Мирона в санчасти, туда привели солдата из первой роты, с последнего осеннего призыва. Якобы он вроде стал заговариваться, стал несколько неадекватен. Поначалу начальство заподозрило его в симуляции, в таком способе отлынивания от службы. Солдату выделили кровать рядом с Мироном, к нему зачастили командиры, которые пытались определить серьезность ситуации, задавали ему разные глупые вопросы, слыша в ответ какой-то несуразный лепет. Если это была не симуляция, то для командования части все складывалось очень плохо, значит довели солдата до сумасшествия.

Иногда время от времени в санчасть заходили деда с первой роты. Их явно беспокоил такой оборот дела с этим солдатом, видимо боялись, что он может их заложить, обвинив в неуставных отношениях по отношению к нему. Чаще всего они ограничивались своеобразным напутствием:

- Давай, кончай молотить под придурка, а то сам знаешь, что может быть потом.

Все это Мирон слышал сквозь сон и не очень понимал, что на самом деле происходит. Но вот, после визита очередного деда, солдат на соседней койке стал бормотать что-то нечленораздельное себе под нос, а потом, привстав, ухватился за поперечину спинки кровати стал и стал бить головой по стеклу в окне. С третьего раза ему удалось высадить внутреннее стекло, затем и внешнее. От хлынувшего с улицы морозного воздуха Мирон быстро проснулся и вместе с Эдиком, прибежавшим на звон разбитых стекол, попытался поймать солдата за ногу, но тому все же удалось через разбитое окно выскочить на улицу и побежать по снегу в сторону дороги. Эдик развернулся и побежал на выход, в погоню за беглецом.

Увидев на дороге матросский патруль, Эдик закричал им:

- Держите его!

Но сам беглец, пробежав в тридцатиградусный мороз двести метров босиком по снегу в одних кальсонах, заковылял в сторону патруля, с криком:

- Спасите меня! – и рухнул им на руки.

Эдик и матросы из патруля быстро отнесли на руках обессиленного и обмороженного солдата в расположенный рядом госпиталь, где и сдали его на попечение дежурных врачей.

А на следующий день закончился отдых и для Мирона, он вернулся в роту к привычной повседневной солдатской жизни.

Эдик время от времени посещал госпиталь, навещал этого солдата. Оказалось, что он все-таки не симулировал. Его психическое состояние, с каждым визитом Эдика, становилось все хуже и хуже и когда дело дошло до того, что пациент стал есть свои собственные экскременты, его комиссовали и отправили на материк в серьезное психиатрическое учреждение.

Белый медведь.

С наступлением весны в гарнизоне опять появились белые медведи. Их тянуло на помойки, где они копались среди пищевых отходов. Обычно в сам гарнизон заходили молодые медведи, в редких случаях медведица с медвежатами. Взрослые самцы предпочитали околачиваться поодаль.

Многие обитатели гарнизона легкомысленно подкармливали медведей, чаще всего сгущенкой, чем приучали их к иждивенчеству. Такие медведи надолго задерживались в окрестностях гарнизона, облюбовывая для обитания самые неожиданные места. Например, одному медведю очень нравилось отдыхать на мешках с цементом на складе БРУ.

Как-то раз одна из офицерских жен, отоварившись в магазине, шла к себе домой. Кто-то сзади потянул ее за авоську с продуктами. Решив, что это ее муж, решивший ей помочь, она повернулась, чтобы отдать авоську. Но, к своему ужасу, она вместо мужа обнаружила белого медведя, неслышно подкравшегося к ней сзади, который увидел банку любимой сгущенки в авоське и уцепился за нее десятисантиметровыми когтями своей лохматой лапы. Женщина в ужасе бросила все и побежала, а медведь, распотрошив авоську, уже привычным движением хлопнул лапой по банке со сгущенкой, отчего та со смачным звуком расплющилась, выплюнув содержимое. Медведь с аппетитом им полакомился.

Обычно, если медведь заходил в гарнизонный поселок, то для безопасности населения, в первую очередь женщин и детей, к нему приставляли матроса с карабином, который постоянно сопровождал его и в экстренных случаях должен был защитить людей от его нападения. Но медведи в гарнизоне обычно не проявляли агрессии.

Но иногда люди становились объектами нападения белых медведей и чаще всего виноваты в этом были они сами.

Несчастный случай произошел с начальником геологической экспедиции. В один из погожих дней он с друзьями решил поохотиться на тюленей. Прихватив с собой все необходимое, они пошли по льду залива в поисках полыньи, где надеялись, что им улыбнется удача. Но в этот день она отвернулась от них, все тюлени куда-то подевались.

Обычно россияне после охоты обязательно отмечают его. Пьют за удачу или заливают водкой неудачу. На этот раз пили водку по поводу неудачи. А потом решили попрактиковаться в меткости стрельбы из карабинов по бутылкам. Постреляли. Затем появился белый медведь, который решил познакомиться с непрошенными гостями в своих охотничьих угодьях. Пьяный начальник экспедиции решил пресечь это нежелательное знакомство и напугать медведя выстрелом из карабина, чем спровоцировал того уже на настоящее нападение. Но оказалось, что патронов уже больше нет, они все ушли на стрельбу по бутылкам и защититься от медведя уже было нечем. В результате охотники разбежались, кто куда, кроме начальника экспедиции, которого медведь убил и утащил на соседнюю льдину. После этого медведь пошел дальше по своим делам.

Быстро накачав резиновую лодку, товарищи попытались снять с соседней льдины тело погибшего. Но увидев это, медведь стал быстро возвращаться и людям пришлось спешно ретироваться. Тогда медведь тоже пошел в другую сторону. Но как только люди

повторили попытку снять тело со льдины, все повторилось снова. Пришлось спешно возвращаться в гарнизон, за подмогой.

Тело начальника геологической экспедиции все же удалось снять с льдины, но только с помощью вертолета.

Белый медведь занесен в Красную книгу, он охраняется государством и международными соглашениями. Охота на него запрещена. Но если жертвой медведя становится человек, то после этого медведь начинает постоянно нападать на людей. Поэтому на такого медведя не распространяется запрет и для безопасности людей его обязательно стараются отстрелять.

С помощью все того же вертолета удалось обнаружить этого медведя-убийцу, а затем и застрелить его.

Вслед за трагедией с начальником геологической экспедиции произошло нападение медведя на матроса.

Этот матрос возвращался с караула в свое подразделение. Проходя мимо свинарника, он увидел медведя, который лакомился поросенком, сдохшим от чего-то накануне и его выбросили на помойку, как падаль. Матрос, будучи вооруженный карабином с полным боекомплектом и потому чувствовавший себя в полной безопасности, стал забавы ради бросать в медведя снежками, пока не отогнал зверя от его обеда.

Довольный таким результатом, матрос пошел дальше своей дорогой. Но как только он ступил на ступеньку крыльца, ведущую в казарму, кто его сзади крепко ударил его по голове, отчего он потерял сознание. Очнувшись, матрос увидел прямо перед глазами неспешно проплывающую снежную поверхность. Ничего не поняв, он поднял голову и увидел, что это медведь тащит его в положении вниз лицом, ухватив его за спецпошив на спине. Закричав что есть мочи, матрос стал вырываться, суча руками и ногами. Медведь стал бить его лапами и драть своими страшными когтями.

На крик матроса выбежали из казармы его товарищи, подняли невообразимый шум, чем заставили медведя бросить свою жертву и убежать в тундру. Истекающего кровью матроса срочно доставили в госпиталь.

По приказу Начальника полигона снарядили вооруженную команду и отправили ее на ГТСе преследовать медведя. Вскоре его обнаружили и залпами из карабинов Симонова лишили медведя жизни.

Эдик Колбин, навещая в госпитале тронувшего умом солдата из первой роты, видел этого матроса, ставшего жертвой нападения белого медведя и даже удостоился чести услышать лично из его уст все перипетии пребывания в пасти самого крупного хищника в мире.

Этому матросу повезло, что он после этого остался живым. Если только не брать в расчет семьдесят шесть швов на животе, который ему истыкал своими когтями медведь и отсутствие половины скальпа, который ему как бритвой срезало теми же самыми когтями. В результате матроса досрочно уволили из состава ВМФ.

А шкуры, снятые с убитых белых медведей, доставили в гарнизонную баню. Там матросы, по приказу Начальника полигона, отмыли их, соответствующим образом обработали и выделали. Наверное, до сих пор они украшают чьи-то апартаменты или дачи на Большой земле.

Визит Зам министра. Охота и рыбалка.

Наступила настоящая весна. Прилетели, для продолжения рода, утки, гуси и другие перелетные птицы.

По гарнизону сообщили, что должен прилететь с инспекцией Заместитель министра обороны СССР по расквартированию войск. Начальство очень высокого полета, точнее ранга.

Весь гарнизон стал, с утра до ночи, лихорадочно готовиться к встрече высокого гостя и смотру войск. В частях в основном тренировали дружно хором отвечать на приветствие, кричать три раза ура, а так же проходить строем коробочкой, с песней и без песни.

И вот наконец личный состав части одели в шинели, вместо спецпошивов, и повели в гарнизон. Перед этим, по пути следования Зам министра, все бетонные плиты дороги были тщательно подметены, а лужи на них высушены старыми солдатскими одеялами.

В центре гарнизона собралось практически все его население. Матросов, военных строителей, ПВОшников построили на центральной улице гарнизона, вокруг них столпилось множество детей, женщин и другой любопытствующий люд. Был яркий солнечный день. Ожидание затянулось.

Тут, к большому недоумению всех присутствующих, дали команду к парадному маршу и все подразделения прошли строем перед полупустой трибуной, выстроенной по случаю визита высокого начальника. Но на трибуне, кроме гарнизонного начальства второго эшелона, никого не было. На этом закончилась столь долго подготавливаемая торжественная встреча высокого московского гостя.

А Зам министра на самом деле прибыл во время, только решил, не заезжая в гарнизон, сразу поехать в адмиральскую охотничью резиденцию на знаменитом озере Гусиное. Это озеро славилось несметным количеством гнездящихся здесь уток и гусей и пользовалось большой популярностью у Высшего командного состава Министерства обороны СССР. Они весной, под благовидным служебным предлогом, старались оказаться на Новой Земле с визитом, а на самом деле просто в удовольствие поохотиться на уток и гусей, а заодно и порыбачить на гольца.

Говорят, что в этот раз охота удалась на славу. После него Зам министра тихо, без всякой помпы, убыл назад в Москву.

А вообще охота и рыбалка на Новой земле действительно замечательная. Хотя разнообразием местный животный мир не отличается, зато объекты охоты водятся здесь в больших количествах, превосходя другие острова Российской Арктики. Раньше острова Новой Земли считались едва ли не основным его промысловым районом.

С незапамятных времен сюда плавали, добывая здесь зверя, рыбу и птицу, русские поморы. Новую Землю называли «кормилицей», «маткой», «маточкой». Отсюда и Маточкин шар – пролив между Северным и Южным островами. По-поморски «шар» - пролив.

В морских водах Новой Земли водятся гренландские киты, моржи, тюлени. Северный остров является родильным домом для белых медведей. На южном острове обитают несколько тысяч одичавших домашних оленей. Много песка.

Из всего разнообразия птиц для охотников представляют интерес утки и гуси. Водятся здесь и краснокнижные тундровые лебеди.

Для любителей рыбалки особый интерес представляет голец, рыба семейства лососевых. Бывают очень крупные проходные гольцы, до пятнадцати килограммов весом, обитающие в море и заходящие на нерест в реки. А есть еще здесь озерно-речные гольцы, гораздо мельче, чем проходные и обитающие в этих водоемах постоянно.

Гольцов ловят на блесну, почти круглый год. Летом, когда лед на озерах растает, и в холодный период, проделывая лунки во льду. Гарнизонное начальство, время от времени, устраивало коллективные выезды на рыбалку, выделяя для этого адмиральский катер.

На дальних точках матросы и солдаты сетями вылавливали гольца и засаливали их бочками, чтобы разнообразить приевшийся им ежедневный армейский рацион. И это удавалось им в полной мере.

По весне, когда прилетали утки и гуси, владельцы редких для этих мест охотничьих ружей отправлялись на многочисленные озера на охоту. Чаще всего это занятие считалось просто забавой, чтобы снять охотничьи зуд.

А в основном, круглый год, охотились на северного оленя. С ГТСок, УРАЛов, да с чего придется. Официально охоту контролировать было некому, все-таки закрытая военная зона. Для этой охоты использовали штатный карабин Симонова, которым был вооружен весь личный состав гарнизона. Обычно у добытого оленя вырезали сердце, вырезку и кусок филейной части, остальное доставалось песцам. В основном такой охотой занимались офицеры.

Глядя на этих офицеров, в поселке Северном некоторые солдаты не оставались в стороне. Они из подручных средств кустарным способом изготавливали самodelки, из которых можно было стрелять стандартными карабинными патронами. Купив или выменяв у матросов караульной роты эти патроны, они колесили на УРАЛах по тундре в поисках трофея. Что ими больше двигало, бездумная мальчишеская удаль или желание покушать оленины, трудно было сказать. Но время от времени им все же удавалось добыть оленя и попить.

Одним из таких новоявленных охотников оказался бывший одноклассник Димы Персика Володя, который волею судьбы попал служить в поселок Северный. Изготовив очередной шедевр пулеметания, он с другом отправился на охоту в тундру. По пути Володя решил испытать свое творение. Завидев среди каких то строений одиноко стоящую будочку, он на пробу решил выстрелить в его обитую жестью дверь. Самопал сработал как надо, прострелил дверь будки насквозь. Но в следующий момент дверь будки распахнулась, из него вывалился солдат со спущенными портками и замертво рухнул на землю. Эта будка оказалась уборной какого-то объекта.

Володю конвоировали в гарнизон, где его судил военный трибунал, в результате чего он отправился в места не столь отдаленные отбывать наказание.

Новый командир третьей роты.

В эту весну командира третьей роты младшего лейтенанта Васильчука ушли на пенсию. Вскоре представили нового командира роты, майора Божко. Что это пошло за непонятное поваяние, назначать на должности офицеров на одно или два звания выше, чем принято по должности? Командиром части, которая соответствует батальону, стал полковник, командиром роты обычно назначают не выше капитана, а тут майор. Видимо должностей, в соответствии со званиями, на всех не хватало.

Майор Божко был милым человеком. Небольшого роста, кругленький, круглолицый, заметно лысеющий, совсем нестарый для майора человек. Добродушный, ну почти домашний.

Оказалось, что совсем не надо быть цербером, чтобы в роте был порядок, соблюдалась дисциплина, чтобы служба шла сама собой, без окриков и прищипывания, без надрыва и нервов. Все это отлично получалось у нового командира роты.

Вместе с новым командиром роты появилось и новое пополнение. Весеннее. От этого факта жизнь у Мирона и ребят его призыва стала намного веселее. Появились новая отсечка, год службы позади. И хотя осталось столько же, но это уже было совсем чуть-чуть, служба пошла на убыль. Появился ощущение, что время ускорила свой бег.

В этот год по всей стране проходила компания по выдвижению кандидатов в депутаты Верховного совета СССР. В кандидаты этого Совета был выдвинут и Начальник полигона, контр-адмирал Кострицкий. Для представления кандидата перед

личным составом части было назначено его доверенное лицо. Им стал командир третьей роты майор Божко.

Всех собрали в клубе части. Приехал контр-адмирал Кострицкий. Он, в потрясающей парадной адмиральской форме, украшенной, помимо всего прочего, внушительной орденской планкой, прошел на сцену и сел за стол, накрытый красной тканью. Вслед за ним на сцену вышел майор Божко, тоже в парадной форме, прошел за трибуну рядом со столом:

- Товарищи! Мне сегодня поручено представить Вам кандидата в депутаты Верховного совета СССР контр-адмирала Кострицкого Станислава Петровича.

Далее последовали подробности автобиографии кандидата в депутаты. Затем были озвучены некоторые факты из его славной флотской жизни:

- Когда началась Великая Отечественная война – продолжило доверенное лицо – Станислав Петрович встретил его командиром эскадронного миноносца, командуя которым он начал свой славный боевой путь.

При этих словах контр-адмирал, сидевший до этого с несколько отрешенным видом, погруженный в свои мысли, встрепенулся, недоуменно оглянулся и видимо посчитав, что ослышался, успокоился. Но было заметно, что с этого момента он стал внимательно прислушаться к выступлению своего доверенного лица.

И когда майор Божко произнес:

- Победу Советского Союза над фашисткой Германией Станислав Петрович встретил в должности командира дивизиона эскадронных миноносцев.

Тут контр-адмирал поняв, что все-таки он не ослышался, негромко, но твердо поправил своего представителя:

- Эскадренных.

Тут пришло время встрепенуться майору Божко, но он даже не понял, почему его поправляет столь высокое начальство и в чем суть его ошибки. Поэтому он с растерянностью посмотрел на контр-адмирала, а затем, уже очень внимательно всматриваясь в текст, продолжил читать свой доклад. Слава богу, что дальше по тексту слово эскадренный больше не встречалось. Но у всех создалось такое впечатление, что майор Божко так и остался в неведении, что миноносцы бывают эскадренными, но не эскадронными, а эскадрон – это конное подразделение, например эскадрон гусар или эскадрон конных красноармейцев.

Но конечно командование «эскадронным» дивизионом миноносцев никоим образом не помешало довести до конца представление контр-адмирала перед личным составом части и позже, после выборов со сто процентной явкой последних на избирательный участок в том же клубе, Станислав Петрович стал депутатом Верховного совета СССР, набрав те же сто процентов голосов избирателей. Кто бы мог еще в этом сомневаться.

Любовь и секс. Насильник Аристархов.

Как то раз, придя в санчасть к Эдику, Мирон застал в процедурной любопытную картину. Эдик сидел на стуле, а перед ним стоял молодцеватый боец из его призыва с третьей роты со спущенными портками и обнаженным эрегированным членом, с неестественно большой головкой. Можно было предположить самое невероятное, если бы Эдик при этом не крыл трехэтажным матом владельца этого члена, который представлял собой невероятное зрелище. Посиневший, вздувшийся до невероятных размеров от воспаления, а не от эрекции, дурно пахнущий от гноящейся раны в верхней его части позади головки, член представлял собой ужасное зрелище.

- Посмотри, вот еще один придурок решил стать половым гигантом, а теперь запросто может стать кастратом, евнухом, да кем угодно, но только не мужиком – констатировал Эдик, обращаясь к Мирону – а ведь он не один такой, таких придурков хватает.

При этих словах этот, так называемый, половой гигант и так находившийся в полоубморочном состоянии, чуть не рухнул без сознания.

Оказывается, время от времени в часть попадают ребята, женатые и неженатые, у которых в верхнюю часть члена, позади головки, был вживлен полимерный шарик размером с горох. При этом они рассказывали о невероятном эффекте, производимым этим самым шариком на партнерш при половом акте. Самым весомым аргументом, в подтверждении этого факта, стал рассказ одного из женатых обладателей такого заряженного члена. Якобы, его жена пригрозила ему разводом, если он когда нибудь избавится от этого усилителя фрикций, от этой ее интимной усадьбы.

Были экземпляры, у которых этих шариков в члене было два, иногда три. Рекордное число их на одном члене насчитывало аж восемь штук. Но солдатская легенда гласит, что был гигантище, у которого половой член был так набит этими шариками, что напоминал кукурузную початку.

Ну какой молодой кобель устоит перед рассказами таких опытных ловеласов? Очень многим хотелось быть кумиром девушек, хотя бы таким способом. И вот начинается поиск материала для изготовления столь вожделенного шарика. Очень кстати для этого подходит зубная щетка, та часть, за которую ее держишь. Отламывается ее кончик, из чего напильником вытачивается шарик и полируют его до зеркального блеска.

У претендента на половой гигантизм одеколоном протирается член, затем край кожицы над головкой оттягивается на край доски и стамеской пробивается дырочка в ней. Затем через эту дырочку под эту кожицу, вводится шарик, предварительно продезинфицированный путем кипячения. А затем дорогой для любого представителя мужского пола орган обрабатывают йодом и заматывают бинтом.

Увы, к сожалению статистика говорит о том, что у очень малого числа подопытных эксперимент завершается благополучно, обычно все заканчивается весьма плачевно, как у этого пациента Эдика.

Эдик, под скрежет зубов несостоявшегося полового гиганта, без обезболивающего вскрыл нарыв на члене, удалил шарик и без всяких церемоний обработал рану. Замотав бинтом член, он напутствовал страдальца:

- Ну, теперь моли бога, чтобы все обошлось, а не то конец тебе, как мужику.

Пациент натянул штаны и, для чего-то бережно поддерживая через штаны рукой свое мужское достоинство, понуро побрел к себе в роту.

Когда на дворе явно запахло весной, произошел случай, про который обычно говорят и смех, и грех.

В один из женских банных дней одна из посетительниц заметила, что кто-то через окно подглядывает за женщинами, моющимися в гарнизонной бане. Она сообщила об этом в комендатуру. Из комендатуры немедленно прислали патруль, который задержал на месте преступления извращенца. Вместо ожидаемого какого-то солдата, задержали целого прапорщика. Но вместо того, чтобы отвезти его в комендатуру, патруль, выслушав из уст подвыпившего прапорщика печальную историю его жизни, привел несчастного в третью роту и передал его дневальным, попросив уложить его спать и не выпускать из казармы до утра.

В части, помимо маленького и толстого прапорщика Филина, грозного погонщика белых медведей на ГТСе, был еще один прапорщик с фамилией Филин, но худой и высокий, с забавными унтер офицерскими усами. Он недавно женился и ждал разрешения начальства на въезд жены в гарнизон.

Был он щеголоват, любил попижонить. И это пижонство сыграло с ним злую шутку. В один из зимних дней, когда подул коварный влажный ветер с Гольфстрима, он потерял бдительность и по обыкновению заявился на службу в щегольских полушерстяных

брюках (ПШ) и в тонком нательном белье. А затем, когда отправился сопровождать роту на службу, его продуло насквозь ниже пояса и незаметно отморозило ему причиндалы до такой степени, что в госпитале ему их просто удалили напрочь.

В результате жена, так и не успев перебраться в гарнизон, развелась с ним.

Так вот, тем самым задержанным за подглядывание за моющимися женщинами в бане, как ни забавно, оказался этот самый, уже ни на что мужское не способный, прапорщик Филин.

А весна набирала силу. Кровь в жилах молодых солдат бурлила, не зная выхода.

В части, на правах вольнонаемных, работали женщины и девушки, в основном в бухгалтерии и плановом отделе. Они были или женами, или дочерьми офицеров и прапорщиков, несших службу в гарнизоне. Среди них была девушка, по имени Маша, только что закончившая школу. Такая субтильная миловидная блондиночка. Жила она вместе с родителями тут же при части, в крошечном домике.

И угораздило в нее без ума влюбиться нового хлебoreза из второй роты, кудрявого златоглавого купидона, который всячески выказывал ей внимание. Но взаимной любви не получилось, потому что Маша еще не вышла из пугливой поры юношеского возраста, дичилась и была изрядно инфантильна. Хлебoreз от неразделенной любви страдал безумно.

В это время у одной из сучек среди собак, которых держали при части для своевременного обнаружения белых медведей вблизи казарм, началась течка. Кобели просто обезумели и часть, каждое утро на разводе, с интересом наблюдала за этой собачьей свадьбой, которая в это время, не обращая внимания на неиссякаемый русский народный мат командира части полковника Крылова, длинной процессией дефилировала по плацу. Все ждали ее завершающего финального акта.

И он наступил. На очередном разводе на плацу снова появилась собачья свадьба. Но изумлению присутствующих не было предела. Наступила гробовая тишина. Даже полковник Крылов остановил свой нескончаемый поток ненормативной лексики и тоже уставился на собак. И было чему удивляться. На дефилирующей впереди всех сучке, за которой уткнувшись мордами ей под хвост бежали кобели, с обоих боков масляной краской была выведена большими буквами имя «Маша». Как позже выяснилось, это сделал хлебoreз. Но он хотел этим только привлечь к себе внимание Маши и не более того. А как это будет выглядеть на самом деле, он даже не предполагал.

А в это время, как раз, шла на работу ничего не подозревающая Маша. И тут она увидела сучку со своим именем на ее боках во главе собачьей свадьбы, а солдаты увидели Машу, и разразился безудержный гомерический смех.

Куда делась эта инфантильность, от нее не осталось и следа. Разъяренная, как зверь, Маша сразу поняла, откуда дует ветер. Она высмотрела в строю хлебoreза и как фурия налетела на него с кулаками. Бедный влюбленный сперва пытался только увернуться от нее, но затем не выдержал и побежал спасаться в столовую, в свою хлебoreзку. Маша помчалась за ним. Через минуту она, уже в слезах, выскочила из столовой и побежала в штаб, искать сочувствия у своих бухгалтерш. Бедному хлебoreзу после этого надеяться на ее благосклонность было уже нечего. Но зато начальство не пожалело для него трех суток губы.

Маша в семье была старшей из детей. У нее было еще две сестры. Младшенькая была еще совсем ребенком, ученицей четвертого класса. А средняя была моложе Маши на два года.

И хотя она была младше Маши, сестренка проявляла большой интерес к молодым людям, особенно к солдатам. Ее вначале часто замечали просто общающейся с солдатами, она нередко позволяла себе пококотничать с ними, затем ее время от времени стали видеть на БРУ, куда частенько стала захаживать. Затем солдаты несколько раз приводили ее домой пьяненькой под белые рученьки. Спиртное для застолий она сама покупала на солдатские деньги. Ну и конечно, не одного бравого солдата она сумела утешить и приласкать. Как не упрашивала и не увещевала ее мама образумиться и стать добропорядочной девушкой, ничего не помогало. Ее отец, прапорщик, прознав про проделки солдат с его дочерью, устроил им разборки с мордобоем, а самого главного виновника, как он предполагал, совратившего его дочь, чуть не зарубил, гоняясь за ним с топором по катакомбам БРУ. Еле удалось уговорить его.

В конце концов, не найдя другого выхода, родители отправили ее в Севастополь на попечение к родне, откуда они были сами родом. Но сорока на хвосте принесла в часть весть о том, что девушка, без родительского пригляду, в романтическом южном приморском городе разошлась на всю катушку. Лучше бы проводила время на БРУ.

Отец у Маши служил прапорщиком, был одним из старожиллов части. Ему еще не исполнилось сорока лет, возраст выхода прапорщиков на пенсию, но выглядел он на все шестьдесят. Был он толстым, с красной пропитой рожей. Его, кроме положенной вечером после службы порции водки, в жизни больше ничего не интересовало. Больше всего от этого страдала его жена, мама Маши, женщина еще совсем молодая, симпатичная фигуристая хохлушечка, прямо кровь с молоком. Достаточно было только взглянуть на нее, как становилось ясно, что она сильно обделена мужской лаской, ее тело просто откровенно вопияло и требовало выхода сексуальной энергии.

Так долго продолжаться не могло. Ведь общеизвестно, что после тридцати пяти лет женщины гораздо тяжелее переносят половое воздержание, чем мужчины.

Мама Маши заведовала столовой части, у нее в подчинении был целый хозвзвод солдат. Среди них был и хлеборез, предшественник поклонника Маши, высокий и видный из себя парень. И конечно он приглянулся знойной заведующей. Повара и другой столовый люд стали замечать, что уж больно участились проверки хлеборезки со стороны заведующей, при этом эти ревизии проходили почему-то при закрытых дверях и в подозрительной тишине. Конечно же нашлись очень любопытные, вернее сексуально озабоченные солдаты, которые во время очередной ревизии не преминули приложить свои ушки к окошку раздатки хлеборезки. Что они там смогли услышать? Конечно шумные вздохи, еле сдерживаемые звуки, издаваемые в таких случаях женщинами в пылу страсти, которые искушенные в любовных делах люди называют песней вагины.

Иногда руководство Дома офицеров гарнизона организовывало очередной кружок самодеятельности, чтобы занять чем-то офицерских жен. В эту весну было решено создать коллектив исполнительниц современных советских песен. Женщины с радостью откликнулись на такое начинание, благо некоторые из них обладали очень красивыми голосами и неплохим музыкальным слухом.

В частях, среди солдат, стали искать ребят умеющих хорошо играть на инструментах, для музыкального сопровождения вновь создаваемого коллектива. В число

музыкантов попал и Женя Шинкарев. Ведь он действительно прекрасно пел и играл на гитаре. И стал Женя по вечерам пропадать на репетициях, где сразу стал любимцем всего женского коллектива самодеятельности.

В это время в гарнизон прибыл капитан-лейтенант с очень красивой молодой женой. Чем-то она напоминала известную французскую актрису Мишель Мерсье. А может быть была даже красивее ее. У нее сразу появилась куча поклонников среди гарнизонного офицерства, но она было холодно неприступна и мужу своему верна. Женщины из коллектива вовлекли эту красавицу тоже в самодеятельность. И как обычно бывает, эта неприступная особа растаяла перед всепобеждающим обаянием Шинкарева. Она могла часами слушать душещипательные песни, исполняемые Женей бархатным голосом под переборы гитары. И она была им покорена, но весьма своеобразно.

Дело дошло до того, что когда муж красавицы был на ночном дежурстве, она приглашала Шинкарева к себе домой, где они предавались весьма специфичным любовным утехам. Она позволяла Жене все, что можно было встретить в Камасутре, разрешая ублажать себя чем угодно, как угодно, но только кроме самого естественного и общепринятого способа и предназначенным для этого органом. Считала, что таким образом она не изменяет своему мужу, а только позволяет себе лишь немножко пофлиртовать.

По вечерам, после очередного сеанса петтинга, Шинкарев возвращался в роту и со страдальческим лицом выдавал:

- Все, я больше не могу. Она за вечер три раза кончила, а я ни в одном глазу. У меня от этого яйца опухли, их вот-вот сейчас разорвет. Стерва! Не дает и все. Но ка-кая женщина!

Эти своеобразные садомазохистские сексуальные игры продолжались довольно долго, но познать радость соития со столь желанной женщиной Жене Шинкареву, до конца службы, так и не удалось.

В гарнизоне было несколько женщин, имена которых были у всех на устах. Это были некоторые жены офицеров, прапорщиков и гражданских вольнонаемных, известные своим весьма вольным поведением и веселым нравом искательниц приключений. Время от времени в гарнизоне вспыхивал очередной скандал, когда один из мужей этих женщин заставлял свою пассию в объятиях какого-нибудь ловеласа или весело проводящей время в пьяной компании жаждущих женских ласк молодых офицеров.

Нередко последствием такой половой неразборчивости было коллективное посещение кабинета венеролога в госпитале, на предмет инъекции определенной дозы антибиотиков.

Одну из таких женщин звали Татьяной. Лет тридцати, такая аппетитненькая фигуристая жена одного из прапорщиков. У них был сын, восьми лет. Создавалось такое впечатление, что прапорщик уже смирился с любвеобильностью своей жены, ее многочисленными изменами. Он даже не пытался наставить ее на путь истинный, жил с ней только из-за сына.

Однажды прапорщик, старшина одной из рот части, после обеда заявился в казарму через запасной вход с этой самой Татьяной и проводил ее в свою каптерку. А затем приказал всем, в том числе и наряду, удалиться из казармы и не возвращаться, пока он не разрешит. Такая неожиданная ссылка продолжалась более получаса. Но прапорщику было невдомек, что солдаты могут преспокойно, не нарушая его приказа, все равно быть свидетелями его любовных приключений. Они снаружи обошли казарму и украдкой, через окно, наблюдали за всем происходящим в каптерке. А смотреть было на что.

Эта Татьяна была очень охоча до молоденьких солдатиков. Скольких она их осчастливила, наверно сама сбилась со счету. Веселая прапорщица жила в двухэтажном доме на окраине гарнизона, в выделенной ей с мужем комнате. Когда муж был на

очередном дежурстве, ребята из ночной смены всех трех рот по очереди бегали к ней в эту комнату и занимались там с нею любовью на коврике, на полу. А в это время, тут же рядом в той же самой комнате, ни о чем не догадываясь сопел во сне в своей кровати ее сын.

Но больше всего она привечала кудрявого Олега, бульдозериста со второй роты, призванного из уральской глуши. Вскоре их земные отношения переросли в романтическую любовь. И договорились они, что никогда не расстанутся. Татьяне очень хотелось избавиться от этой набившей оскомину серой гарнизонной жизни и постылого мужа. А Олег, невзирая на ее известную славу, влюбился в Татьяну, как часто влюбляются неопытные юнцы в свою первую в жизни женщину.

Но когда пришла пора увольняться, Олег, уже несколько пресыщенный ласками ненасытной взрослой женщины, вдруг осознал всю нелепость ситуации, если он заявится после службы с Татьяной и ее сыном в отчий дом. А с другой стороны, столько молоденьких девушек на гражданке, да и вообще, вся жизнь еще впереди. А тут какая-то всем известная в гарнизоне прапорщица. И тогда он сказал ей свое твердое - нет.

В день отлета Олега домой на аэродроме разыгралась сцена, которую затем долго вспоминал весь гарнизон. Пока дембеля проходили процедуру проверки под крылом самолета, примчавшаяся из гарнизона Татьяна, из-за аэродромной ограды, безутешно стенала:

- Миленький, ну на кого ты меня покидаешь! Любимый, заberi меня с собой!

И эти крики стояли над аэродромом до тех пор, пока самолет с Олегом не исчез в дымке арктического неба.

Но таких счастливиц, как Олег, в части все-таки было не так много. В основном большинство солдат обходилось только выслушиванием подробнейших рассказов тех избранных, кто был допущен к женскому телу. Причем все догадывались, что на самом деле все было намного прозаичнее, чем они так красочно и романтично описывали. Но все равно, это всех очень сильно возбуждало и вообще без этих рассказов сексуальная энергия требовала выхода. И конечно, самым простым и распространенным способом решения вопроса сексуальной разрядки среди солдат было самоудовлетворение.

Чего греха таить, судя по скрипу размеренно раскачивающихся по ночам кроватей под мастурбирующими солдатами, судя по характерным разводам спереди на их кальсонах, этим занималось подавляющее большинство солдат. Но все старательно не замечали ни скрипящих кроватей, ни разукрашенных кальсонов друг у друга, ведь сами были не без греха.

А в остальном, все было нормально. Никто не был замечен в гомосексуализме и других нетрадиционных сексуальных отношениях. Если они и были, то тогда были очень глубоко законспирированы.

Правда впоследствии всплыл один шокирующий факт. Вместе с Мироном одновременно был призван солдат по фамилии Макарин. Если забредший погреться в штаб Спецстроя Вьюгин был просто аутистом, то Макарина можно было сразу ставить диагноз дилиризм. Опять таки, как в Москве его пропустила медкомиссия, только диву даешься. Еще немного и Макарина можно было бы назвать растением. Прослужив полтора года, Макарин совершенно случайно обмолвился, что в начале его службы один дед, известный своей гнусностью, ночью завел его в уборную и заставил заняться его тем, что обзывается словом минет. Макарин, в силу своего умственного состояния, так и не понял, что сотворил с ним этот гнус, но все же признался, что это было очень неприятно для него. Жаль, что тот дед давно уволился, а то ему было бы несдобровать, так как все солдаты в части были возмущены этим фактом. А то и вовсе надо было его засадить за решетку. Все считали, что детей, стариков и убогих ни в коем случае нельзя обижать.

А офицеры в части жили своей жизнью. У них тоже случались амурные. Офицеры считали возможным не скрывать этого от солдат, они просто не считали нужным это делать. Поэтому их любовные похождения были на виду всей части.

Начальник штаба, капитан Либровский, очень галантно ухаживал за фельдшером санчасти, очень миловидной женщиной средних лет. Она была женой военного прокурора. Незамужних женщин в этом режимном гарнизоне, за редким исключением, практически не бывает.

Либровский и фельдшерица подолгу просиживали у нее в кабинете, тихо ведя долгие беседы и получая от этого массу удовольствия. Правда история умалчивает, была ли это чисто платоническая любовь или нет, никто уверенно утверждать об этом не может.

Замполит части капитан Павлов пользовался большим успехом у женщин. И было за что. Чем то внешне он напоминал Олега Янковского в роли Генриха Шварцкопфа из фильме «Щит и меч», только в форме морского офицера ВМФ СССР. А уж если Павлов заговорит, то все прислушивались к нему, как минимум с уважением. Вот такой был завидный гусар.

У него была жена, которая работала здесь же в части старшим бухгалтером. Хотя она была тоже неплоха собой, высокая худенькая блондинка, но знакомые Павловых утверждали, что она жила в постоянном страхе, что какая нибудь вертихвостка уведет у нее мужа.

А в это время заведующей библиотекой при клубе части работала молодая женщина, жена одного майора секретчика. Была она удивительно хороша собой, красивая шатенка с бархатым грудным голосом. Но еще удивительнее было то, что муж у нее был просто никудышный, замухрышка, к тому же намного старше ее. У них получился какой-то современный неравный брак.

И вот все стали замечать, что капитан Павлов что-то зачастил в эту самую библиотеку. Жена Павлова тихо плакала в бухгалтерии, ее подчиненные всеми силами пытались ее утешить. И так продолжалось достаточно долго, пока не выяснилось, что библиотекарша беременна и счастливый будущий отец, майор секретчик, настоял на том, чтобы ради будущего ребенка его жена оставила работу. Знавшие про эту историю люди поговаривали, что не будет ничего неожиданного, если этот ребеночек будет больше похож на капитана замполита, чем на майора секретчика.

В один из весенних дней, после обеда, неожиданно всю часть снова, как на утреннем разводе, выстроили на плацу. Ничего не понимающие солдаты довольно долго стояли в полном неведении причины этого построения. Ничего вразумительного не могли сказать и ротные офицеры.

По прошествии довольно продолжительного времени, на плац въехал УАЗик и из него вышли три офицера, судя по цвету погонов из военной прокуратуры и статная молодая женщина с фингалом под глазом. Они встали рядом с полковником Крыловым, а личному составу приказали по одному строем пройти перед ними, что было выполнено в гробовой тишине незамедлительно. Женщина внимательно всматривалась в лица проходящих перед ней солдат. Когда прошел последний, она отрицательно покачала головой.

Тогда старший из прокуратуры спросил:

- Кто отсутствует?

Выяснилось, что отсутствуют трое из хозвзвода, двое свинарей и кочегар столовой. Их тут же привели, но и среди них того, кого искали, тоже не оказалось. В то же время

выяснилось, что в этот день водителя из первой и двоих механиков из второй рот отправили в командировку на одну из дальних точек.

Дали команду часть отправить на службу, а эту троицу срочно доставить в прокуратуру.

Солдаты провели остаток дня в полном недоумении. Что же это такое произошло, что провели такую проверку и кто это женщина с фингалом? А утром солдатская молва прояснила ситуацию. Арестован тот самый Аристархов с уголовным прошлым из второй роты, который в числе троих был отправлен на дальнюю точку и отсутствовал на дневной проверке на плацу.

Оказывается, он ночью пробрался в женское общежитие, где живет обслуживающий персонал офицерской столовой. Поговаривают, что Аристархов частенько туда захаживал тайком для удовлетворения своих сексуальных потребностей у некоторых безотказных поварах. В этот раз он стал домогаться очередной женщины. Но та, то ли она была не в духе, то ли она просто не позволяла себе таких вольностей, поэтому взаимного согласия у них не получилось. Попытка взять ее силой привела к бурному сопротивлению со стороны этой женщины, что в результате закончилось ее избиением, но приведшим не к желаемому результату, а к большому скандалу. Аристархову пришлось срочно бежать из общежития, а женщина на утро отправилась в прокуратуру с заявлением о попытке ее изнасилования с избиением, о чем свидетельствовал фингал у нее под глазом.

Эта история закончилась тем, что Аристархов в очередной раз попал в места не столь отдаленные, теперь уже с очень нехорошей статьей для зека.

Отпуск.

В апреле Мирону из дома пришло письмо, что его мама летит в Москву навестить брата Федора, а заодно обследоваться в столичных клиниках на предмет ее плохого самочувствия. Вскоре Федор сообщил, что у мамы обнаружили желчекаменную болезнь и ей предстоит операция по удалению желчного пузыря.

Мирон отправился с этим письмом к замполиту Павлову, со слабой надеждой, а вдруг дадут краткосрочный отпуск и удастся съездить в Москву, чтобы поддержать маму в трудную минуту.

Павлов, выслушав Мирона, даже не взглянул на письмо и неожиданно изрек:

- Нечего даже обсуждать, собирайся и как только будешь готов, получишь отпускные документы на руки и полетишь.

Так неожиданно легко и быстро решился вопрос отпуска и уже через два дня Мирон оказался на майские праздники в Москве. Тепло, можно ходить в футболочке, кругом зеленая травка и молодые зеленые листочки на деревьях, птички щебечут. Только человек, прибывший из студеной арктической пустыни, может оценить по достоинству природу средней полосы России. С ним, наверное, на этот счет может поспорить только обитатель песков Сахары.

Операция у мамы прошла благополучно, она быстро пошла на поправку. У Мирона в Москве было еще одно дело. Сергей, его подчиненный электрик на БРУ, попросил навестить свою маму, передать ей письмо и привет от него.

Мирон созвонился с Серезиной мамой и поехал в парк Сокольники, к ней на работу. Оказалось, она заведовала кафе шашлычной в парке, что по тем временам было очень престижно и денежно. Вот оказывается, сыночек какой женщины был у него в подчинении.

Серезина мама встретила Мирона очень радушно, провела его в свой кабинет, усадила за стол и подробно расспросила о житье бытие своего сына. Ее очень удивило и огорчило, что сын попал служить на Новую Землю, но при этом заметила:

- Наверно он сам виноват в этом. Я его устроила в престижный ВУЗ. Скольких сил и денег мне это стоило, даже страшно вспомнить, а он решил пожить в свое удовольствие и вылетел оттуда. Может служба в армии, в таком месте, чемунибудь его научит.

Нет, не научит, а уже научила. Мирон видел, как Сергей жалел о наделанных им глупостях на гражданке, как у него за первые месяцы службы сменились приоритеты в жизни. Сергей не раз повторял, как была права его мама, когда говорила, что в первую очередь надо учиться, а все остальное потом.

В это время повар внес в кабинет большую тарелку с прекрасно приготовленным отборным шашлыком со всевозможной зеленью и стакан сока. Никогда раньше Мирон не видел, чтобы в кафе подавали шашлык в таком роскошном виде. И на вкус он оказался просто замечательным. Возникло смутное подозрение, что это был особый заказ заведующей кафе своему повару для гонца с доброй весточкой от своего неразумного сына, тем более, что от самого Мирона немало зависело, как сложится дальнейшая служба у Сергея.

На прощанье, попросив передать небольшую посылочку своему сыну, мама Сергея долго и печально смотрела вслед уходящему Мирону.

Две недели в Москве пролетели как один миг. Краткие встречи с друзьями, тренировки по карате в ЦШК на Цветном бульваре и вот уже опять самолет взял курс на Архангельск.

Перед отлетом Мирон прошелся по магазинам, но ничего, кроме флакона одеколона и разной мелочи, купить не удалось. Полки в магазинах были почти пустые, одни консервы, печенье и изделия фабрики «Большевик», выбрать было не из чего. Правда удалось купить букет цветов и раздобыть через знакомых коробку шоколадных конфет, хотелось отблагодарить замполита Павлова и заодно его жену. Цветы для женщины на Новой Земле - это многого стоит.

Но так получилось, что на Новой Земле была непогода, борта там не принимали. В Архангельске, хотя снега уже не было, было очень пасмурно, настоящая весна была где-то еще на подходе.

Пришлось идти в спецгостиницу при аэропорте. На второй день Мирону, скрепя сердце, пришлось подарить уже довольно таки завядшие цветы молоденькой дежурной по гостинице, иначе они пропали бы. Это так ее растрогало, ведь в это время в Архангельске цветов нельзя было днем с огнем сыскать, что она весь вечер поила Мирона чаем с вареньем.

Через два дня томительного ожидания, появилось уже какое-то желание вернуться в часть, в суровые армейские будни. Наконец, на третий день, дали добро и самолет взял курс на Рогачево.

Новая Земля встретила Мирона неистойвой каплей и бурными потоками талых вод. Уезжал из суровой зимы, а вернулся в настоящую весну.

Доложив капитану Павлову о своем возвращении с отпуска, передав ему коробку конфет для его дочери и выразив сожаление о не доживших до этого дня цветах для его жены из-за задержки рейса, Мирон отправился к себе в роту.

Развод дневальных.

Вскорее, после возвращения с отпуска, командир роты майор Божко назначил Мирона старшим на суточное дежурство дневальных по роте. Приведя в форму в порядок, подшивив новый подворотничок, начистив сапоги, Мирон после обеда во главе своей команды отправился в штаб на развод дневальной службы. Здесь сержант, дежурный по штабу, построил дневальных со всех трех рот и пошел к командиру части с докладом.

Командир части полковник Крылов придирчиво осмотрел всех дневальных, проверил, насколько туго затянуты ремни, сделал несколько незначительных замечаний и завел свою любимую песенку о том, как он любит солдатушек, но любого негодяя, где

угодно найдет и казнит. Как обычно, он все это по привычке сдабривал трехэтажным матом и проходя мимо строя, грозно заглядывал каждому солдату в глаза. Когда очередной солдат под его упорным взглядом опускал глаза, он, удовлетворенный произведенным эффектом, переключался на следующего солдата. И так с каждым по очереди.

Мирон с интересом наблюдал за происходящим, за этим армейским тираном, его даже это несколько веселило. И вот настала очередь Мирона вступить в дуэль взглядами с полковником. Ему даже в голову не приходило, что надо все-таки лучше смиренно опустить глаза и закончить на этом этот своеобразный спектакль. Дуэль длилась достаточно долго, полковник от неожиданности даже прекратил сверкнословие и со злостью уставился на Мирона. Даже другие дневальные, все это время стоявшие как провинившиеся школьники с опущенными глазами, встрепенулись и уставились на Мирона с полковником.

Первым не выдержал полковник и произнес многозначительно:

- Ну-ну! Ишь, каков! Я тебе с Персиком еще покажу еще, как кляузы писать – прошел дальше вдоль строя, но речь у него уже как-то сбилась с привычного лада и он поспешно завершил развод.

С этого момента командиру части не давало покоя присутствие в части этого строптивного кляузника Мирона. Каждый раз на утреннем разводе, когда он в очередной раз упоминал про нерадивого солдата, полковник грозным взглядом выискивал в строю Мирона и глядя на него в упор, обрисовывал незавидную участь этого солдата. Таким образом, Мирон нажил себе серьезного и злопамятного врага в лице командира части.

ЛЕТО. ГОД ВТОРОЙ.

Спец по кранам. Купание в заливе.

Наконец наступило долгожданное лето, а с ним этот, уже ставший ненавистным, полярный день, с его назойливым вездесущим солнцем.

Неожиданно на БРУ появился начальник ОГМ Спецстроя майор Капканарь и заявил, что забирает Мирона на месяц по важному делу, так что оставшимся электрикам придется управляться здесь самим. Благо, общими усилиями на БРУ все работало как часы.

Оказалось, что нужно срочно собрать и установить башенный кран, недавно доставленный на транспортном судне, для строительства дополнительного корпуса штаба гарнизона. А электрик по кранам из второй роты, Пospelов из Верхней Пышмы Свердловской области, расписался в полной неспособности выполнить эту работу. Он умел менять на кранах только сгоревшие контакторы.

Для руководства этой работой из Североморска прислали вольнонаемного Колю, довольно забавного разбитного мужичка, плюгавенького, с выбитыми передними зубами, кранового монтажника высшей квалификации. Он был действительно классным профессионалом, невзирая на то, что очень любил выпить. Ему были приданы Мирон и еще четыре слесаря со второй роты, чтобы из отдельных частей смонтировать башенный кран, подключить все кабели, электродвигатели, приборы управления, короче, выполнить ту работу, которую на гражданке делают опытные мастера с большим стажем работы. А тут каким то безусым пацанам сказали: собирайте. И все.

Но Коля на этих кранах собаку съел и под его руководством работа пошла быстро. Вначале, с помощью тягача Кировец, доставили к зданию штаба портал с колесными тележками и закатали его на заранее приготовленные рельсовые пути. Затем так же привезли башню крана и с помощью автокрана КрАЗа установили его в горизонтальном положении на портал. Точно так же поступили и со стрелой. Потом на портал установили бетонные блоки противовесов. После этого слесари долго оснащали кран сотнями метров тросов, расчалками и почти полутонным полиспастовым крюком. При этом они

измазались с ног до головы липкой смазкой для троса, которую потом ничем нельзя было отмыть.

А в это время Мирон пытался разобраться с электрической частью крана. Все оказалось не так просто. Электрических схем оказалось два. Почему два? Конечно, крановой электрик из второй роты мог подсказать, но тот, скорее всего из чувства профессиональной ревности и человеческой вредности, играл в незнакомку, хотя в свое время он обучался на краткосрочных курсах электриков башенных кранов в Североморске.

Постепенно, шаг за шагом, разбираясь в бумажках и в самом кране, Мирон понял, что одна схема описывает силовую электрическую часть крана, то есть подводку кабелей и подсоединение всех его электродвигателей через контакторы, а вторая схема, более сложная, давала представление о монтаже всех приборов управления краном, безопасности и различных ограничителей. Оказалось, что все гораздо проще, чем представлялось вначале. Так что подготовить электрическую часть крана удалось без особого труда и смонтировать его вовремя.

И вот настал день, когда можно было поднимать всю эту конструкцию. Чтобы не мешать работе персонала штаба гарнизона, окончательную установку крана назначили на выходные, на воскресенье.

А в этот день в Базовом матросском клубе (БМК) показывали новый двухсерийный широкоэкранный художественный фильм «Москва слезам не верит». В клубе части ее не крутили, потому что там кинопроектор не был приспособлен для показа широкоэкранных фильмов. Поэтому командование части, в качестве поощрения, решило отправить особо отличившихся по службе солдат на просмотр этого фильма в БМК, в том числе и Мирона. А тут такой облом, надо кран ставить.

Но Мирону удалось получить разрешение командира роты, майора Божко, на то, что если удастся установить кран до начала фильма в БМК, то Мирон от штаба гарнизона придет самостоятельно, прямо в БМК. На том и порешили.

И вот поутру, все причастные к подъему крана собрались около него. Коля заставил слесарей тщательно облазить все фермы горизонтально лежащих башни и стрелы крана, не дай бог забыли на них чтонибудь. А затем вручил Мирону пульт дистанционного управления краном, на жаргоне монтажников башенных кранов обзываемый гитарой, со словами:

- Ты знаешь, что когда построят мост и впервые испытывают его на прочность, то принято, чтобы под ним стоял его главный строитель. Когда устанавливают кран, то около него стоять и поднимать его должен тот, кто монтировал его электрику, так что вперед и четко выполняй только мои команды.

Сам он отошел подальше, чтобы видеть всю картину подъема крана и скоординировал:

- Поднимай башню!

Нажатая кнопка привела в движение основной электродвигатель крана, тросы натянулись, башня вместе со стрелой начала медленно подниматься. Когда башня крана встала почти вертикально, с нее с грохотом посыпались различные железяки, чуть не расшибив Мирону голову, еле успел увернуться.

- Е... твою мать, я же сказал все убрать с крана. Вы что, козлы, хотите чтоб кого-нибудь убило здесь? – взвился Коля.

Слесаря сами уже поняли свою оплошность и стояли поодаль с убитым видом.

Когда башня встала вертикально, его быстро закрепили откосами и перекинули трос на стрелу.

Подъем стрелы прошел уже без приключений. Коля снял со своей головы кожаную летную шапочку, вручил его Мирону и скоординировал:

- Давай одевай и быстро наверх. Проверишь, не зажало ли где-нибудь в башне кабеля – шапочку он дал потому что там, на верхотуре, хозяйничал пронизывающий холодный ветер, а эта шапочка хорошо защищала от него и была очень удобная.

Не успел Мирон подняться на треть башни, как снизу раздалась грозная команда:

- Солдат, а ну быстро одеться по форме, это что за клоунский наряд? – это был полковник Крылов, неожиданно подъехавший в это время к месту установки крана.

- Товарищ полковник, наверху очень сильный ветер и эта шапочка там будет очень кстати – попытался объяснить самодуру Мирон.

- Я сказал немедленно снять его и одеться по форме, как положено! – чуть ли не с пеной у рта стал орать полковник – Я сказал немедленно!!!

Мирону пришлось ответить:

- Есть – и спуститься назад с крана за шапкой.

Коля, за спиной полковника, в недоумении развел руками, покрутил пальцем у своего виска и тихо матерясь пошел прочь подальше от этого истеричного полковника.

Пока Мирон проверял кабеля по всей высоте башни, командир части зорко следил за ним, высматривая еще какие нибудь нарушения, а потом громко и сердито сопя, забрался в УАЗик и отправился дальше по своим делам.

Но на этом воскресные приключения не закончились. Быстренько завершив все дела на кране, Мирон рысцой двинулся к БМК, времени до начала фильма оставалось совсем немного.

Запыхавшись, он забежал в фойе клуба и сразу наткнулся на начальника политотдела Спецстроя, капитана первого ранга Мелешко, который вместе с женой тоже решил посмотреть этот будущий оscarовский фильм..

- Здравия желаю.

Мелешко внимательно посмотрел на Мирона, он конечно же узнал его:

- Здравствуй, здравствуй. Ты тоже пришел посмотреть кино? Хорошее дело. Только скажи ка мне, пожалуйста, а почему ты пришел в клуб не вместе со своими товарищами в организованном порядке?

- Меня с утра вызвали на службу, поэтому командир роты майор Божко разрешил, как только я закончу работу, присоединиться к товарищам в клубе.

- Это точно? – с недоверием спросил начальник политотдела.

- Да, он разрешил.

- Ну что ж, я обязательно это проверю.

И проверил. Не поленился на следующий день лично приехать в третью роту, вызвал в канцелярию Мирона и спросил майора Божко:

- Товарищ майор, Вы вчера разрешили этому солдату посещение киносеанса в Базовом матросском клубе?

Не знаю, что в этот момент произошло с командиром роты, но он, почему-то, произнес:

-Нет.

Не поверив своим ушам, Мирон попытался апеллировать к памяти майора:

- Но как же так, я же лично подходил к Вам вчера утром сюда в канцелярию и Вы мне разрешили.

Пряча глаза и ни на кого не глядя, Божко обреченно повторил:

- Нет, этого не было.

Мирон понял, что майор не запямятовал, а смалодушничал, и потому оправдываться было бесполезно.

Начальник политотдела зловеще произнес:

- Так, я все понял. Нарушитель и обманщик понесет заслуженное наказание – его несказанно возмутило, что целого Начальника политотдела попытался обмануть какой-то солдат. Следующим пунктом его посещения был штаб части, где он устроил разнос по этому поводу.

На следующий день, на утреннем разводе, полковник Крылов был особенно в ударе. Он вызвал Мирона из строя, опять завел свою избитую пластинку про нерадивого солдата и с нескрываемым торжеством объявил ему трое суток ареста на гауптвахте.

Позднее, замполит Павлов поинтересовался у Мирона обстоятельствами этого инцидента. Выслушав его объяснения, он лишь только молча покачал головой и со вздохом отправил Мирона в роту.

Но ни на следующий день, ни на следующей неделе, ни вообще потом, никто из начальства не вспомнил об этих трех сутках ареста, так что похлебать баланду на нарах гарнизонной губы Мирону не пришлось. А майор Божко, после этого случая, старался не встречаться с Миронем, а если это случалось, то он старательно отводил глаза в сторону.

А фильм оказался просто замечательным, не зря он завоевал Оскара. Солдаты его долго обсуждали по вечерам. Женя Шинкарев тут же подобрал на гитаре аккорды и замечательно спел песни из этого фильма. Особенно близко к сердцу приняли фильм москвичи, он вызвал у них приятную ностальгию. Как будто наяву они побывали в родном городе, у себя дома. Конечно же не прошли всеми незамеченными очень смелые для Советского фильма постельные сцены с участием героини Веры Алентовой, особенно вид ее практически обнаженной груди. Да и вообще, сама Вера Алентова в этой роли показалась всем очень красивой и невероятно соблазнительной.

Оказалось, что после установки первого башенного крана, надо было собрать и установить еще один, а всего их в гарнизоне и его окрестностях стояло уже четыре штуки. Плюс еще два этих, получается всего шесть. Краны надо было кому-то обслуживать и поддерживать их в рабочем состоянии, а делать это в гарнизоне практически было некому, поэтому постоянным ответственным за них назначили Мирона.

Монтаж и установка второго крана модели Пионер, на центральной улице гарнизона для строительства нового пятиэтажного дома, прошла уже без всяких заморочек. Пионер отличался от других башенных кранов тем, что он был полностью цельнотрубчатым, а не ажурной конструкции, что бывает довольно редко.

Когда кран установили и начали проводить комплекс его предпусковых испытаний, к неописуемому ужасу всех монтажников, свободный конец стрелы крана, под нарастающий жуткий вой раскручиваемой лебедки, вдруг неожиданно стала стремительно падать вниз, проворачиваясь вокруг своей оси на верхней части башни крана. Присутствующие в панике, как тараканы бросились врассыпную, кто куда, спасаться от этой своеобразной гигантской палицы. Полутонный крюк крана ударился об землю, зарылся в него почти на метр между рельсами и увлекаемый через тросы концом этой стрелы, как гигантский плуг пропахал землю метров в пятнадцать в длину, при этом ломая, как спички, толстые бревна, используемые в качестве шпал под рельсами. Этот крюк сыграл роль якоря, стрела остановилась в положении пол седьмого, едва не ударившись в башню крана.

Немногочисленные прохожие впали в ступор.

Монтажники опасливо вылезли из своих убежищ, слава богу, никого не задело. Многоопытный Коля, с дрожью в голосе и с расстановкой недоуменно произнес:

- Что это было?

За свою жизнь он смонтировал десятки, а может быть и сотни кранов, но такое случилось в его практике впервые. Но когда разобрались, то его возмущению не было предела. Редко кому-либо приходилось слышать такую отборную брань, которая еще долго стояла над гарнизоном. Оказалась, что вопреки всем многократным указаниям Коли, слесари просто забыли прочистить и смазать ось, на которой сидят колодки тормоза фиксации положения стрелы. И вот когда электромагнит, при подъеме стрелы, раздвинул эти колодки, то при прекращении его подъема пружины не смогли вернуть эти колодки в исходное положение из-за заклинившейся проржавевшей оси и зафиксировать стрелу, которая в результате полетела вниз, так всех напугав.

Коля никак не мог успокоиться. Он, кроя нехорошими словами слесарей, сам лично проверил все самые ответственные узлы крана и лишь только после этого решил продолжить его испытания.

Приемка обоих кранов в эксплуатацию прошла благополучно. Наступили обычные трудовые будни. Время от времени краны ломались, но ничего серьезного, из ряда вон выходящего, не происходило.

Лето было в самом разгаре. В гарнизон один за другим приходили транспортные суда и танкера, доставляли все необходимое на зиму. Опять прилетали натовские аэростаты, вызывая уже привычный переполох у ПВОшников.

В один из этих дней Мирону было приказано срочно отправиться на ДАФ, там произошло ЧП.

Мирон, с группой слесарей из второй роты, спешно прибыл туда и перед его взором открылась удручающая картина. Рядом с башенным краном, он был в полном порядке, стоял уже знакомый автокран КраЗ, с помощью которого вели сборку тех двух башенных кранов. А вот этот автокран был не в полном порядке, далеко не в полном порядке. Его стрела была закручена спиралью, словно какой то гигант эту стрелу, как проволоку, намотал вокруг своего пальца. Зрелище было потрясающее.

Оказывается, для производства каких то работ на ДАФе, в помощь башенному крану отправили этот автокран. И вот в ночное время, когда автокрановщик, гражданский специалист, отдыхал, какой то безалаберный матрос с ДАФа решил поизучать автокран и забрался в его кабину. Так как двигатель автокрана не работал, он без опаски стал нажимать на различные кнопки, дергать за многочисленные рычаги в кабине.

Но он никак не мог предположить, что помимо работы от собственного генератора, который вращается работающим двигателем самого автокрана, автокран может работать и от обычной силовой электросети, к которому подключается через электрокабель. К несчастью матроса автокран как раз и был подключен к электросети, а не менее безалаберный автокрановщик, из лени, перед отдыхом не отключил этот кабель.

И вот, в какой то момент, неожиданно для матроса автокран вдруг ожил, стал поднимать крюк. Лихорадочные попытки матроса остановить подъем крюка, хаотичным дерганием за другие рычаги, усугубили дело. Помимо крюка стала подниматься стрела, при этом сам кран стал вращаться. Почему-то не сработали концевые ограничители, установленные на автокране для безопасности. А может быть их на кране специально отключили, как это часто бывает в армии.

Матрос в панике выскочил из кабины крана и побежал будить автокрановщика. И пока обалдевший, ничего не соображающий со сна автокрановщик с матросом прибежал назад к крану, вместо прямой стрелы они увидели только замысловато покореженную спиральку. Вот такие бывают казусы. И смех и грех.

Прибывшие слесари, с помощью башенного крана, отсоединили от автокрана то, во что превратилась стрела, Мирон проверил электрическую часть, отсоединил электропитание от блока управления крана и автокрановщик, матерясь, на чем свет стоит, погнал этот обезстреленный кран на базу, дожидаться там новой стрелы с очередным транспортным судном.

В обратный путь на базу ребята решили отправиться пешком по тундре, погода к этому располагала. Яркое светило солнце, на небе ни облачка, ни ветерочка. Тундра сплошь была покрыта ковром из ягеля, в некоторых местах, на самом солнцепеке, появилась зеленая травка, перемежаемая какими то низкостелющимися кустарниками. И

самое главное, среди всей этой растительности проглядывали островки с маленьким фиолетовыми цветочками.

Красота, хотя скудность палитры красок северного пейзажа вроде бы не должна была вызывать таких эмоций. Но говорят, что в арктической природе есть своя, особая красота. Многие, долгие годы прожившие в Арктике, скучают по ней, мечтают хотя бы не надолго вернуться обратно в эти суровые края. Короче говоря, тянет и все.

У ребят, изо дня в день видевшие только плац, бетонку и заваленную техникой и хламом базу, эта северная природа вызывала чувство восторга и умиротворения. Они, сняв гимнастерки и сапоги, улеглись на ковер из мха среди фиолетовых цветочков, подставив лица ласковым лучам негорячего северного солнца и забылись каждый в своих мыслях и воспоминаниях. Хорошо то как.

Прошло неизвестно сколько времени, ведь в полярный день определить это по солнцу невозможно, некоторые из группы стали обзирать окрестности. Вдали были видны какие-то горы, в заливе, на высоком берегу которой расположились ребята, поодаль стоял огромный танкер, который не мог из-за своих размеров подойти к причалу ДАФа. Другой небольшой танкер челночил между ним и ДАФом, перевоза топливо в огромные круглые сооружения на берегу.

Внизу под склоном начиналась зеркальная гладь залива, ни одной ряби, было полное безветрие. Сквозь толщу прозрачайшей воды, в ярких лучах солнца, можно было рассмотреть даже самый маленький камушек, каждую песчинку. Вода в заливе казалась такой заманчивой и ласковой, что у большинства присутствующих появилось желание искупаться. Сказано, сделано. Что нам холодная вода, если удалось пережить пятидесятиградусные морозы. Сбросив полностью одежду, а кого стесняться то в тундре, леммингов что ли, Мирон и еще несколько человек спустились к заливу и с ходу бросились в воду. В следующее мгновение они с диким воплем, как ошпаренные выскочили обратно на берег, дико стуча зубами. Тело покрылось гусиной кожей, а что там уж говорить о мужских причиндалах. Мошонки у всех скукожились до невероятных размеров, еле угадывались между ног, члены осунулись и спрятались в складках кожи. Оказывается, здесь на севере, если вода находится в естественных условиях в открытых водоемах, то она практически никогда не прогревается выше трех градусов по Цельсию. Поэтому всем желающим искупаться в этих краях, может кроме любителей зимнего плавания, будут обеспечены самые острые и непередаваемые ощущения.

Пора было возвращаться на базу. Всем участникам небольшой прогулки этот день запомнился надолго. Потом зимой, под завывание вьюг, они часто с теплом вспоминали об этом чудесном летнем дне.

Неудавшаяся ссылка.

Однажды ранним летним утром Мирона, еще до развода, вызвал к себе старшина роты прапорщик Войтович, который торжествуя вручил ему мешок с зимним и парадным обмундированием и велел идти в штаб. В штабе прапорщик из первой роты ошеломил Мирона сообщением, что его, вместе с Димой Персиком, переводят служить в поселок Северный. Только вот командир взвода сейчас заберет Диму с его очередного залета на губу.

Командиром взвода был молодой лейтенант, распределенный в армию после окончания строительного института. Солдаты дали ему очень обидную кличку, Сосок. Он по всем своим человеческим качествам был действительно ее достоин.

Соску долго пришлось просить начальника гауптвахты, капитана второго ранга, досрочно отпустить Персика с губы, что без уважительной причины было недопустимо, наказание всегда должно было строго соответствовать приговору, ни больше и не меньше.

Но узнав, что Персика переводят служить в поселок Северный, кап два пошел навстречу и освободил Персика. Даже напутствовал его, с некоторым показным сочувствием:

- Дима, мы уже привыкли к тебе, почти, как к родному. Ты ведь у нас частый гость. Я желаю, чтобы служба на новом месте у тебя сложилась самым наилучшим образом, хотя условия там очень непростые. Но я думаю, что все обойдется. Желаю тебе всяческих успехов, до свиданья.

- Товарищ капитан второго ранга, Вы уж простите меня, что доставил Вам столько хлопот, да к тому же так часто. Но я это не со зла, а тем более к Вам. Мне так нравилось общаться с Вами, что на севере мне Вас будет не хватать – в тон ему ответил Дима.

- Лейтенант, забирайте его – поспешил закончить прощание начальник гаупвахты.

На самом деле кап два был очень рад, что Персик покидает гарнизон, уж больно он намозолил ему глаза своими частыми отсидками на губе.

Персику тоже выдали мешок с обмундированием. Диму с Мироном посадили на командирский УАЗик и в сопровождении прапорщика отправили на аэродром Рогачево. Командиру части так хотелось избавиться от строптивого Мирона и пофигиста Персика, а заодно наказать их ссылкой на ядерные штольни, что для этого он решил предоставить свою персоналку.

В маленьком здании аэропорта аэродрома Рогачево было много народу. Разнокалиберные офицеры, гражданские специалисты, хохлы шахтеры, большинство из них были навеселе. Они громко общались между собой в ожидании добра от синоптиков на вылет вертолетов в поселок Северный.

Наконец добро было получено, первая партия вылетела в северном направлении, но без Мирона с Димой. Затем вылетел второй борт, за ним третий, а их все брали и не брали.

Сопровождавший их прапорщик заметался по аэропорту, пытаясь выяснить, когда отправят его подопечных. От командира части полковника Крылова он получил строжайший приказ, обязательно отправить эту сладкую парочку ближайшим же рейсом и возвращаться в часть только без них. Но у тех, кто распоряжался посадкой людей на вертолеты для отправки на север, на очереди были персоны несравнимо важнее, чем эти два незнамо откуда взявшихся солдатики, и они просто посылали подальше этого докучливого прапорщика.

В это время Мирон с Димой завалились в буфет при аэропорте, вполне приличную точку общепита. Накупили давно забытой всякой снеди, обложились ими и стали заниматься в свое удовольствие чревоугодием. Пирожки, пирожные, бутерброды с рыбой, бутерброды с колбасой, бутерброды с сыром, конфеты, соки, вообще все тридцать три удовольствия. А бедный прапорщик в это время все метался и метался по аэропорту.

Но не обошлось и без ложки дегтя в бочке с медом. Дима спросил Мирона:

- А знаешь, что нас ожидает сразу после прилета в Северный? – и рассказал то, что стало ему известно от того самого Володи, его бывшего одноклассника, случайно застрелившего из самопала сослуживца.

Когда бардак и разгул дедовщины в военностроительной части в поселке Северный перешел все мыслимые границы, командование, после прошлогодних ядерных испытаний, решило назначить его командиром подполковника, длительное время командовавшего дисбатом, а по совместительству мастера спорта по боксу, чтобы хоть как восстановить дисциплину в части.

Прибыв к месту назначения, новый командир, первым делом, приказал переустановить дверь в его кабинете в штабе, чтобы она открывалась наружу, в коридор. Вскоре стало ясно, для чего это ему понадобилось. Каждого провинившегося или прибывшего в ссылку, он, после краткого наставления, выставлял из кабинета натренированным боксерским ударом, да таким, что нокаутированные бедолаги своим телами, на лету, распахивали дверь и вылетали в коридор. Володя утверждал, что этот

метод, по всей видимости, практиковавшийся подполковником ранее в дисбате, оказался весьма действенным. Бардак в части пошел на убыль.

Перспектива встречи с таким воспитателем не очень радовала Мирона с Димой. Ведь ему в ответ не врежешь пяткой между глаз, как какомунибудь деду. Пришло время призадуматься. Количество улетевших вертолетов все увеличивалось, а людей в аэропорту становилось все меньше. Значит, вероятность отправки к месту ссылки была очень велика.

И здесь Мирон увидел телефон у стойки регистрации. Ему в голову пришла спасительная мысль. Он получил разрешение у дежурившего в аэропорту капитана и позвонил своему другу матросу Игорю, адъютанту Начальника политотдела полигона контр-адмирала Дьяченко:

- Игорь, привет, это Мирон.

- Мирон привет, я рад тебя слышать. Как раз вспоминал о тебе, хотел вечером встретиться с тобой, чтобы уточнить время нашей очередной тренировки.

- Игорь, сегодня вряд ли удастся встретиться, да и вообще, наверное долго не придется увидеться мне с тобой.

- А что случилось, это почему же так?

- А ты помнишь, как я тебе рассказывал про наше с Димой письмо в прокуратуру?

- Конечно, помню.

- Так вот, командир части в отместку за нее и видимо с подачи Начальника политотдела Спецстроя, меня с Димой Персиком ссылает в поселок Северный. Мы уже сидим в аэропорту, ждем вертолета.

- Так, все понял. Ничего не обещаю, но постараюсь чтонибудь сделать.

Через двадцать минут примчался дежурный по части на том же командирском УАЗике. Он велел троице немедленно ехать обратно в часть. Ай да Игорь, ай да сукин сын.

Обалдевшие от такого поворота событий, Мирон с Димой, которые все еще не могли поверить, что сумели избежать встречи со дисбатовским подполковником, с шиком приехали назад в часть, где их уже поджидал с хитрой улыбкой Игорь. Дима потащил мешок с обмундированием в роту, а Мирон остался поговорить с Игорем.

Игорь рассказал о последовавших после телефонного разговора событиях. Он немедленно пошел к контр-адмиралу Дьяченко и доложил тому все, что стало ему известно от Мирона. Контр-адмирал был в курсе дела в отношении письма в прокуратуру и имел на этот счет свое мнение. Поэтому он тут же поднял телефонную трубку и кратко, жестким тоном приказал начальнику политотдела Спецстроя капитану первого ранга Мелешко вернуть назад Мирона и Диму в часть и впредь их никуда не отправлять. Приказы начальства такого уровня в армии выполняются мгновенно и беспрекословно. Поэтому командир части спешно отправил дежурного по штабу опять на своем УАЗике на аэродром за сосланными, не дай бог они успеют улететь.

Порадовавшись такому хеппи-энду, договорившись встретиться на тренировке в спортзале, Мирон попрощался с Игорем и отправился в роту. Но к своему изумлению он не застал здесь Диму. Как сквозь землю провалился. И никто не знал, куда он подевался.

Но через полчаса все прояснилось от самого Димы, который вошел в роту с развеселой улыбкой на лице.

Как рассказал Персик, когда он пошел в роту, ему по дороге встретился лейтенант Сосок. Завидев Диму, он заверещал:

- Персик, а почему ты здесь? Тебя ведь отправили на север. Ты что, сбежал оттуда?

И тут Дима выдал:

- А не пошел бы ты на х..., Сосок? – так лейтенант узнал от Димы, кем он является для солдат.

Что тут после этого началось? Сосок начал орать, вернее визжать. При этом он, ни с того ни с сего, начал безобразно заикаться. Раньше за ним такого никогда не замечали. Сосок заставил командирского водителя отвезти его вместе с Персиком на гауптвахту.

На гауптвахте он стал с пеной у рта требовать, чтобы Персика забрали обратно, так как этот негодяй не отбыл здесь положенного ему срока, а тем более он посмел его, офицера, послать на три буквы.

При виде вернувшегося Персика, который театрально разводил руками и пожимал плечами с ангельской улыбкой на лице, начальник гауптвахты вначале впал в ступор. Но затем, когда он услышал тираду Соска о том, куда Персик его послал, кап два мгновенно озверел и выдал Соску:

- А пошел ты на самом деле на х...!!! Ты что, издеваешься надо мной? То просишь его раньше времени отпустить, а теперь пытаешься всучить его мне обратно? Тебе что здесь, рынок что ли? Если ты сейчас же не уберешься отсюда вместе со своим Персиком, то я тебя самого посажу, прямо в карцер! Пошел вон!

Сосок как ошпаренный выскочил из здания гауптвахты.

Так Дима в этот день успел снова побывать на губе, но только совсем ненадолго.

- Дим, кончай искать на свою жопу приключений, хватит их на сегодня. Не надо гневить бога и испытывать его терпение. Хорошо то, что хорошо кончается – урезонил Мирон Диму.

- Ты знаешь, этот Сосок просто завел меня. Но я думаю, что действительно нужно немножко успокоиться, не стоит он того, чтобы нарываться снова на неприятности.

Так удачно для Мирона с Димой закончился этот день, ничего хорошего не суливший им с утра.

Перевод во вторую роту.

Поскольку и башенные краны, и автокраны относились ко второй роте, то к великому облегчению майора Божко, ведь Мирон был живым укором его малодушия, поневоле вечно маячившим перед его глазами, его перевели во вторую роту. Так что, практически за год службы, ему удалось отметиться во всех трех ротах части.

В то время второй ротой командовал капитан Подольский. По странному стечению обстоятельств, он сам был из города Подольска Московской области. Вот такое бывает совпадение. Командиром он был хорошим, адекватным и незлобным. Вообще, как показала жизнь, в Советской армии, оказывается, служат немало достойных офицеров. К ним относился и капитан Подольский.

Да и старшина второй роты, немолодой прапорщик Лэла, в отличие от старшины третьей роты прапорщика Войтовича, был не склонен к самодурству, хотя персонально к Мирону он, вначале, относился особо придирчиво, видимо сработал механизм прапорщицкой солидарности. Но и здесь, по прошествии некоторого времени, он, увидев, что солдат то нормальный, проблем от него никаких нет и служит, дай бог каждому, перестал доставать его.

Да и вообще, во второй роте обстановка была более комфортная, чем в других ротах. Деды не зверели и в своих устремлениях особо не изошрялись в изуверстве, каждый знал свое место, ну и слава богу. Мирона в роте приняли вполне дружелюбно, тем более что он уже отслужил больше года, одно это обязывало других уважать его, тем более, все помнили о его конфликтах в первые месяцы службы со старослужащими и о жертвах этих конфликтов.

Перед входом во вторую роту стояла колесная пара от вагонетки, как все утверждали, весом килограммов в пятьдесят. Изредка к нему подходили местные силачи и на зависть другим выполняли упражнения, по несколько раз выжимая его над головой. При этом они каждый раз поглядывали на Мирона, мол карате - это хорошо, но, с твоим петушиным весом, куда уж справиться с этой болванкой. Действительно, вес был

солидный для восемнадцатилетних пацанов, мало кто из них мог справиться с ним. Мирон к этой железяке, до поры до времени, не подходил, надоело уже кому-то что-то доказывать.

Но в один из теплых, по северным меркам, летних дней, когда после обеда все высыпали погреться перед ротой на солнышке, Мирон, из любопытства, подошел к этой штанге и чтобы наглядно оценить его тяжесть, попробовал оторвать его от земли. То ли показалось, то ли на самом деле было, но по ощущениям штанга оказалась не настолько тяжелой, ну никак не тянула на пятьдесят килограммов. Мирон подумал про себя, чего это так гордятся те, кто смог поднять его и отошел в сторону.

Увидев это, один из местных силачей подошел к штанге и глядя на Мирона, демонстративно поднял его несколько раз. Это был явно вызов. Можно было конечно его проигнорировать, но тут что-то щелкнуло в голове у Мирона. Он молча подошел к штанге, двумя руками, за его среднюю часть, затащил эту железяку себе на правое плечо. Все замерли в недоумении. Побалансировав немного штангой на плече, пока она не успокоилась в равновесии, Мирон, сильно качнувшись, резко выбросил ее вверх одной правой рукой и зафиксировал ее. Вес взят!

Можно было сколько угодно упражняться в поднятии этой штанги двумя руками и гордиться этим, но попробовать поднять одной рукой эту колесную пару от вагонетки никому еще в голову не приходило. Никто до Мирона не делал этого. И после, за время его службы, никто другой не мог похвастаться этим. С тех пор поднятие этой железяки двумя руками уже не считалось каким то достижением.

Во второй роте служил солдат по имени Семен, ненец по национальности. Бытовало мнение, что представителей малочисленных вымирающих народностей не берут в армию, берегут их. Но Семена угораздило попасть на службу, может быть он сам вызвался добровольно, чтобы разнообразить свою жизнь, но об этом история умалчивает. Служил Семен вполне исправно, в хоззвезде. Был он добродушным, обстоятельным и несколько наивным человеком, наверно как все представители народностей севера. В роте над ним незлобно подтрунивали, но все, без исключения, любили его, хорошим он был парнем.

Частенько ребята ему вполне серьезно говорили:

- Семен, айда после службы ко мне на родину. Там выучишься на когонибудь, найдешь красивую деваху, женишься на ней, родишь детей и будешь жить, как нормальный человек. А то, что у тебя за жизнь в тундре? Кругом снега, снега. Месяц лета, а остальное время зима. Гнус поедом ест, а поспать сходить, так надо обязательно с двумя палками идти, чтобы одной от волков отбиваться, а другой замерзшее говно от жопы откалывать.

- Нет – отвечал Семен – Вы ничего не понимаете в моей жизни. Вот вернусь после армии, женюсь я на своей ненке, она меня ждет. Папа обещал дать мне небольшое стадо, штук пятьсот оленек, и тогда я с женой буду кочевать по тундре и пасти это стадо. Я только об этом и мечтаю, мне ничего другого и не надо.

- А если задует вариант, а вокруг в тундре никого и спасти тебя будет некому, ведь замерзнешь.

- А что вариант, я его ни капельки не боюсь. Натяну я малицу, укутаюсь в него с ног до головы, зароюсь в снег вместе с оленками и пережду вариант, не замерзну, уже приходилось

- Но если будет дуть несколько дней, ведь с голоду умрешь?

- Нет, у меня всегда на этот случай с собой бывает вяленая оленина, его на несколько вариантов может хватить.

Так никто не смог убедить его уехать вместе с собой, куданибудь в Тамбов или Свердловск. Ему тундра и олешки были милее всего в жизни.

Потом, после увольнения, Семен частенько присылал своим бывшим сослуживцам к какому нибудь празднику выделанные шкуры оленей, их детям или женам на шубку, не забывал своих друзей. Шубы получались отменные, очень теплые и красивые. Но носились они, от силы, всего пару сезонов, таковы свойства оленьих шкур. Трубчатые волоски шерсти на шкурах оленей очень хорошо сохраняют тепло, но в силу своего строения они быстро разрушаются и осыпаются, делая изделия из них недолговечными.

Геолог.

Позади казармы второй роты стояло несколько бараков. В одном из них обитали геологи, которые наезжали туда обычно летом. Что-то они искали в тундре, иногда опутывали гарнизон и его окрестности километрами кабелей, делали какие то замеры, время от времени производя небольшие взрывчики в вечной мерзлоте. Когда геологи приезжали из тундры, то по вечерам они собирались около своего барака у костра, пели бардовские песни под гитару, разливая по стаканам и выпивая за нерушимое братство геологов. Ват такая была у них романтика, воспетая в книгах, кинофильмах и песнях.

Хотя гарнизон был достаточно большой, все что в нем ни случалось, быстро становилось достоянием всех его обитателей, такова специфика оторванных от цивилизаций поселений. До геологов тоже сорока на хвосте принесла весть, что в расположенной рядом с ними части какой молоденький солдат, чудо каратист, штабелями укладывает злых дедов.

И вот в один из воскресных дней в роте появился бородатый колоритный человек лет тридцати. Оказывается, он был родом из Ленинграда, где выучился на геолога и теперь работал там в одном из НИИ, наезжая оттуда в летний полевой сезон на Новую Землю. Геолог достаточно долгое время тренировался в одном из полулегальных школ карате в Ленинграде и теперь ему непременно хотелось познакомиться с Мироном. Для начала он пригласил Мирона в барак геологов, где угостил чайком и консервами, что еще может быть другое у геологов в экспедиции. Потом, к обоюдному удовольствию, были долгие беседы о карате, о службе Мирона, да вообще о жизни. Встретились почти родственные души.

Мирон немало узнал от него про Новую Землю, которая является продолжением старейших в мире Уральских гор, славящихся своими самоцветам и другими полезными ископаемыми. Оказывается, Новая Земля не менее богата ими, здесь можно найти практически всю таблицу Менделеева.

Когда пришла пора расставаться, геологу предстояло возвращение в родной Ленинград, он подарил Мирону на память красивейшие агаты, найденные им на Новой Земле и собственноручно обработанные им здесь же.

Лето приближалось к концу. Залив опять был забит различными кораблями, лайнером «Буковиной», БДК, БПК и прочей мелочью. Опять водители с первой роты затревожились, на кого нынче падет выбор быть откомандированным на забивку в поселок Северный. Все-таки это был для них большой стресс. Но никуда не денешься и как в прошлом году, все, что должно было отбыть на борту кораблей и судов, люди, техника и изделия, отправились туда в строго назначенный срок. Никто задания партии и правительства не отменял.

ОСЕНЬ. ГОД ВТОРОЙ.

Чеченцы.

В начале сентября в часть, в первую роту, из Северодвинска перевели пятерых чеченцев, ребят весеннего призыва этого года. Считается, что если кого-то переводят с материка на Новую Землю, то это им в наказание за очень серьезную провинность по месту старой службы. За что перевели чеченцев, то они об этом упорно молчали. Ребята были все как на подбор, крепкие, крепкие, жилистые, короче говоря, настоящие кавказцы.

В первое время они вели себя очень прилично, не задирали ни кого, мыли полы как все ушаны, были очень даже обходительны, какими могут быть только выходцы с Кавказа, старались наладить отношения с сослуживцами. В конце концов, они стали своими даже среди молодых.

Но затем стали происходить удивительные метаморфозы. Как-то совсем незаметно они перестали мыть полы и даже стали покрикивать на сослуживцев одного с ними призыва, гонять их, при этом дружно впятером подавляли любой ропот недовольства с их стороны.

Дальше, больше. Чеченцы стали ни во что не ставить молодых, дерзить старикам и даже огрызаться на дедов. Все это они делали вместе и очень дружно, так что поодиночке старослужащие с ними ничего не могли поделать.

И вот тогда деды собрались и вынесли им приговор, надо проучить этих чеченцев.

В один из осенних дней на автобазе, после обеда, когда отсутствовали офицеры, в ответ на очередную дерзость чеченцев, человек двадцать стариков и дедов налетели на них, кто с кулаками, кто с заранее приготовленными любимыми орудиями экзекуции – черенками от лопат. Били чеченцев страшно, но никто из них не убежал, видимо у них был уговор не бросать друг друга. Но и чеченцы, всего лишь впятером против двадцати человек, тоже сумели нанести нападавшим немалый урон. Они как могли, стоя спина к спине, отбивались и помогали друг другу подняться, если ктонибудь из них падал. Уже не один черенок был сломан об их спины. Когда сбитого с ног чеченца начинали бить ногами, он начинал кричать:

- Все, все, я сдаюсь, убьете же меня!

Но как только от него отступали, он, весь в крови, вскакивал на ноги и с криком:

- А-а-а собаки, убью! – присоединялся к своим соплеменникам.

Это могло продолжаться до бесконечности, если бы молодой, стоявший в это время на стреме не крикнул:

- Шухер, командир! – и все разбежались, оставив избитых чеченцев посреди базы.

Надо отдать должное чеченцам, которые, невзирая на настойчивые попытки командиров заставить их назвать участников драки, так никого и не выдали. Более того, позже они прислали парламентария, который передал:

- Ладно, мы все поняли, больше к нам вопросов не будет.

Конечно, никто не поверил, что они все поняли, но вопросов к ним в дальнейшем уже действительно больше не возникало. Но все в части были поражены тому, как они дружно стояли друг за друга, той смелости и той дикой отваге, с которой они до конца дрались впятером против двадцати человек.

Более двадцати лет спустя здесь произошли уже действительно драматические события с участием других кавказцев, которые всколыхнули всю страну.

В гарнизоне служила группа солдат, призванных из Дагестана. Четверо из них, находясь под арестом за пьянку на гарнизонной гауптвахте, убили караульного матроса,

захватили автомат и поехали на аэродром Рогачево. Здесь они захватили 40 учеников и шесть преподавателей местной школы и потребовали предоставить им самолет до их родины, Дагестана. Террористы мотивировали свои действия тем, что хотели сами убедиться в том, что в Махачкале, во время произошедшего накануне сильного взрыва, в результате которого было разрушено несколько домов, не пострадали их родственники.

Начальник полигона контр-адмирал Шевченко сумел освободить больше половины школьников, предложив террористам себя, вместо них, в заложники. При этом один из террористов сдался властям.

Самолетом Ан-12 в Рогачево срочно была доставлена группа "Антитеррор" из Североморска.

Вся развязка событий происходила на борту этого самолёта. При пересадке террористов из якобы неисправного самолета АН-26, который им был ранее предоставлен, в АН-12 они были обезврежены спецназовцами.

Но все это произошло уже в другое время и в другой стране.

Аккорд осенних дембелей.

В это время на котельной, где начиналась служба Мирона, работа шла полным ходом. Уже исправили все дефекты фундамента, переложили треснувшие кирпичные стены, установили огромные котлы и возвели над ними крышу.

Теперь встал вопрос о подведении туда коммуникаций, которыми надо было подсоединить новую котельную к стоявшей рядом старой котельной.

А в том месте, где должны были проходить эти коммуникации, между старой и новой котельными, был закопан огромный бетонный блок, тонн на двадцать. За этот блок крепилась оттяжка трубы старой котельной, удерживающая ее при ураганных ветрах. Что с ним делать, никто не знал.

И тогда объявили осенний дембельский аккорд. Надо было разбить эту бетонную глыбу отбойными молотками. Объявились добровольцы, которым увольнение светило в самую последнюю очередь, перед самым Новым годом. А тут есть возможность уехать в числе первых, если конечно работу успеют выполнить.

Но не тут то было. В то время, когда строили старую котельную, все делали на совесть, навека. Даже этот бетонный якорь сделали из супербетона. Пика отбойного молотка как мячик скакала по поверхности блока, без всякого ущерба для него. За полмесяца изнурительной работы дембелям удалось только срезать углы этого, уже ставшего им ненавистным, камешка.

Кому-то из них пришла в голову идея, попробовать вытащить его стоявшим рядом башенным краном, на который на спор с Рики лазил белобрысый Сашка. Мирон объяснил им, что блок, по всем расчетам, весит тонн двадцать. Кран, с полиспастом на крюке, может поднять максимум восемь тонн, так что не катит. Да и ограничитель грузоподъемности (ОГП) на кране не позволит им этого сделать. На слезные просьбы дембелей отключить ОГП, Мирон ответил категорическим - нет, это было подсудным делом.

В один из октябрьских дней Мирон, находясь на базе, увидел странные манипуляции башенного крана у котельной. Башня крана, крюк которого был опущен в проем между старой и новой котельной, стала отклоняться от вертикали и постепенно достигла угрожающего наклона, градусов десять. Подойдя поближе, он, к своему изумлению, увидел наклонившийся кран, стоящий только на двух опорных рельсовых тележках, а крюк крана зацепленным за тот самый злосчастный бетонный блок.

Оказалось, что среди дембелей нашелся умелец, который сумел, по чьей то подсказке, отключить ОГП на кране и теперь они насиловали его, пытаясь вытащить этот блок. Но доведя кран до угрожающего наклона, хорошо еще он при этом не переломился, они поняли всю тщетность своих усилий. Дембеля сидели понурившись около крана, надо

было расписаться в собственном бессилии и смириться с увольнением в самый канун Нового года.

- Мужики, надо ослабить трос на крюке и поставить кран на место, а то не дай бог он сковырнется и тогда, вместо дембеля, Вы все загремите в дисбат – сказал им Мирон.

Когда кран вновь занял вертикальное положение. Мирон продолжил:

- У меня есть к Вам предложение. Вы все, в течение недели, отдаете за завтраком свое масло мне и моим друзьям, а я подскажу Вам, как перетащить этот блок. Договорились?

Дембеля были согласны на все, были готовы отдавать масло вообще до конца своей службы, лишь бы ктонибудь помог вытащить им этот ненавистный блок.

- Тогда договаривайтесь и пригоните сюда два тяжелых бульдозера с тросами и автокран КрАЗ, которому недавно поставили новую стрелу. Будем тащить бегемота из болота.

Через два часа вся техника была на месте. Расчет был прост. Автокран КрАЗ, максимальная грузоподъемность которого была шестнадцать тонн, легко приподнял за один край двадцатитонный бетонный блок, а два мощных бульдозера, тросами зацепившись за этот самый край, выдернули многострадальный блок из ямы. Все это заняло не больше часа.

Уговор дороже денег, от лишней порции масла, да еще в течение целой недели, здесь на севере еще никто не отказывался.

С этой котельной связана одна печальная история. Когда-то, на заре службы, вместе с Мироном здесь на котельной начинал службу Соловьев Сергей. В отличие от Мирона, он никуда с котельной не уходил. Был Сергей тихим, неприметным худеньким пареньком из интеллигентной московской семьи.

Но, как гром среди ясного неба, всех в эту осень ошеломило известие, что Соловьев арестован и его будет судить военный трибунал.

Позднее, от других солдат, тоже имевших к этому делу отношение, но только сумевшие избежать наказания, стали известны подробности залета Соловьева. Кому-то из занятых на строительстве котельной солдат пришла в голову идея, во время ночной смены наведаться в соседний войсковой склад. За компанию пошел туда вместе со всеми и Сергей. Набрали они там полшерстяного обмундирования (ПШ), кожаные офицерские сапоги и еще всякую ерунду.

Когда воришки вернулись со всем этим добром на котельную, то встал вопрос, а куда все это девать, ведь в роту это не потащишь. Но на самом деле было бы гораздо уместнее задать другой вопрос, а зачем вообще им все это понадобилось? Надеть все это барахло, без законного вопроса со стороны командования, откуда все это взялось, невозможно в армии. Вывезти с режимного гарнизона все это на материк, тоже невозможно. А самое главное, зачем все это потом может понадобиться на гражданке? Короче говоря, это был абсолютно глупый поступок. И спрятали ребята все это барахло под кучей шлака, здесь же на котельной.

Конечно, кражу сразу же обнаружили. Следователи долго искали воров, но безуспешно, пока один из участников ночного похода на склад не проболтался кому-то о своем подвиге, тот другому и пошло поехало. В конце концов, информация дошла до кого надо. На котельную пришли следователи, всех допросили. И только Соловьев, в отличие от других не смог соврать, в силу своего воспитания, и признался в воровстве, но при этом, опять таки в силу своего воспитания, никого не выдал, а взял всю вину на себя. Обмундирование выкопали из кучи шлака и отправили обратно на склад, а Соловьева, по приговору трибунала, отправили в дисбат.

В середине октября доктор санчасти отправился на материк за осенним пополнением. Эдик Колбин предложил Мирону госпитализироваться, хотя бы на выходные дни. То есть он сделал вторую попытку, после неудачной весенней, интересно скоротать вместе время.

В санчасть, так в санчасть. На этот раз Эдик был вполне доволен выходными, проведенными вместе с Мироном. Поговорили вволю, в шахматы поиграли в удовольствие, Эдик до одури тренировался карате, а самое главное, они побаловали себя настоящей вкусной едой.

Мирону с Эдиком пришла в голову мысль взять в столовой кусок парной свинины, благо был свой свинарник при части. В отсутствии доктора Эдик замещал его, контролировал в столовой процесс приготовления пищи и качество исходных продуктов. Ему без труда удалось убедить повара отрезать от тушки свиньи кусочек получше, набрал лука, чеснока, другой приправы и все это принес в санчасть.

Поздно ночью, загнав всех больных в санчасть спать, Мирон с Эдиком приспособили новый стерилизатор из нержавейки в качестве сковородки и приготовили изумительную жареную свинину. Давно забытый вкус, давно забытый аромат нормальной человеческой пищи.

Полутру, буквально все в штабе считали обязательным навеститься в санчасть и поинтересоваться, а чем таким необычайно вкусным пахнет отсюда по всему штабу? На что Эдик в ответ бормотал что-то невнятное по поводу больного, который нечаянно уронил свой завтрак на плиту стерилизатора. Хорошо, что командования части, по причине выходных, в этот день не было в штабе.

ЧП на ядерных испытаниях.

По данным западных информационных агентств во второй половине октября Советский Союз на полигоне на Новой Земле произвел два испытательных ядерных подземных взрыва мощностью от двадцати до ста пятидесяти килотонн.

Об этом в этот день в части никто не догадывался. Раньше, как рассказывали старожилы, при проведении испытаний мощных термоядерных бомб, для безопасности, всех выводили из зданий, на случай их обрушения. А при испытании 31 октября 1961 года термоядерной царь-бомбы мощностью пятьдесят мегатонн, даже на острове Диксон в домах повывлетали стекла, не говоря уже о самом гарнизоне. Сейчас же, при проведении подземных испытаний зарядов малой мощности, в гарнизоне уже ничто не указывало на их подрыв, даже толчки не ощущались.

Но в этот день вдруг засуетились матросы службы химической защиты, дислоцированные напротив третьей роты. Они на своем БТРе, оборудованном приборами контроля за радиационной обстановкой, стали как угорелые носиться по всему гарнизону, останавливаясь в различных ее точках и производить замеры. Они же, по секрету, сообщили стройбатовцам, что во время взрыва на полигоне произошло ЧП, произошел выброс из разломов продуктов радиоактивного распада. Но сколько нащелкало у них на приборах, они категорически отказывались говорить.

А в штабе в это время билась в истерике фельдшерица, плачась капитану Либровскому, что муж не разрешает ей улететь с Новой Земли.

В гарнизоне мгновенно возникла паника и многие офицеры, особенно из высшего командного состава гарнизона, на всякий случай спешно предпринимали шаги по отправке своих семей на материк.

Позднее, вернувшись с командировки из поселка Северный, водители первой роты подтвердили, что действительно произошел выброс во время испытаний. Но синоптики в этот день дали верный прогноз. Основную часть ядовитого радиоактивного облака

отнесло ветром в сторону Карского моря. Командование хотело бросить на ликвидацию последствий этого ЧП стройбатовцев и матросов, но они категорически отказались это выполнять. Тогда за баранки автомобилей и другой техники сели офицеры и пошли в зараженную зону.

Начальство так и не сообщило о реальной радиационной обстановке в гарнизоне, паника среди населения понемногу улеглась и все вернулось на круги своя.

Кравченко и танцы.

В конце прошедшего лета, во время очередного визита в санчасть в гости к Эдику, Мирон застал у него в кабинете довольно забавного с виду солдата по фамилии Кравченко из Свердловска, из последнего осеннего призыва. Был он среднего роста, немножко пухленький, с выпирающим животиком. Когда разговаривал, он забавно картавил. Одет был Кравченко в замызганную и промасленную форму, сразу было видно, что из второй роты. В санчасть его привела гноящаяся рана на пальце руки, обычное дело для слесарей.

Совершенно случайно Кравченко обмолвился, что до армии он был многократным победителем конкурсов по бальным и современным танцам, в том числе и областного масштаба. Этот пухлик и победитель по танцам? Ничего более нелепого Мирон с Эдиком не могли и представить. Но Кравченко вполне серьезно уверял, что оно так и есть, а уж какие девушки мечтали стать его партнершами, словами не описать.

Уж если назвался груздем, то полезай в кузовок. Из ящика стола достали старенький кассетный магнитофон «Весна» портного Кузенкова из третьей роты и врубили музыку популярной в тот год западной группы «Смоки». Кравченко мгновенно преобразился, как-то сразу постройнел и выдал такое, что сомнений по поводу его побед на конкурсах ни у Эдика, ни у Мирона уже больше не возникало. Да, танцевал он просто класс! Оказывается, к тому же до армии он еще преподавал танцы детям.

Эдик обработал рану на руке Кравченко, велел завтра снова прийти на процедуры, а заодно, чтобы настроился на проведение урока современного танца для него с Мироном. Уж очень им хотелось в будущем на гражданке, а ведь когда-то обязательно они там будут, блеснуть умением танцевать.

Так начались регулярные занятия танцами в санчасти, в кабинете физиотерапии. И учитель, и ученики были очень довольны результатами, да и сами занятия, наряду с воскресными тренировками по карате, разнообразили довольно скучные армейские будни.

Через полмесяца Кравченко сообщил, что он рассказал двум молодым женщинам из бухгалтерии автобазы о проводимых им с Мироном и Эдиком уроках танца. Те проявили к этому живой интерес и пожелали тоже присоединиться к этим занятиям. Галина и Тамара, так звали этих женщин, быстренько сагитировали свою знакомую, дочь начальника политотдела Спецстроя Марину Мелешко, очень заводную и веселую девушку, присоединиться к занятиям.

В результате, стараниями Марины, официально разрешили занятия кружка по бальным танцам в клубе части, по субботам. Марина привела свою подружку Ларису, а к ребятам присоединился еще сержант Харланов из второй роты, призванный из Тюмени. И так, вместе с самим Кравченко образовалось четыре пары. Кравченко оказался прекрасным учителем, видимо сказывался опыт работы с детьми, а потому его старания не прошли даром. Вальс, танго, быстрый танец - классический набор, все оказалось ребятам по плечу.

В это время капитану Павлову пришло в голову устроить для личного состава части в клубе, на ноябрьские праздники, небольшое представление самодеятельности. Кто-то должен был читать стихи, кто-то петь песни и конечно, раз есть танцоры, станцевать. Для подготовки номера танцорам разрешили позаниматься дополнительно, в будние дни по вечерам.

Обычно на эти занятия приходили только Марина с Ларисой. Галина и Тамара не могли, должны были по вечерам заниматься дома своими семьями. После занятий Мирон с Харлановым провожали девушек до ближайшего, от военного городка, пятиэтажного дома, где они проживали, а затем быстренько возвращались назад, чтобы их не застукал патруль. Гордость не позволяла остановиться на полпути и оправдываться перед девушками, ссылаясь на рискованность таких прогулок.

И вот в очередной раз, когда дошли до подъезда дома девушек, Марина пригласила ребят к себе домой в гости, на чашку чая. Ее высокопоставленный папа и мама в это время были на материке. Предложение было очень заманчивым, трудно было отказаться. А Марине хотелось подольше побыть с сержантом Харлановым, которому она явно симпатизировала. Родителей Марины действительно не было дома. Оставив Мирона одного в гостиной смотреть телевизор, Марина и Харланов отправились на кухню готовить чай. Но что-то уж очень долго они его там заваривали, что Мирону пришлось крикнуть Харланова, потому что надо было спешить на вечернюю поверку, чтобы не угодить в число самовольщиков. Из кухни появились отчего то раскрасневшиеся Харланов с Мариной и что-то смущенно залепетали по поводу чайника, который почему-то долго не мог закипеть.

Быстро одев спецпошивы и попрощавшись с Мариной, ребята выскочили из подъезда и сразу напоролись на матросский патруль, старший которого с криком:

- Вот Вы и попались, а то мы уже жаждали – и вместе с двумя матросами бросился к ним.

Оказывается, патруль засек провожатых с девушками еще на выходе из военного городка, но решил их задержать на обратном пути, терпеливо дожидаясь самовольщиков у подъезда.

Не сговариваясь, Мирон с Харлановым бросились в сторону залива, но пробежав всего лишь с полсотни метров, ухнули куда-то вниз, в снежный провал. Сразу вокруг них густо за клубился пар, дыхание сперло от смрадного запаха канализационных стоков. Оказывается, они провалились в пустоту под снегом, которая образовалась в результате протекания в этом месте теплых канализационных стоков из домов в залив.

Оглянувшись вверх из провала, Мирон увидел сквозь клубы пара, в свете гарнизонных прожекторов, расплывчатые фигуры преследователей, которые тщетно пытались что-либо высмотреть сквозь плотную завесу пара.

Помогая друг другу, ребята выбрались из клоаки на другую сторону провала и побежали в темноту залива. Патруль не решился форсировать провал и продолжить преследование.

Когда стало ясно, что патруль им уже не страшен, беглецов охватил безудержный нервный смех, который тут же прервался, ведь где то рядом мог быть белый медведь, а это страшнее любого патруля. Теперь, гонимые только этой мыслью, они резвой рысцей, не останавливаясь, добежали по льду залива до части и только тогда с облегчением вздохнули, когда перешагнули через порог своей казармы. И во время, потому что сразу последовала команда строиться на вечернюю поверку.

Но труды, подкрепленные риском попадания в лапы всевидящего патруля, не пропали даром. Больше всего солдатам на концерте седьмого ноября понравился танцевальный номер, который пришлось повторить на бис. Но природа этого самого бис у большинства зрителей крылась в скрытом желании, наяву, подольше насладиться видом прелестных танцовщиц в обалденно соблазнительных нарядах, обтягивающих их точеные фигурки. Ведь подавляющее большинство солдат были лишены этой возможности все два года своей службы.

Не был ушаном и дедом не буду.

Вначале службы казалось, что время остановилось. Дни медленно складывались в недели, а недели никак не хотели сложиться в месяцы. Но с прибытием нового осеннего пополнения, Мирон неожиданно для себя сделал открытие, черт побери, а ведь уже полтора года отбарабанил и осталось-то всего ничего, лишь последний бросок до дембеля. Те, кто призывался вместе с Мироном заважничали, как будто у них за спиной и в помине не было пугливого и унижительного ушанства, ведь теперь они именовались столь долгожданным именем деды.

Многие из них к этому времени, всеми правдами и неправдами, сумели обзавестись офицерскими шапками, яловыми сапогами и кожаными ремнями, бляхи которых им до зеркального блеска начищали пастой Гойей новоявленные ушаны. Новые деды уже забыли, что значит подшивать подворотнички и чистить сапоги, заправлять постели. Для них все это делали теперь ушаны.

Конечно не все новоявленные деды были такими кровопийцами, некоторые в силу перманентной забитости, иные в силу слабохарактерности, третьим же не позволяло воспитание.

Мирон тоже не позволял себе дедовских привилегий, во первых, ему это было противно, а во вторых, он всегда помнил слова того самого мудрого деда, который в начале его службы, во время стычки с дедами в первой роте, сказал:

- В моем понимании только тот имеет право быть дедом, кто прошел весь путь от ушана до деда и только потому может потом говорить ушану: я терпел и ты терпи, ведь ты тоже когда-то станешь дедом.

Мирон не забыл и свой ответ ему, что дедовство не для него. Поэтому он сам регулярно чистил свои сапоги, подшивал подворотничок, заправлял постель.

В эту осень Мирону дали новобранца по фамилии Попов, из Свердловской области. Готовить себе замену. Новичок оказался очень неглупым, смышленным, схватывал все на лету и вскоре мог самостоятельно выполнять несложные работы.

Если на службе Попова никто из старослужащих не мог тиранить, а тем более припахать, Мирон это никому не позволял, то в роте все ушаны были равны, а потому Попову приходилось не сладко, он, как все ушаны, летал с тряпкой по казарме мухой.

Как-то раз, глядя как Мирон вечером подшивает себе подворотничок и чистит сапоги, Попов предложил ему свои услуги, но Мирон категорически отказал ему. Но и на следующий, и на третий день Попов все повторял свое предложение:

- Ну давай я это сделаю, мне же ведь не трудно.

- Ты знаешь, когда-то вначале службы я сказал всем, что я никогда не буду ушаном, но и никогда не буду дедом. Я никогда никому не подшивал подворотнички, не чистил сапоги. Поэтому и ты для меня не будешь этого делать.

- Ты знаешь, ведь это не ты меня будешь заставлять делать, а это я сам тебе предлагаю. В первую очередь, это надо мне. Если я буду что-то делать для тебя, то ни одна сволочь в роте, зная об этом, не посмеет меня тронуть. Ты же сам прекрасно об этом знаешь. Кто посмеет пойти против тебя? Так что я тебя прошу, пожалуйста соглашайся.

В словах Попова был определенный резон. Сошлись на том, что он будет заниматься только подворотничком.

Вначале молодые и старики пытались, как обычно, припахать Попова, но узнав, чью гимнастерку он подшивает, сразу же отваливали от него. И хотя Попов подозрительно долго, почти два часа, с ужина и до самого отбоя, подшивал один подворотничок, для чего на самом деле надо было затратить максимум десять минут, никто так и не пытался поймать его на этом.

Все было шито белыми нитками, все понимали что происходит, но предъявить претензии к Мирону никому из дедов и в голову не приходило. Так что совесть у Мирона была чиста и тот мудрый дед ни в чем не смог бы его упрекнуть.

Ара из осеннего призыва. Шаменов из Перми.

Осеннее пополнение ничем не отличалось от предыдущего, кроме одного ушана, армянина по национальности, которого все стали звать Ара. Был он с виду несуразен, высокий, худой, сутулый и вертлявый, с большим кавказским носом. Отличался он исключительной болтливостью, причем говорил он много, складно и смешно. Знал кучу поговорок, анекдотов. Но самой большой его фишкой было то, что он знал наизусть небольшой рассказик, минуты на три, которая, кроме первых двух, сплошь состояла только из матерных слов. А начинался он так:

- Эй, Вы, х..., на х... до х... на х...рили – и так далее.

Причем рассказ нес вполне определенный смысл и заканчивался таким набором, несслыханных ранее ребятами, блатных жаргонных слов, что все просто обалдевали.

Этот армянин во второй роте пользовался таким же успехом, как в свое время Женя Шинкарев в третьей роте.

Деды пытались заучить наизусть этот шедевр устного народного творчества, чтобы затем на гражданке удивлять своих друзей. Они записывали эту матерную оду на бумажку и учили ее как стихотворение. Но никому из них не удавалось воспроизвести ее от начала и до конца, как армянскому декламатору без шпаргалки.

В эту же осень во второй роте появился татарин Шаменов, родом из Перми. Он уже успел где-то отслужить полтора года. Было понятно, что не за заслуги, а за какие достаточно серьезные прегрешения по месту старой службы отправили его в ссылку на Новую Землю.

Шаменову было уже далеко за двадцать лет, был женат, имел ребенка, вторым не успел обзавестись, иначе бы он не попал в армию. Раньше, на гражданке, он обретался где-то в торговле или на складе и потому его сразу поставили заведовать имуществом части. Он достаточно быстро привел в порядок запущенную до полной неразберихи систему учета имущества части, свел дебет с сальдо, стал своим у гарнизонных интендантов. Таким образом ему удалось вскоре наладить снабжение продовольственным и имущественным довольствием часть, в первую очередь офицеров. Был он обходительным, легко умел втереться в доверие к начальству. Короче говоря, проныра и торгаш был еще тот.

Чувствуя, что командование части нуждается в его профессиональных навыках, а потому закрывает глаза на некоторые его вольности, он стал вести довольно таки свободный образ жизни, частенько заявлялся в роту пьяненьким, отметив с каким нибудь тылови́ком очередную успешную комбинацию. Не в этом ли крылась тайна его ссылки сюда?

В скором времени Шаменов совсем зазвездился, экипировался по полной программе, облачился в ПШ, офицерскую шапку, хромовые сапоги, стал поучать других жизни. А уж принять с устатку для него стало рядовым делом.

Как-то раз, после ужина, покой казармы нарушил вбежавший в роту Миша Риманов, который в панике стал умолять ребят:

- Мужики, спасите меня, Шаменов хочет меня зарезать! – и пробежав в конец казармы, заполз под кровать, что для него, довольно таки толстенького, было не совсем просто.

Мирон, в недоумении, прошел туда убедиться, что ему не послышалось:

- Миш, ты что, заработался что ли? Зачем тебя резать?

- Мирон – ответил дрожащим и прерывающимся голосом Миша – не выдавай меня, отойди куда нибудь, иначе он меня найдет и зарежет.

В это время в казарму вошел пьяный Шаменов, крепко сжимая большой складной нож в руках:

- Где этот гад, Риманов? Куда он спрятался, хренов художник? – почему-то скрежеща зубами в золотых коронках, стал приставать он к растерявшемуся дневальному.

Мирон подошел к Шаменову:

- Эй, друг, мне кажется это уже перебор, кончай людей пугать.

- Нет, я этого маляра обязательно порежу. Где он? Риманов выходи! – продолжил Шаменов, размахивая ножом.

- Дай сюда нож и не балуй.

- Только после того, как посажу на него Романова.

- Больше повторять не буду, отдай нож, и-ли-и – медленно с расстановкой, глядя дебоширу пристально в глаза, тихо произнес Мирон - ты по-ня-я-л?

Тут Шаменов как то неожиданно сник, сунул Мирону в руки нож и понурившись побрел из казармы.

Миша Риманов был безумно рад такому исходу дела, но он так и не раскололся, за что на него так осерчал Шаменов.

Вместе с новобранцами и Шаменовым во второй объявился еще один новичок, конопатый прапорщик. Был он туп и глуп до безобразия, что впрочем для прапорщиков не такая уж редкость. Но он, в силу своей особой глупости, возомнил себя пупом земли, стал донимать и доставать, по делу и не по делу, всех подряд, начиная от ушанов и кончая дедами. Особенно это не нравилось дедам, которые почувствовали угрозу своим выстраданным привилегиям. И они решили этого недоумка проучить.

Однажды, когда конопатый прапорщик остался на свое очередное дежурство в роте и сидел в ее канцелярии, по знаку одного из дедов кочегар выкрутил пробку. Свет во всей казарме погас, наступила крошечная темнота. И тут раздался какой-то грохот и дикие вопли этого прапорщика. Все продолжалось секунд пятнадцать, а затем снова наступила тишина. Потом включился свет. Прапорщик выскочил из канцелярии, держась руками за голову, на скуле у него расплывалась большая ссадина. В самой канцелярии, там и сям, валялись кирзовые сапоги.

- Вы видели, кто сейчас здесь был – стал он приставать с расспросами к дневальным. Те, конечно, никого не видели.

Тут он стал громко, на всю казарму, рассказывать о происшедшем подошедшему на шум старшему по дневальному наряду, строевому сержанту:

- Ты представляешь, сию в канцелярии, вдруг выключается свет и в меня начинают бросаться сапогами. Попали несколько раз по голове и еще куда-то в руку. Я сейчас же пойду в штаб и доложу обо всем начальству, пусть они этих негодяев накажут – захлебываясь словами, стал вопить пострадавший.

Сержант завел его назад в канцелярию и посоветовал не делать этого. Ведь он не видел, кто на него покушался посредством сапогометания, а солдаты никого выдадут, это уж точно, как пить дать, поэтому наказывать будет некого. Да и вообще, не надо об этом никому рассказывать, иначе он станет для всех посмешищем. Лучше сделать вид, что ничего не произошло.

Как ни странно, при всем скудоумии прапорщика, слова сержанта возымели на него свое действие. С тех пор он круто изменился, больше не вредничал, а скорее упросил начальство перевести его на другое место службы, от греха и позора подальше.

Побег близнецов.

Для армии вполне обыденным явлением стало дезертирство. Солдаты сбегают из расположения своих частей по разным причинам, но чаще всего по причине дедовщины.

Если на материке возможны любые варианты бегства солдат из части, например они могут стать ходоками в комитет солдатских матерей или уехать на перекладных домой к родителям, к любимой, то на Новой Земле это можно сделать только чисто символически. Убежать то некуда, кругом тундра и морская пучина. Как-то ненец Семен признался, что даже ему, своим ходом, не под силу добраться зимой по льду до материка, слишком большое расстояние. А в новоземельской тундре, по его мнению, может выжить только ктонибудь из представителей коренного населения севера.

Но не взирая на такие неподходящие здесь для дезертирства условия, кое-кто, когда дедовщина становилась просто невыносимой, все же умудрялся совершать побег из расположения своих частей, будь то матрос или солдат. Дедовщина ведь для всех одна. Обычно побег обнаруживали во время вечерней поверки, а на следующий день, до обеда, беглеца находили где-нибудь на чердаке одного из отапливаемых зданий или в коробе теплотрассы. Других вариантов не было. Это были давно известные места для поиска дезертиров, только там была возможность незаметно провести ночь вне казармы и не околеть от холода.

Если дезертир покидает расположение части больше, чем на трое суток, то он подлежит уголовному преследованию, если меньше, то все ограничивается губой. Вместе с ним на губу, обычно, отправляется и его мучитель, если конечно последний будет кем-то выдан, что тоже случается не часто. У стукача в армии незавидная судьба, он становится изгоем на все время службы, а это тяжелая участь.

Но в эту осень случился не совсем обычный побег. В последнем призыве были два брата близнеца Лобановы, то ли из чувашей, то из мордвы, которых невозможно было отличить друг от друга. Их определили на службу в столовую. Были они крепкими ребятами, на гражданке привыкли всегда стоять друг за друга и потому пользовались определенным уважением у сверстников. Здесь они тоже пытались действовать тем же способом, но безуспешно, деды быстро их поставили на место, а за строптивость их стали гонять больше, чем других ушанов.

И вот в один из пасмурных осенних дней на вечерней поверке не досчитались одного из Лобановых. Второй Лобанов понятия не имел, где находится его брат.

На следующий день, как обычно бывает в этих случаях, устроили тотальную проверку всех чердаков и коробов теплотрасс, но Лобанов как в воду канул. На третий день повторили проверку, но безрезультатно. Было решено расширить круг поиска и помимо чердаков и теплотрасс прочесать окрестности гарнизона. Уже стали допускать возможность, что он сбежал в тундру и замерз там, а это очень серьезное ЧП.

Злые и усталые от бесконечных поисков, солдаты и офицеры в очередной раз выстроились цепочкой и двинулись по тундре. Заодно прихватили с собой второго Лобанова, на всякий случай. А может он подскажет, в случае необходимости, как в определенной ситуации мог бы поступить его брат, ведь все-таки они были близнецами.

Какой то момент один из дедов вдруг остановился, с недоумением посмотрел на этого Лобанова и спросил:

- Слушай, если ты тот, который ищет вместе с нами своего сбежавшего брата, то кто же тот, который ищет сейчас тоже своего сбежавшего брата, но с другой командой на теплотрассе. Я ведь точно знаю, что тебя взяли в ту команду.

Сообразительный дед, проявивший выдающиеся аналитические способности, тут же сообщил о своих догадках командиру.

Оказалось, что все это время близнецы Лобановы играли со всеми в кошки мышки. Как выяснилось позже, они, в зависимости от обстановки, или прятались по очереди, или не прятались вовсе, но при этом старались всегда находиться в разных местах. И если

прячущегося находили, то он заявлял, что он вовсе не беглец, а вместе со всеми ищет своего брата. Так им удавалось водить всю часть за нос почти три дня. Оказывается, и в столовую они ходили по очереди, у всех на виду. Прямо цирк какой-то.

К великому облегчению всех в части, а так же к счастью братьев Лобановых, это поисковая эпопея наконец-то закончилась. К счастью братьев Лобановых потому, что на следующий день на кого-то из них завели бы уголовное дело по факту дезертирства.

А командование части пришло к выводу, что оба близнеца, по очереди, совершили побег из части, а потому обоих отправили на губу на трое суток.

ЗИМА. ГОД ВТОРОЙ.

Школьник Сергей. Новогодний бал.

После полутора лет службы время побежало веселей. Вот и календарная зима наступила. Подступала вторая за время службы полярная ночь.

Однажды на базу, где служил Мирон, забежал паренек с гарнизона и попросил кого-нибудь починить маленький электродвигатель для игрушечной модели автомобильчика. Его направили к Мирону, который не только починил электродвигатель, но и выточил на токарном станке некоторые износившиеся детали этого автомобильчика. А потом посидели, поговорили. Паренек, звали его Сергеем, оказался уже вполне взрослым парнем, просто с виду он казался еще подростком, учился в десятом классе, увлекался сборкой копий различных моделей техники. Отец был у него военным инженером в звании майор, а его семья постоянно жила в г. Шебекино Белгородской области.

Еще никто до Сергея, из гарнизонных школьников, не заводил знакомства с солдатами, по негласным гарнизонным правилам это было не принято. Но Сергей стал частым гостем у Мирона, ему нравилось вместе с ним что-то вытачивать, выпиливать, фрезеровать на станках. Ему было интересно поговорить с ним об автомобилях, самолетах, кораблях, да вообще о технике, о которых у Мирона были энциклопедические знания, он тоже в школьные годы серьезно увлекался ими. Но самое главное, Мирон покорила его своей настойчивой попыткой до армии покорить физфак МГУ и рассказами об астрономии. Сергей несколько раз приходил на тренировки по карате в спортзал, но ему больше нравилось смотреть на тренировки, чем самому тренироваться, такой уж он был человек.

Сергей очень дорожил этой нечаянной дружбой с Миром и решил порадовать его неожиданным сюрпризом. Перед Новым годом он принес Мирону два пригласительных билета на новогодний праздничный бал старшеклассников в школе. Второй билет был для Эдика. Как удалось ему их раздобыть для солдат, даже трудно было себе представить. Но он это сделал. Для Мирона и Эдика это был настоящий новогодний подарок.

А для замполита Павлова стала настоящим шоком просьба Мирона с Эдиком выдать им увольнительные на этот самый бал. Никто еще, в бытность его замполитом, не обращался к нему с такой просьбой. Он обещал подумать.

Капитан Павлов очень хорошо относился к Мирону, наверно в глубине своей души, он испытывал к нему какую то неосознанную симпатию за его неординарность, за отчаянность, за особую жизненную позицию. А к Эдику, непонятно почему, он относился довольно таки прохладно и в день школьного бала, к немалому огорчению Эдика, специально поставил его дежурным по штабу, при этом демонстративно выписал Мирону увольнительную.

Мирону очень хотелось пойти на бал с Эдиком, все-таки вдвоем было бы веселее среди незнакомых школьников, но ничего нельзя было поделать.

Когда Мирон вошел в школу, бал был в полном разгаре. Он с непривычки был оглушен громкой музыкой в исполнении матросского вокально-инструментального ансамбля, ослеплен вспышками ламп цветомузыкальной установки, кругом сновали незнакомые девушки и ребята в маскарадных костюмах. Мирон в растерянности остановился у входа в зал и не знал, как ему быть дальше. Появление солдата на балу вызвало у школьников большое недоумение, как впрочем и у учителей. Такого раньше не бывало.

Но тут к Мирону подбежал Сергей и обрадованный встречей, стал оживленно рассказывать ему о бале, о школе. Школа была уникальной, второй такой не было за полярным кругом в дальних северных гарнизонах. Оригинальная планировка, здесь были созданы прекрасные условия для учебы, занятий спортом, самодеятельностью. Отличный преподавательский состав.

Тут к Мирону с Сергеем подошли партнерши по танцам Марина Мелешко с Ларисой, они были удивлены, но в то же время и очень рады неожиданной встрече с Миромом на этом празднике. Сергей, как виновник этого сюрприза был очень горд за себя. После такого приема Мирон чувствовал себя уже не столь скованно, да и другие увидев, что он здесь не случайный гость, перестали обращать на него внимание.

Начальник политотдела Спецстроя капитан первого ранга Мелешко, как показала жизнь, мягко говоря не очень любил Мирона, а вот его дочь Марина, в противоположность своему отцу, прекрасно относилась к нему.

Марина на этом балу была звездой первой величины. Она была большой заводилой, все на балу вращалось вокруг нее, от желающих потанцевать с ней не было отбоя и вообще, она была удивительно привлекательной девушкой. Ее красивая подружка Лариса, в отличие от Марины, была тихоней и скромницей, но и у нее тоже поклонников было предостаточно. Уроки Кравченко не прошли даром, девушки весь вечер блистали, даже получили призы в танцевальном конкурсе.

Бал удался на славу. Марина с друзьями проводили различные викторины и конкурсы, а Дед мороз вручал призы и раздавал подарки.

Но все хорошее когда-нибудь обязательно кончается. Время пролетело быстро, пора было возвращаться с этого прекрасного бала в казарму, к армейской действительности.

Дембельский Новым год.

Перед Новым годом друзья, которые появились у Мирона во второй роте после его перевода туда, попросили его через гражданских знакомых разжиться спиртным, чтобы достойно встретить Новый год.

Учитывая прошлогодний экстремальный опыт со спиртом, про который рассказал Мирон своим новым друзьям, было решено отметить зельем не крепче сорока градусов, то есть максимум водкой.

В этом согласилась помочь Мирону Галина, эта миниатюрная хрупкая женщина с голубыми глазами, которая участвовала в танцевальной самодеятельности. Но в силу острого дефицита водки в гарнизоне, она сумела раздобыть только сухое вино Рислинг, две бутылки. Это было даже лучше, ведь вино, хотя оно конечно не традиционное шампанское, больше подходит для чоканья под новогодние куранты, чем водка. Не водку же пьянствовать собрались, а праздник отмечать.

В этом году достаточно просто удалось спрятать спиртное, его просто отдали на хранение сержанту, тоже участвовавшему в этом мероприятии по встрече Нового года и имевшему ключи от старшинской каютки. Он, при необходимости, подменял его.

Все повторилось по прошлогоднему сценарию. Поздравления от командования в столовой, такой же продолжительный предновогодний ужин с котлетой, вилкой и вафлями, а затем просмотр по телевизору Голубого огонька. На этот раз Мирон с друзьями позволили себе, в спокойной обстановке старшинской каютки, с чувством и

толком чокнуться под бой курантов, посмаковать вино и поговорить за жизнь. Встреча Нового года на этот раз удалась на славу.

Крысы и тараканы.

Как известно, крысы и тараканы являются неизменными спутниками людей. Наверное, они самые домашнистые из домашних животных, избавиться от них практически невозможно.

Даже здесь, на крайнем севере, они водились в невероятных количествах. Любимым местом обитания тараканов была сушилка. Огромных размеров, они стадами сновали среди сапог и портянок по теплым подогреваемым настилам. Не менее устрашающих размеров были и крысы. Водились они внутри щитовых стен казарм и под полами. И днем, и ночью шуршали они там, грызли в дереве проходы и лазы. Очень часто крысы наведывались оттуда в гости к солдатам. На них было противно смотреть, огромные и толстые, с голыми мерзкими хвостами, они бесцеремонно разгуливали по казарме.

Самое непонятное было то, как эти тараканы и крысы выживали здесь. Ведь в казарме, из-за строго запрета, никогда не держали еду, ни крошки. И чем только эти твари питались? Вот загадка.

Обычно у новобранцев эти твари вызывали чувство омерзения, а привычные старослужащие не обращали на них внимания.

В один из зимних вечеров Мирон прилег на свою койку, передохнуть. Сквозь дрему он слышал, что происходит вокруг. Какой то разговор на соседних койках, шуршание крыс за стеной. И вдруг он явно услышал цокот коготков крысы, бегущей по трубе батареи отопления, проходившей у изголовья кроватей. Цокот приближался.

- А ведь эта тварь бежит прямо на меня – подумал Мирон.

И не успел он до конца осмыслить свою догадку, как крыса прыгнула с батареи прямо ему на голову и, чтоб не свалиться с него, уцепилась лапками за его волосы. Мирон как ошпаренный вскочил с кровати и стал мотать головой, пытаясь сбросить эту мерзость со своей головы. В свою очередь крыса, чтобы не свалиться, еще сильнее уцепилась за волосы, шкрябая лапами ему по голове. При этом ее длинный, холодный и противный хвост мотался по всей щеке Мирона, отчего стало еще мерзостнее. Ребята с соседних коек с ужасом наблюдали за всем происходящим.

Наконец с очередной, уже непонятно какой попытки, посильнее мотнув головой, Мирону удалось сбросить эту тварь на пол, после чего она, как ни в чем не бывало, побежала к другому лазу и благополучно скрылась в ней.

Мирон схватил мыло и побежал в умывалку отмываться. Мылился он раз пять, но никак не мог избавиться от ощущения, что еще не отмылся от этой крысы.

А фантом мотающегося по щеке этого противного холодного хвоста сопровождал его еще несколько дней.

Бурение вечной мерзлоты. Болото.

Эта зима, в отличие от прошлогодней, выдалась не такой суровой. Правда были сильные метели, но до вариантов дело не доходило. И морозы не опускались ниже тридцати пяти градусов. Так что прощальная для Мирона зима баловала обитателей гарнизона.

В эту зиму руководство Спецстроя решило провести эксперимент. А почему бы вместо занудного долбления шурфов для установки свай в вечной мерзлоте, не использовать метод его бурения? Ведь бурение значительно производительнее долбления. Сказано, сделано. Где-то за границей была закуплена дорогушая механизированная самоходная бурильная установка, которую доставили в гарнизон. Она была новенькая,

сверкала свежей ярко-оранжевой краской, полностью автоматизированная, тихо урчала мощным дизелем, ну просто чудо техники.

Для начала решили пробурить пробный шурф около базы, где служил Мирон. Оператор настроил установку и запустил ее. Действительно, бур, с победитовой коронкой и со шнековыми колонками, стал входить в вечную мерзлоту как в масло. Мерзлая земля, под воздействием трения бура становилась пластичной и поднималась по шнеку вверх. Но по мере того, как бур погружался все глубже и глубже, шнеку приходилось ворочать в скважине все большее количество породы, на что уже постепенно перестало хватать мощности установки.

В конце концов бур остановился, порода в скважине, под воздействием окружающей ее вечной мерзлоты, мгновенно застыла обратно и буровая колонка намертво застряла в скважине. А пробурили то всего четыре метра. Чего только не предпринимали, чтобы освободить инструмент, но все было бесполезно. А за потерю части комплекта от дорожной импортной установки никто бы по голове не погладил бы.

Оставался самый простой, но действенный способ, дать солдату в руки отбойный молоток и освобождать колонку бура от вечной мерзлоты, выдалбливая вокруг него колодец диаметром метра в два и глубиной четыре метра, на всю длину застрявшего бура.

Выручали этот бур недели три целым отделением солдат. Поверьте, долбить вечную мерзлоту очень нелегкое дело. Пика отбойника тоже, как в масло, входила в мерзлый грунт, а вытащить его оттуда было очень не просто, по той же самой причине, что и бур. Надо было откалывать вечную мерзлоту по крохам, не давая ему захватить инструмент. Так и мучались солдаты все эти три недели.

Был занят на этой спасательной работе и солдат по фамилии Лазуткин. Он был призван вместе с Димой Персиком из Москвы и к этому времени успел тоже отслужить полтора года.

Лазуткин был уникальным, в своем роде, человеком. Внешне он выглядел весьма своеобразно. Носил круглые старомодные очки. Был он очень худым и настолько сутулым, что его можно было принять за горбатого. Лицом он тоже не вышел, был похож на Урфина Джюса, как обычно его изображают в иллюстрациях в детской книжке в сказке про Страшила и Железного дровосека из Изумрудного города, только очень изнеможенного. Такой же длинный двухэтажный нос, глубоко и близко посаженные глаза, такие же брови. Когда Лазуткина впервые голого увидели в бане, то рядом с ним образовался вакуум, все поспешили перейти с шайками на другие лавки, оставив ему одному во владение целую лавку, которых на всех не хватало. Кривые худые ноги, выпирающие лопатки и ребра, спина колесом, а середина груди была вдавлена вовнутрь настолько, что в этом месте образовался провал почти до самого позвоночника. С самого начала службы ни у одного деда не поднялась на него рука, его даже не припахивали, не могли переступить через себя. Все задавались вопросом, как его, такого убого, взяли в армию?

Говорил Лазуткин гнусавым голосом, медленно, но обстоятельно. Но надо признать, что он был очень начитанным, происходил из семьи коренных московских интеллигентов, имел достаточно твердый характер и свои сложившиеся жизненные принципы.

Позднее выяснилось, что Лазуткин оказался достаточно жилистым, он наравне со всеми выполнял любую работу.

Отделение, которому было поручено вытащить бур, разместилось в вагончике. Ушаны и Лазуткин по очереди спускались в яму и долбили мерзлую землю. Деды контролировали ход работы из вагончика по треску отбойного молотка, доносившегося из ямы. В какой то момент один из дедов вдруг вспомнил, что уж больно долго Лазуткин трудится в этой яме. Он вышел на улицу и увидел следующую картину. Зима, метель, мороз ниже двадцати градусов. На дне ямы в снежной круговерти сидит на деревяшке Лазуткин и читает книжку. Его правая нога время от времени давит на отбойный молоток, заставляя его издавать треск. Все были в полной уверенности, что там, в яме, работа идет

полным ходом, в то время как Лазуткин спокойно читал свою любимую книжку. Вот такой хитрец.

В конце концов буровую колонку откопали и командование Спецстроя, от греха подальше, отправило это чудо техники на хранение в закрытый бокс. Ничего лучшего для долбления шурфов для свай, чем хохлы с их примитивным способом, никто еще не придумал.

Эта зима запомнилась еще одним событием. Все знают, что арктические земли представляют собой либо скальные образования плюс ледники, либо вечную мерзлоту, на которых разбросаны различные водоемы. Другого не может быть по определению.

Одному бульдозеристу, из второй роты, поручили пробить дорогу в снежной тундре, до какого то объекта. Вполне обычное задание. Он стал расчищать этот зимник, прошел уже достаточно большой путь, как вдруг бульдозер стал проваливаться в эту самую тундру. Бульдозерист в испуге выскочил из кабины и увидел, что бульдозер погружается в какое-то парящее на морозном воздухе болото. И это зимой, посреди тундры, за полярным кругом, а не в средней полосе! Это здесь, где даже летом под слоем оттаявшей земли толщиной в несколько сантиметров начинается твердь вечной мерзлоты, тянущаяся в глубь на десятки метров, до самых скальных пород.

Через некоторое время бульдозер погрузился в болото по самую кабину. Бульдозерист попросил своего товарища, такого же бульдозериста, помочь ему. Тот подергал подергал застрявшего, да и сам застрял, точно так же. Пришлось им идти с докладом к своему начальству, которое вначале им не поверило. Как можно умудриться в зимней тундре найти болото и утонуть в ней? Уму не постижимо. Но бульдозеры то действительно застряли, а с этим упрямым фактом нельзя было поспорить.

Пригнали для верности еще два бульдозера и начали ими одновременно, на длинных тросах, тащить один из застрявших бульдозеров. Тянувшие бульдозеры выгребли гусеницами из под себя замерзший верхний слой земли и тоже провалились в болото. Это уже было действительно серьезно. Потерять зараз, среди зимы, четыре бульдозера гарнизон не мог себе позволить. Спецстроевское начальство стало лихорадочно искать пути выхода из этой ситуации.

В конце концов у ПВОшников нашли тяжелый тягач с мощной лебедкой, который с расстояния пару сотен метров, со скальной тверди, по одному выломал уже успевшие вмерзнуть в болото бульдозеры и вытащить их оттуда. При этом вся тундра в этом месте ходила ходуном, это была действительно настоящая болотная хлябь. Почему она не замерзла зимой в вечной мерзлоте, никто вразумительно так и не смог объяснить.

ВЕСНА. ДЕМБЕЛЬ.

На губе.

Наступил март месяц, наступила календарная весна. Пора уже было готовиться к дембелю. Обязательные дембельские альбомы, у большинства увольняемых, давно уже были готовы. Осталось только вклеить туда, на первую страницу, весенний приказ министра обороны об увольнении, а самое главное дожидаться этого приказа.

А до этого начались приятные хлопоты. Подготовка по полной программе парадной формы к увольнению, его подгонка по фигуре, новые эмблемы, новый ремень, специальные не стандартные погоны и всякая другая дребедень.

Галина и на этот раз выручила Мирона. Она специально высмотрела для Мирона гражданский костюм в гарнизонном универмаге. Мирон быстро выписал в бухгалтерии части деньги и Галина выкупила этот костюм, который действительно был хорош. Светло

серого цвета, сидел практически идеально, даже брюки не надо было подрубать. Заодно был приобретен и дорожный чемоданчик.

В это время в гарнизоне появился новый фотограф, который умел хорошо делать цветные фотографии, что для того времени в стране было большой редкостью. Гарнизонный народ пошел к нему валом. Мирон воспользовался тем, что у него был пропуск в гарнизон для обслуживания кранов. На досуге он заскочил в ателье и сфотографировался на память о службе.

Через две недели, по пути на кран, он завернул в ателье за фотографией. На входе его встретил матросский патруль во главе с молоденьким мичманом, который внимательно посмотрел на Мирона и ехидненько произнес:

- Хорошая фотография получилась, даже можно сказать отличная. Давай иди, получай его, а затем мы с тобой продолжим разговор.

Фотография действительно получилась хорошая, цветная, почти художественная.

- А теперь скажи, у тебя есть увольнительная? – продолжил мичман, когда Мирон вышел назад.

Пропуск в гарнизон не возымел на него действия и он, забрав у Мирона военный билет, издевательский произнес:

- У тебя пропуск на твои объекты, а для посещения ателье надо иметь увольнительную. Мы сейчас идем на обед, а ты сам пойдешь на гауптвахту и доложишь там начкару, что был задержан патрулем за самоволку. Все ясно? А я после обеда занесу на гауптвахту твои документы.

Это было настоящее издевательство. Но ничего не оставалось делать, как самому себя отконвоировать на губу, в одноэтажное зеленое здание, одиноко стоявшее недалеко от причалов. В душе все бурлило.

Начкар, кап три, внимательно выслушал доклад Мирона, сопроводил его кратким комментарием, явно в адрес мичмана:

- Идиот!

Затем велел сдать все ремни, брючный и солдатский с бляхой, и отправил Мирона в камеру. Камера представляла собой практически пустое помещение, основную часть которого занимала одна единственная огромная нара, обитая железом и покрашенная в бордовый цвет. Видимо арестанты спали здесь вповалку, что позднее подтвердил многоопытный Персик. Через стену Мирон слышал, как кап три позвонил в часть и попросил забрать солдата, то бишь его.

Через двадцать минут, одновременно, появились мичман, старший патруля, и старшина роты, прапорщик Лэла. Кап три забрал у мичмана военный билет Мирона, передал его старшине Лэла со словами, чтобы мичман слышал:

- Идиоты еще не перевелись. Не свое, так чужое время пожалел бы.

Так Мирон, за все время службы, первый и в последний раз побывал на губе, где просидел под арестом целых двадцать минут. Наверное, солдат за время службы должен познать все стороны армейской жизни, в том числе и гауптвахту, что и произошло с Мироном.

Спасти рядового Риманова.

С наступлением весны что-то странное стало твориться с Мишей Римановым. Вначале стал он просто заговариваться. То якобы его Шаменов снова хочет зарезать, хотя последний, после того случая, вообще как-то притих, не хотел портить себе дембель, то стал время от времени метаться и шхериться от замполита Павлова, который в это время был в командировке. Стало ясно, что у него происходит что-то неладное с психикой.

Дальше, больше. Все стали замечать, что глаза у него как-то потухли, взгляд потерял осмысленность, он стал ко всему безразличен, впал в депрессивное состояние. Видимо хрупкая психика художника не выдержала тягот армейской службы.

У начальства состояние Риманова вызвало серьезное беспокойство. За один год два случая психического расстройства у солдат в части, это было уже слишком. И они, от греха подальше, решили отправить Романова в Североморск, в центральный госпиталь Северного флота.

Перед отъездом Эдик с Мироном посадили Мишу перед собой и попытались достучаться до него:

- Миша – глядя в потухшие глаза, раз за разом повторял Эдик, – слушай меня внимательно. Когда приедешь в Североморск, в госпитале соберись, возьми себя в руки и скажи врачам, что у тебя сейчас просто очень тяжелый момент в жизни. Придумай, что твоя девушка ушла к другому или в семье большие проблемы, что командиры достали. Поэтому у тебя сейчас депрессия, всего лишь депрессия. Если ты этого не сделаешь, то тебя упрячут в психушку, надолго упрячут. Тогда навряд ли ты сможешь вернуться к своей прежней жизни, к Ленке. Запомни, до приказа осталось совсем ничего. Ты должен дембельнуться, а не комиссоваться.

Затем Эдика сменял МIRON и тоже пытался внушить Риманову то же самое.

С грустью они смотрели вслед УРАЛу, увозившему Романова, в сопровождении прапорщика, на аэродром. Надежды на то, что они сумели вбить в голову Миши свои установки, практически не было.

На следующий день вечером МIRON пошел в санчасть к Эдику. Настроение у обоих было отвратительное, все таки было очень жаль Романова. Посидели, помолчали. Пора было возвращаться в роту, но в этот момент в санчасть влетел Миша с криком:

- Мужики, привет! Как я рад Вас видеть снова! – и полез обниматься.

МIRON с Эдиком ошарашено смотрели на Риманова, как на воскресшего из могилы, не могли поверить своим глазам. Это был прежний Миша, шумный, беззаботный и веселый.

Он рассказал, что когда его привели в госпиталь, у него что-то щелкнуло в голове и он вспомнил все, что ему втолковывали Эдик с Мироном перед отъездом. Он в точности все это выдал докторам, которые, помянув недобрым словом перестраховщиков командиров, велели Риманову с прапорщиком отправляться назад в часть, что они тут же и сделали.

Всю следующую неделю Риманов был бодр и весел. Вспоминал свою жизнь до армии, строил планы на будущее, после увольнения. Глядя на него, трудно было представить себе того Мишу, который в сопровождении прапорщика уезжал в госпиталь в Североморск. Все радовались его такому удивительному исцелению.

Только Эдик продолжал внимательно присматриваться к Риманову. И не зря. Через неделю, после возвращения из Североморска, Миша снова резко ушел в себя, его состояние стало еще хуже, чем до поездки в Североморск, и уже достучаться до него было практически невозможно.

В промежутках между состояниями полной отрешенности, Миша стал говорить, что МIRON тайне замыслил убить его и только ждет для этого удобного момента.

Эдику невероятными усилиями удалось уговорить командование не отправлять Риманова опять в Североморск, а оставить Мишу в части под его ответственность до выхода приказа на увольнение, до которого осталось буквально несколько дней и затем уволить его, сняв этим с себя всякую ответственность за его дальнейшую судьбу.

День и ночь, не смыкая глаз, пас Эдик Мишу, но все-таки дождался приказа. Риманова сразу уволили и отправили в сопровождении Эдика домой, в Москву.

Через три дня Эдик вернулся из Москвы. Был он в очень подавленном состоянии.

Эдик доставил Мишу в Москву домой и лично передал его на руки матери. Первым словами Мишиной мамы к своему сыну, несмотря на весьма плачевное его состояние, были:

- Много ли ты сыночек денег там заработал? Сколько ты их привез домой?

Оказывается, Мишина мама знала от кого-то, что стройбатовцам на Новой Земле платят деньги. И вот какими оказались ее первые слова к вернувшемуся со службы в тяжелом состоянии сыну. К ее огорчению Миша ничего не привез, ему не была положена зарплата, так как он числился в хозводе, был художником при части.

Эдик сам не мог сказать, чем он больше был удручен, то ли состоянием Миши, то ли столь неожиданным в этой ситуации вопросом его матери. Но переживал все это Эдик очень тяжело.

Мат командира – это военная тайна.

Перед самым увольнением кому-то из дедов пришла в голову идея, на прощанье, записать на утреннем разводе выступление командира части, чтоб затем развлекать им друзей на гражданке. Взяли у Кузенкова переносной кассетный магнитофон «Весна», подключили к нему микрофон и через открытую форточку окна санчасти записали ежедневный бенефис полковника Крылова, который в это утро был особенно в ударе. И шапку на землю бросал в поклоне перед примерным солдатиком, и насчет перерезания горла нерадивому негодяю особенно изощрялся, а мат из него сыпался уже и вовсе четырехэтажный. Наверно подсознательно чувствовал, что его записывают для истории.

Запись удалась на славу. Каждый вечер в третьей роте ребята, в курилке, слушали эту запись, сопровождая его гомерическом хохотом. Райкин близко не стоял.

Но кто-то из стукачей донес начальству об этом. Что тут началось! Бедного Кузенкова, как владельца магнитофона, затаскали в штаб. Ему пригрозили военным трибуналом, если он не выдаст всех участников этой акции. Кузенкову вменили в вину то, что он разгласил информацию, которая содержалась при постановке на утреннем разводе боевой задачи командиром части перед личным составом. А это военная тайна. Только вот с каких это пор мат в Советской армии стал военной тайной? Прямо белиберда какая-то. Надо отдать должное Кузенкову, он никого не выдал.

Постепенно ситуацию спустили на тормозах. Только конфисковали магнитофон с кассетой, на которую был записан тот самый утренний развод.

Однажды Эдик в свое очередное дежурство по штабу, когда вся часть была на службе, а командир части отсутствовал, услышал из кабинета замполита Павлова все нарастающий дружный смех. Это в полный голос хохотали капитаны Павлов и Либровский. Эдик подошел к двери кабинета и понял причину столь безудержного веселья. Замполит и начштаба, запершись в кабинете, прослушивали ту самую запись развода части на магнитофоне Кузенкова.

Приказ. Дембельский аккорд.

А жизнь в это время шла своей чередой. Деда, дождавшись, когда в часть принесут газету с приказом об их увольнении, в каждой роте провели традиционную церемонию посвящения себя в дембеля. Поставили в курилке на стол табуретку, с которого ушан громко зачитал им этот приказ. Деда, с этого дня ставшие дембеля, с восторгом выслушали это сообщение, обнимались и поздравляли друг друга.

На следующий день, за завтраком, дембеля, к немалому удивлению и радости ушанов, торжественно передали им свои пайки масла. Все традиции были соблюдены, пора было собираться домой.

В штабе были составлены списки команд увольняемых с графиком их отлета на материк. Как и ожидалось, МIRON был в одной из последних команд, а Дима Персик в самой последней. Если с Персиком все было понятно, проведших столько времени на губе солдат всегда увольняли последнюю очередь, то на сроки увольнения Жени явно повлиял злопамятный командир части.

Но ситуацию можно было исправить, выполнив дембельский аккорд. Мирон записался в команду, которая взялась провести ремонт в клубе. День и ночь пять человек приводили клуб в порядок, стругали, подправляли, заменяли и красили. В конце второй недели работы клуб сверкал как новенький. Команда, выполнявшая этот аккорд, улетела в числе первых. Все, кроме Мирона. Полковник Крылов имел на этот счет свое особое мнение:

- Ишь, чего захотел. Ну и что с того, что делал аккорд. Я сказал, что он улетит в числе последних. И точка.

Эдик хотел обязательно уволиться вместе с Миромом. Поэтому он отказался улететь с первой командой, куда его включили и остался дожидаться Мирона. Не каждый решится на такой шаг.

Рогачево - Архангельск - Москва.

Неопределенность с датой увольнения была очень тягостной. Каждые два-три дня уезжали команды на аэродром. Эдик, которому на днях присвоили звание старшины, как не уговаривал его Мирон, ни за что не хотел уезжать без него.

Уехал в отпуск и командир части полковник Крылов. Временно исполнять его обязанности назначили майора Божко.

В один из солнечных весенних дней Мирон с Эдиком без толку прогуливались по расположению части. Служба закончилась, а команду уехать никто им не давал. Послonyaвшись некоторое время по плацу, они пошли в санчасть, к Эдику. На входе в штаб им встретился майор Божко:

- Вы что здесь шатаетесь, делать Вам больше нечего?

- А что нам делать, товарищ майор?

- Как что, идите собирать вещи и получать документы, завтра уезжаете с очередной командой.

Вот это был сюрприз! Майор Божко всегда испытывал перед Миромом чувство вины за свое малодушие, когда не подтвердил своего разрешения на просмотр им кинофильма «Москва слезам не верит» в БМК перед Начальником политотдела Спецстроя капитаном первого ранга Мелешко. Теперь он решил хоть как-то загладить перед ним свою вину и вопреки указанию полковника Крылова, решил уволить Мирона все же пораньше.

В канцелярии штаба им выдали на руки военные билеты с отметкой об увольнении со срочной службы и проездные документы каждому, до места назначения. Вещи были собраны мгновенно, был составлен их список.

Эдик узнал, кто из лейтенантов сопровождает их до Архангельска, и договорился с ним, что тот провезет некоторые фотографии и агаты, подаренные Мирону геологом.

На следующий день утром настала время прощания с ребятами, которым предстояло еще служить, с Персиком, которому светило маяться еще месяц, с адъютантом Начальника политотдела полигона матросом Игорем.

Вначале очередную команду увольняемых выстроили в штабе. Все расписались в журнале о не разглашении сведений. Затем, по заранее подготовленным спискам, проверили вещи, которые дембеля брали с собой и поставили на них печать части. Дав последние напутствия, без приключений добраться до дома, начальство дало команду на отъезд. После этого к ним уже никого не подпускали, посадили на УРАЛ.

- Мужики, не горюйте! – кричали дембеля остающимся, видя погрузневшие их глаза – придет время и Вы тоже обязательно уедете. Посмотрите на нас, мы ведь дождались своего часа.

УРАЛ резво рванул с места и помчал ребят по бетонке в сторону аэродрома. В аэропорту у дембелей быстро проверили документы и вывели на летное поле под крыло самолета Ту-134, где их выстроили в ряд, заставив положить чемоданчики перед собой и раскрыть их.

Дул резкий холодный ветер, мороз стоял около минус десяти градусов. Дембеля были лишь в одних кителях, брюках, фуражках и ботинках. Матросы в спецпошивах, под руководством лейтенанта из особого отдела, тщательно проверили все вещи, сверили их со списками, заверенными в штабе. Затем дали команду всем расстегнуться и распахнуть кителя и тщательно обыскали всех дембелей. Матросы, натренированными движениями рук, быстро прошли с ног до головы. Пронизывающий морозный ветер пробирался до самых костей.

И только после этого дали разрешение подняться в самолет. За командой военных строителей пропустили через проверку команды матросов, ПВОшников и заполнили ими весь самолет.

Пока самолет заводил двигатели, выруливал на взлетную полосу, абсолютно никто из пассажиров не мог поверить в происходящее. И только лишь когда самолет оторвался от земли и стал набирать высоту, вначале абсолютно все завопили как безумные от переполнявших их чувств, а затем кто-то стал, не стесняясь, вытирать слезы, кто-то просто впал в отрешенно безразличное состояние, в прострацию.

Мирон почувствовал себя в этот момент полностью опустошенными и только где-то там, глубоко в сознании, начало зарождаться понимание того, что наступила долгожданная свобода, что уже никогда в его жизни не будет места прапорщикам Войтовичам, лейтенантам Годулянтам и полковникам Крыловым. И спасибо судьбе, раз уж случилось послужить в армии, что жизнь свела его там с Эдиком Колбиным, адъютантом Игорем, Димой Персик, Толиком Говорком, Гешей из Тамбова, майором Капканарем и конечно же с капитаном Павловым.

А Эдик, не обращая ни на кого внимания, встал посреди прохода самолета на колени и громко, на весь салон произнес:

- Боже, я благодарю тебя, что хранил меня все эти два года! Слава богу, что все это закончилось! Спасибо тебе, что всему этому настал конец! Конец!! Конец!!!

И это было сказано абсолютно не верующим человеком. Но и всем другим присутствующим в самолете эти слова не показались чем-то здесь не уместным.

Через полтора часа самолет приземлился в Архангельске. Здесь, в отличие от Новой Земли, снег почти весь растаял.

Аэропорт гудел как улей, он был забит увольняющимися солдатами и матросами, которые стекались сюда со всех окрестных воинских частей и дальних гарнизонов для дальнейшего следования.

Прибыв в аэропорт, эта многочисленная братия начинала прихорашиваться и наряжаться. Многие вставляли жесткие вставки в погоны, навешивали различные значки, солдаты надевали тельняшки, вместо рубашек, хромовые сапоги, взамен ботинок.

Среди всей этой воинской массы выделялись солдаты с красными погонами и буквами на них ВВ, Внутренние войска. В основном это были представители национальностей Средней Азии. Узбеки, казахи, таджики, туркмены. Так уж повелось, что Внутренние войска в основном комплектовались ребятами оттуда. Они несли службу во вполне известных заведениях, охраняли зеков в зонах, проштрафившихся солдат в дисбатах, в конвойной службе.

Видимо умные люди наверху посчитали, что с плохо говорящими на русском языке охранниками, зекам и дисбатовцам будет труднее договариваться о чем либо, чем со своим соплеменником. Конечно, это в какой то мере срабатывало, но не в меньшей мере играло роль то, что все, и начальство, и те, кого охраняли, считали этих ребят людьми второго сорта, обзывали их чурками. В ответ они отвечали не меньшей «любовью». И если, в силу своего азиатского менталитета, они подобострастно относились к начальству, то опять таки, в силу своего менталитета они зверствовали по отношению к охраняемым.

У них было и другое прозвище, звери. Какой мог быть в этой ситуации сговор. Это как раз и нужно было начальству.

Так уж сложилось, что все солдаты с презрением относились к тем, кто носил красные погоны ВВ и при случае всегда старались начистить им рожи, в отместку за тех, кто страдал сейчас в дисбате или за тех, что когда-то попадет в дисбат. Поэтому каждый ВВешник, зная об этом, по прибытию в аэропорт первым делом спарывал свои красные погоны и пришивал вместо них заранее приготовленные черные погоны с буквами СА, Советская армия.

Здесь же обретались ребята с родной части, уехавшие еще три дня назад. Самолеты до Свердловска и Тюмени летали отсюда редко и они дожидались своей рейсы. Они обрадовались своим, уже бывшим сослуживцам, объяснили Мирону с Эдиком, что им следует обратиться в воинскую кассу за билетами. Последним повезло, им выдали билеты на Москву на утро следующего дня.

После этого настал час истины. Захватив чемоданчики, Мирон с Эдиком отправились в туалет аэропорта. Здесь они сбросили с себя эту надоевшую военную форму и переоделись в заранее заготовленные еще в гарнизоне гражданские костюмы.

Какой это был кайф, ощущать себя нормальным человеком, когда не надо ежеминутно оглядываться вокруг, чтобы успеть отдать честь проходящим мимо офицерам, дергаться, когда на горизонте появлялся военный патруль. И вообще, можно было без оглядки расслабиться и чувствовать себя действительно свободным человеком.

Пора было привыкать к гражданской жизни. Для начала Мирон с Эдиком решили посетить местное кафе, выбрать себе из еды то, что ты сам пожелаешь, а не то, что положено, посидеть за чистеньким столом с вилкой и ножом в руках. Кафе оказалось действительно уютным, скатерти на столах, молоденькие официантки. Но в меню были только одни рыбные блюда, в основном из трески. На вопрос, а что им могут предложить из мясных блюд, официантка фыркнула и ткнула пальцем в строчку меню, где было написано: вареное яйцо под майонезом. Нет, это был не четверг – обязательный рыбный день для всех точек общепита по всему Советскому Союзу. В Архангельске днем с огнем нельзя было сыскать мяса. Но Мирон с Эдиком с удовольствием поели на холодное рыбу, на первое рыбу и на второе тоже рыбу. Хорошо, что вместо клюквенного морса не предложили рыбий жир. Но все равно, по сравнению с тем, чем они питались предыдущие два года, еда в архангельском кафе была просто изысканной.

Ночью в аэропорт заявился прапорщик, который сопровождал предыдущую команду дембелей. Тот самый прапорщик, который, в первый год службы Мирона, пытался ударить его ногой во время его драки с Пуховым, по кличке Волчара. Он стал приставать к ребятам, прося у них деньги на выпивку, но те просто открытым текстом посылали его подальше.

Прапорщик представлял собой весьма жалкое зрелище, был пьян, от него разило мочой. Оказывается, прошлой ночью, будучи вдрызг пьяным, он уснул на скамейке и обоссался. В первый момент у Мирона появилось огромное желание проучить этого недоумка, но стоило ему только взглянуть на это ничтожество, как его жалкий вид вызвал у него такое чувство омерзения, что пропало всякое желание мारать об эту мразь руки.

Эта ночь в аэропорту запомнилась еще одним событием. В полночь появился Василек, тоже из предыдущей команды, летевший в Свердловск. Он очень обрадовался, увидев Мирона, так как служил с ним в части в одной роте.

Василек стал предлагать Мирону с Эдиком покататься по ночному Архангельску на персональном автомобиле. Вначале ребята приняли это за шутку. Но Василек потащил ребят на стоянку перед аэропортом и показал на красные Жигули шестой модели, с вывернутой форточкой на передней двери. Оказывается он поехал в город и угнал оттуда эту шестерку, как это он часто делал раньше на гражданке, покатался вволю на ней, но

потом стало скучно одному ездить и он приехал в аэропорт искать товарищей для ночных покатушек.

Ни Мирон с Эдиком, ни другие дембеля, которым предлагал Василек увеселительные прогулки по ночному Архангельску, не согласились на такую авантюру. Никому не хотелось сейчас, когда так близок был родной дом, искать приключений на свою задницу, потерять только что обретенную свободу. Василек обиделся на всех, но и сам потерял интерес к Жигулям, у него пропало всякое желание в одиночестве наматывать километры.

Так и остался сиротливо стоять этот автомобильчик на стоянке перед аэропортом, вызывая недоумение у пассажиров своей вывернутой форточкой на левой передней двери.

А на следующее утро, когда самолет с Мироном и Эдиком на борту взлетел с Архангельска и взял курс на Москву, они поняли, что армия действительно осталась в прошлом и теперь они возвращаются к своей старой жизни.

Нет, не возвращаются к старой жизни, а этот самолет с ними на борту летел сквозь пространство и время к новой жизни.

Но кто может предсказать, что день грядущий нам готовит?

СОДЕРЖАНИЕ.

Прощай школа. 1

Здравствуй Москва. 1

ВЕСНА. ГОД ПЕРВЫЙ.

Архангельск-55. Полет в неизвестность. 3

Первый день в части. 7

Армейская столовая. 10

Курс молодого бойца. Присяга. 15

По ротам. Ушаны, деды и дедовщина. 21

Первая рота. Бунт на корабле. 27

Колбин и Риманов. 33

Третья рота. Дисбат на горизонте. 35

ГЦП №6. Спецстрой – 700. 42

Войсковая часть. Командиры. 42

Начало службы. Письма и бандероли. 49

Строительство котельной. 50

Первое встреча с белым медведем. 53

Таланты весеннего призыва. 56

Служба на БРУ. Сгущенка. 57

Натовский шпион. 62

Матрос Игорь. 63

ЛЕТО. ГОД ПЕРВЫЙ.

Разгрузка транспортных судов. 65

Солдаты, выпивка и тигра. 66

Буковина, БПК, БДК. Командировка в п. Северный. 68

ОСЕНЬ. ГОД ПЕРВЫЙ.

Ядерные испытания на полигоне. 70

Дембель Рики и Сашки. 70

Аристархов. Драка со стариком. 72

Персик, предводитель бритоголовых. 72

Пошел ты на х... . 74
Выдача спецпошивов. Шуба Годулянта. 76
Письмо прокурору. 77

ЗИМА. ГОД ПЕРВЫЙ.

Северное сияние. 78
Новый год. Патруль в ДОФ. 80
Варианты. Группа живучести. 83
Комсомольцы добровольцы. 87
Новый командир части. 87

ВЕСНА. ГОД ВТОРОЙ.

Неделя сна. Солдат психопат. 88
Белый медведь. 90
Визит Зам министра. Охота и рыбалка. 91
Новый командир третьей роты. 93
Любовь и секс. Насильник Аристархов. 94
Отпуск. 101
Развод дневальных. 102

ЛЕТО. ГОД ВТОРОЙ.

Спец по кранам. Купание в заливе. 103
Неудавшаяся ссылка. 108
Перевод во вторую роту. 111
Геолог. 112

ОСЕНЬ. ГОД ВТОРОЙ.

Чеченцы. 114
Аккорд осенних дембелей. 115
ЧП на ядерных испытаниях. 117
Кравченко и танцы. 118
Не был ушаном и дедом не буду. 120
Ара из осеннего призыва. Шаменов из Перьми. 121
Побег близнецов. 123

ЗИМА. ГОД ВТОРОЙ.

Школьник Сергей. Новогодний бал. 124
Дембельский Новый год. 125
Крысы и тараканы. 126
Бурение вечной мерзлоты. Болото. 126

ВЕСНА. ДЕМБЕЛЬ.

На губе. 128
Спасти рядового Риманова. 129
Мат командира – это военная тайна. 131
Приказ. Дембельский аккорд. 131
Рогачево – Архангельск - Москва. 132